

Елена Самойлова Грозовой Сумрак

<http://huge-library.ru>

«Грозовой Сумрак»: Армада; Москва; 2009

ISBN 978-5-9922-0516-9

Аннотация

Это легенда, рассказанная ненастной осенней ночью у жарко горящего очага. Сказка для тех, кто уже вырос, но еще продолжает верить в малый народец, живущий под сводами Холма в подземной стране. О том, что не так уж и велика разница между волшебным существом, живой стихией и человеком, когда их ведет одна Дорога, и о том, как все-таки мало люди знают о «добрых феях»...

Автор выражает благодарность Льву Крутикову, Всеволоду Мартыненко и Сергею Казакову за помощь в «ловле блох» и поиске неточностей. Отдельное спасибо Михаилу Черниковскому за наглядные и познавательные консультации.

ПРОЛОГ

За широко распахнутым окном вовсю гроыхала буря. Казалось, что море и небо поменялись местами, и перевернутый океан сплошным потоком льется сверху вниз в не измеренную никем бездну. Ветвистые молнии то и дело прочерчивали яркими зигзагами суровое черно-фиолетовое небо. Бухта у подножия далеко выдающегося в океан мыса превратилась в бурлящий котлован, где волны неистово разбивались о камень. Раз за разом, да с таким грохотом, что казалось, будто бы они решили переспорить не утихающий в сошедших с ума небесах гром.

Замок, построенный на каменном обрыве, казался неотделимой частью этого берега – настолько он сросся со скалой, так тесно сплелись его подземные коридоры с сетью естественных пещер в теле мыса. Издалека причудливые башенки казались всего лишь странным нагромождением камней и деревьев на одинокой скале, и, лишь приблизившись, можно было различить покатые крыши и тонкие изящные флюгера на верхушках башен.

Когда-то этот замок был прекрасен – белокаменные стены сияли в солнечных лучах, подчеркивая глубокую синеву сурового океана и пронзительно-голубое небо, на котором изредка возникали стайки пушистых облаков. Вызолоченные шпили покачивались на ветру, когда тот дул с океана, принося с собой солоноватую свежесть морской воды и запах водорослей. В замке всегда обитало множество людей, но это было до тех пор, пока хозяйкой в него не пришла прекрасная фаэриэ.

Шли годы – белые стены потемнели и покрылись частой сетью трещин, которые, в свою очередь, довольно скоро заросли диким виноградом, стерлась позолота со сверкающих шпилей... Да и сам замок постепенно изменял свои очертания. Насколько медленно, что никто из живущих поблизости людей не мог этого осознать. Старики говорили, что во времена их детства он был чуточку пониже, а башенки со шпилями – наоборот, повыше. От прадедов слышали, что замок на берегу океана не всегда стоял так близко к обрыву, что когда-то он располагался почти в середине мыса, но кто же верит старым сказкам? Разве замки умеют ходить? И уж тем более – вряд ли они умеют расти, перестраиваться сами по себе.

Однако слишком многие позабыли о том, что живущая в замке фаэриэ, наделенная способностью преобразовывать предметы вокруг себя, уже давно перестроила свое жилище

себе под стать. Более того – вдохнула в замок то, что знающие маги назвали бы жизнью.

Но даже долго живущие фазриэ не бессмертны, что бы ни думали о них люди. Прошли годы – и хозяйка покинула оживший благодаря ее присутствию замок. Никто так и не узнал, умерла ли она или же просто вернулась к своим родичам, которые рассеялись по лесам Приморской стороны после едва не грянувшей войны – просто однажды люди заметили, что сад вокруг замка начал чахнуть и увядать, а ворота оказались наглухо закрытыми.

Замок не впускал людей, да и они не особенно стремились проникнуть в тайны бывшего жилища фазриэ. Сказывали, сам Хранитель Дорог все тропинки пустил в сторону от осиротевшего пристанища прекрасной, как ясная лунная ночь, волшебной девы, все пути направил в обход мыса Иглы, чтобы никакой странник не помешал отдыху жаждущего покоя и тишины замка.

До тех пор, пока в замке не появился узник. Проклятый и своими и чужими. Говорят, он был чистокровным фазриэ, из тех, что в обмен на власть скармливал своих сородичей обитателям Сумерек – туманного мира, тесно соседствующего с миром живых людей, – места, откуда и просачивалась в «верхний мир» неживая мерзость и грязь, хищные твари и, что самое худшее, – те, кто завлекал обманом и магией на изнанку тени, беря в заложники не только тело, но и душу.

Того, чье имя стало синонимом проклинаемого, заточили в старый замок, обрекая на одиночество, которое могло бы стать почти вечным. До тех пор, пока стоит замок, пока смерть не призовет узника. А обрести свободу ему было невозможно.

Впрочем, поговаривали о некоем Условии, которое кто-то из магов, накладывающих заклятие заточения, «подарил» пленнику, не иначе как с целью поселить в нем ложную надежду на возможное спасение, тем самым лишь усугубив его муки.

Условие заключалось в том, что лишь незваный гость, явившийся в замок из глубин причудливо переплетенных коридоров, сумеет вывести узника на волю...

Именно об этом Условии думал сейчас пленник, сидящий на подоконнике раскрытого настежь окна и ловящий губами солоноватые капли ливня, летящие ему прямо в лицо. Волосы, когда-то бывшие чернее ночи, сейчас отливали холодным свинцовым отблеском при каждой вспышке молнии, освещавшей узкое бледное лицо, глаза на котором сияли двумя сиреневыми огоньками. Такими же, как и небольшая искорка в глубине аметистового шарика, оправленного в серебро, – словно миниатюрная драконья лапа сжимала в когтях гладкий драгоценный камень.

Огонек в аметистовой подвеске едва заметно пульсировал в такт биению сердца узника, то и дело почти угасал – но потом вспыхивал вновь с удвоенной силой.

Ревел океан. Где-то далеко внизу с грохотом разбивались волны об острые камни. В шум бури, смешанный с громовыми раскатами, вплеталось унылое, пронзительное пение морских сирен, которые устроили себе праздник на бурлящей поверхности соленой пенной воды.

Резкий порыв ветра откинул назад волосы пленника, едва доходившие тому до плеч, бросил в лицо пригоршню холодных дождевых капель. Очередная вспышка молнии озарила звериный оскал улыбки фазриэ, некогда снискавшего прозвище Грозовой Сумрак за умение повелевать нарождающейся бурей.

Теперь и это – в прошлом.

Не осталось ничего, только ревущий океан, сошедшие с ума небеса за окном да гнетущая тишина мертвых покоев замка и переходов. И тоска по *ней*, рвущая душу стальными когтями, цепляющая за живое каждый раз, когда он осмеливался думать о чем-то, кроме повседневного существования, этого медленного переползания изо дня в день – словно издыхающее от жажды животное из последних сил стремится к воде.

Нет, не к воде. К ее миру.

Потому как те, кто заточили его в этот замок, запечатали его со всех сторон настолько надежно, что проникнуть в него любому «гостю» было бы невозможно. Практически невозможно. Оставалось надеяться разве что на то, что заклинание со временем выдохнется

и сюда кто-нибудь сумеет забрести.

Пленник нехорошо усмехнулся и посмотрел вниз. Туда, где морская вода неистово бурлила в природном котле, в обычное время бывшего спокойной бухтой.

Он не может даже покончить с собой, бросившись вниз. Его тюремщики предусмотрели и этот вариант развития событий. Его ждет кратковременный полет, жуткая боль и беспамятство, после которого он придет в себя, лежа на собственной кровати, абсолютно целый и невредимый. Как фазриэ вместе с людскими магами добились такого эффекта – остается только гадать. Можно думать долго и не додуматься.

Хотя времени-то у него как раз много. Очень много...

Почти вечность.

В комнате раздался тихий смех, едва слышимый на фоне постепенно утихающей бури, но почему-то он моментально был подхвачен эхом и в мгновение ока разнесся по пустынным каменным коридорам.

Замок играл с вынужденным затворником, не то компенсируя годы вынужденного «молчания», не то попросту издеваясь. Как бы то ни было, сосуществование с Грозным Сумраком ему предстояло очень долгое...

ГЛАВА 1

Осенняя роща сплошь пронизана прохладным солнечным светом, косо лежащимся сквозь едва заметную дымку, серебристым шлейфом скользящую меж деревьев... Чуть подернутая зыбью поверхность сапфирово-синего озера, в которой отражаются как в зеркале невысокие берега, усыпанные палой листвой... Но само озеро – лишь бледное отражение высокого хрустально-прозрачного неба, чистый цвет которого не нарушен ни единым белым пятнышком облаков. В такое небо хотелось упасть, как в бесконечный омут, как в воды, что разделяют Осеннюю рощу и Летний сад Алгорских холмов, прикоснуться к этой синеве, как к безмерно любимому лицу.

Тишина, изредка нарушаемая лишь шелестом листвы под чуткими пальцами прохладного ветра. Он – единственное, что не подчинено мне в этой части Холма, он всегда был сам по себе и не слушал приказов осенних ши-дани, исполнял лишь просьбы, высказанные от чистого сердца. Сейчас ветер ласково перебирал мои кудрявые волосы, в которых, казалось, запутались солнечные лучи вперемешку с красками осени – и медная рыжина клена, и густой рубиновый отблеск осин, и нежное золото берез соседствовали в моих прядях с сочным цветом спелых плодов каштана и редкими, едва заметными в общей массе, тонкими серебряными прядями. Ведь осень одной рукой касается жаркого лета, а другую всегда протягивает холодной зиме. Потому-то в волосах всех осенних ши-дани есть и золото знойного летнего солнца, и прохладное серебро первого снега.

Мы есть те, кого непостоянные, страстные, живущие единым мигом и наслаждающиеся каждым днем своего существования люди называют духами природы, детьми лесов, теми, кого можно заметить лишь краешком глаза в переплетении древесных ветвей, разноцветной листве или круговерти зимней метели. Мы – народ ши-дани, проживающий в Алгорских холмах, оберегающий и свой волшебный край, и часть мира людей на поверхности. Для нас время течет как песок сквозь пальцы, с каждым годом мы меняемся, как природа, оставаясь прежними. Мы те – над кем не властны Условия колдовства, которым вынуждены подчиняться другие народы, владеющие магией, для нас существуют лишь Сезоны, когда мы входим в полную силу.

Люди ошибочно предполагают, будто бы весь народ ши-дани одинаков, что мы можем использовать силы природы по своему усмотрению в любое время дня и ночи, вне зависимости от погодных условий, всегда, когда нам вздумается. Возможно, если бы оно было так, жить нам довелось бы куда проще. Но момент рождения каждого ши-дани раз и навсегда определяет не только его внешний вид, но и принадлежность к одному из Сезонов, к месту обитания в Алгорских холмах.

Мне довелось родиться осенью, в разгар буйства ярких красок, мягкого лиственного ковра и пронзительно-синего неба, тогда как моей младшей сестре – в холодную зимнюю ночь, когда метель воет, подобно одинокому волку, а ледяной ветер гонит тяжелые седые облака по низкому суровому небу, поднимая снежную крошку с белого покрывала полей. Потому мы с ней так не похожи, и если меня можно принять за человека даже на пике моей силы, то в облике Ильен всегда больше звериного, волчьего. По Зимнему лесу она бродит либо в образе серебристо-серой волчицы с бледно-желтыми, напоминающими восходящую луну, глазами, либо как сейчас – в облике женщины, чье тело покрыто гладкой серебряной шерстью, а пушистый волчий хвост мерцает бриллиантами на осеннем солнце.

Сестра заметила меня сразу, подошла ближе и улеглась рядом на осенний ковер, положив голову мне на колени. Я машинально запустила тонкие пальцы в ее холодную, словно настывшую на морозе, бело-серую гриву волос, погладила по щеке. Зимние ши-дани неповторимы, как снежинки, и, несмотря на странный облик, они ближе всех нас к людям.

Ильен довольно заурчала и свернулась калачиком, накрыв пушистым волчьим хвостом подол моего одеяния, больше напоминающего аккуратно скрепленные между собой осенние листья, чем расшитую ткань.

Сестре не нужно говорить, зачем она пришла, – наверху разгар весны, и нам обоим скучно. В это время только в Холмах мы можем быть теми, кем привыкли быть. Вздумай мы выбраться в людские земли, как Ильен пришлось бы обернуться простой волчицей, а мне – стать женщиной, не юной, но и не пожилой, такой, каких тысячи, и, что самое главное, от нашей силы там, наверху, остались бы лишь жалкие крохи.

Совсем скоро у людей будет большой праздник, который они прозвали Бельтайном, и редкий ши-дани может устоять и не подняться наверх, в Цветущую ночь, когда можно прикинуться человеком, побыть в круговерти скоротечной, а потому особенно яркой жизни, наполненной смехом и пьяным запахом весны. Нас тянет к людям, потому что именно они позволяют нам чувствовать себя не просто олицетворениями сил природы, а живыми существами, наделенными той искрой, что зовется душой.

Впрочем, тянет не только нас.

Фаэриэ, существа, связанные Условиями колдовства точно так же, как и люди, тоже частенько выбираются из своих закрытых городов и уединенных замков на волю, правда, понять их я зачастую не в силах. Фаэриэ – в отличие от ши-дани это не просто живые существа, наделенные даром сливаться с природой и становиться ее частью. Они – ожившая стихия, зачастую разрушительная и беспощадная, потому и ограниченная Условиями. Сильно и жестко ограниченная, и поблажек для фаэриэ, в полной мере овладевших мощью родной стихии, нет. За тем редким исключением, когда фаэриэ сумеет найти кого-то, кто будет помогать исполнению его Условий одним лишь своим присутствием.

Потому зачастую их долгая жизнь проходит в поиске, потому так часто фаэриэ вмешиваются в жизнь людей, особенно наделенных даром колдовства, заключают союзы и скоротечные браки с одной лишь целью -почувствовать себя свободными. Они – как стремительная река, перегороженная плотиной, как земля, заключенная в тиски площадей и мостовых. Они рвутся на волю любой ценой, и нет ничего желаннее для фаэриэ, кроме возможности становиться той стихией, которой они были рождены, но, к сожалению, цена эта бывает слишком высока.

Однажды мне рассказали историю о прекрасном, как ночь, фаэриэ, который так сильно возжелал свободы, так хотел вырваться из клетки навязанных ему при рождении Условий, что заключил договор с Сумерками. Вместе с женщиной из своего народа, чье имя стало синонимом проклятия, он кровью и смертью прокладывал путь Сумеркам в мир людей, тем самым приближая собственную свободу от Условий. Его остановила лишь объединенная магия ши-дани, людей и фаэриэ. Впервые три народа сумели так тщательно подобрать Конклав Тринадцати, что Условия колдовства для каждого из них были выполнены. И ярким солнечным днем Грозовой Сумрак был схвачен, а та, кто помогала ему исполнять Условия даже при ясном небе, была отправлена к сумеречной нечисти. Почему их просто не убили –

история умалчивала, мне же казалось, что просто лишение возможности сливаться со стихией и стало для них самым суровым наказанием, смерть была бы слишком простым и естественным финалом для обоих...

Ильен тихонько вздохнула, подняла голову с моих колен и осторожно погладила меня кончиками когтистых пальцев по бедру. Я вздрогнула и посмотрела на небо, которое из прозрачно-синего стало серым, а поднявшийся ветер пригнал невесть откуда дождевые тучи. Осенняя роща всегда слишком чутко реагировала на мое душевное состояние, несмотря на то, что мне только предстояло стать ее сердцем.

Я почему-то всегда чересчур грустила, когда вспоминала историю Грозового Сумрака, пусть она и завершилась лет двести назад по человеческому летоисчислению, когда меня еще и на свете-то не было. Иногда Ильен потешалась, что, быть может, это память другой ши-дани, той, чья сила перешла ко мне при рождении, дабы не быть утерянной, я же в таких случаях лишь отмахивалась от родной сестры.

– Бельтайн скоро. – Зимняя ши-дани, уютно устроившаяся рядом со мной, нагло стянула с меня шаль, более всего напоминающую сеть, сплетенную из тумана с налипшими осенними листьями, и завернулась в нее так, что выглядывало лишь красивое лицо, обрамленное пышными седыми прядями волос, да серебристый хвост. – Появишься наверху, сестрица? Весенние обещают придумать что-нибудь новенькое, да и с людьми пообщаться хочется. С ними так весело, а уж если кого посимпатичнее в кусты затащить... Любят, как в последний раз, и всегда по-новому.

– Если жители Весеннего луга обещают что-нибудь особенное – стоит пойти непременно. – Я даже не попыталась выпутать сестру из шали, захочет – сама выберется, до того даже пробовать бесполезно, постоянно то коготок за ячейку узора зацепится, то угол вокруг щиколотки узлом завяжется.

– Ты еще слишком молода, чтобы делать вид, как будто тебя уже не интересует происходящее наверху. – Ильен усмехнулась и подмигнула мне.

Помню я ее в человеческом облике – гибкая, фигуристая красotka с выбеленными природой и жарким солнцем волосами. Яркие юбки вихрем взлетают с каждым движением в танце, искристая широкая улыбка не сходит с губ. Редко-редко мелькнет лунный отблеск в глазах, почудится на миг пышный волчий хвост, но люди обычно этого не замечают. Куда им, когда такая девица завидные кренделя в пляске выписывает да скачет через высокий весенний костер, не подобрав пышных волос!

– Интересует, но не так, как тебя. – Я перебирала кончиками пальцев холодные пряди волос зимней сестры, и тяжесть в груди, вызванная отгремевшей более двух веков назад историей, потихоньку отпускала. – Покорить людей нашей способностью чаровать очень просто, а я хочу их понять. Почему они сгорают в скоротечных чувствах дотла, почему рвутся на поле битвы во имя чужой, не своей цели?...

– И зачем ищут исполнения желаний среди сумеречной нечисти, ведь так? – Ильен села, внимательно глядя на меня сквозь бело-серую челку. – Это люди. Они лишены долгой жизни, но взамен наделены великой свободой воли, особенно те, кому посчастливилось родиться без дара колдовства. Может, именно поэтому они тянутся к тому, чего избегают ши-дани, но, как показала история, не чураются некоторые из фаэриэ. В стремлении показать, что и они могут то, что другим не под силу.

Мы замолчали. Холодный ветер, что гнал по небу серые дождевые облака, утих, а солнце вновь проглянуло сквозь потихоньку рассеивающуюся пелену туч. Я потянулась к изящной, сделанной из множества скрепленных друг с другом с помощью воска полых стеблей тростника флейте и поднесла ее к губам.

Чистый, нежный звук разлился над глубоким озером, заполнил собой пространство, скользнул на крыльях ветра меж хрупких стволов трепещущих осин, эхом отозвался где-то в глубине Осенней рощи. Мелодия рождалась неторопливо, степенно. Она захватывала все больше и больше, становилась все сложнее, богаче и напевней, раскрывалась постепенно, как пышный, яркий, словно обгаренный кровью, георгин под осенним солнцем. Траурный

цветок в память уходящему лету.

Флейта принимала мое дыхание и отдавалась чудесной музыкой, той, что смертные иногда слышат в молчаливом осеннем лесу в гулкой, звенящей тишине. Эхо чего-то невыразимо прекрасного, но уже ушедшего. Подобно флеру духов, остающемуся после того, как вышла за дверь прекрасная женщина, навсегда запечатлевшая свой образ в глубине податливого человеческого сердца, мелодия моей флейты плыла сквозь Осеннюю рощу, принося успокоение мне и разгоняя унылые облака над озером. Только в Алгорских холмах я могла играть *так* – вплетая медно-золотую нить звука в канву мироздания, оставляя там свой блестящий след и где-то что-то изменяя. Слегка, самую малость – но навсегда. Эхо моей флейты достигнет поверхности, отзовется в людских землях даже весной – и осенью в лесу на малозаметном деревце появятся листья с золотыми, блестящими на солнце прожилками.

– Хорошо играешь, сестра, – вздохнула Ильен, как только отзвуки последней ноты растаяли в хрупкой осенней тишине. – А я могу только быть на луну долгими зимними ночами.

– Ты недооцениваешь свои песни или же просто напрашиваешься на похвалу. – Я улыбнулась, убирая флейту в кошель на поясе. – Ты поешь, задевая за душу, делишься лунной тоской и свирепой радостью звериной охоты, а когда дело доходит до людских баллад – тебе нет равных. И ты об этом прекрасно знаешь.

– Слышать эти слова от тебя все равно неизмеримо приятней, чем просто знать о своих скромных достоинствах.

Я рассмеялась, поднялась с поваленного бурей высохшего древесного ствола, служившего мне скамейкой, и, поманив сестру за собой, направилась в сторону своего дома.

Недаром человеческие легенды гласят, что каждый, кто вступил под своды Алгорских холмов без сопровождающего, рискует лишиться разума. Все дело в том, что все ши-дани Холма живут в одном месте, но в разное время, и жилище в Осенней роще – тоже одно на всех, только хозяева не пересекаются без приглашения, потому что живут в разные дни. Потому и приглашение в гости у нас отличается от человеческого. Мы говорим друг другу просто: «Приходи в мое время».

Я живу в день разгара осени, который может быть таким, каким я пожелаю, но иногда Осенняя роща подкидывает мне сюрпризы, начиная с рассвета день, канувший в реку забвения за сотню лет до моего рождения, или же показывая далекое будущее. Как-то раз я обнаружила в своем времени человека, который пришел в Холмы с провожатой из летних ши-дани. Она отвлеклась на тропинке, пролегающей через туманные поля, что неразрывно связана с происходящим на поверхности, являясь якорем, не давая нашему Холму исчезнуть в потоках великой реки, слишком быстро пересекла Алую реку по белоснежному мосту, и ее гость отстал, оказался сам по себе. Я вывела мужчину наверх, но не учла, что летняя привела его из прошлого. Он очутился на своей земле спустя полвека с того дня, как увлекся златокудрой ши-дани, прячущей под длинной изумрудно-зеленой юбкой козлиные ноги, и последовал за ней в Холмы, и лишь старики в его родной деревне помнили, что вроде бы был когда-то такой человек.

Мне исправлять содеянное было поздно, летней подруге запретили на долгий срок водить к себе человеческих гостей, но наверху появилась очередная легенда о том, как можно пробыть в жилище феи всего лишь полдня, а, вернувшись домой, обнаружить, что прошло целых пятьдесят лет.

Дом в мое время выглядел несколько иначе, чем у знакомого с юности ши-дани, живущего всего на три дня позже меня – у него в результате магии Холма дом превратился в великолепный дворец из слоновой кости, немного вычурный, поражающий искусной отделкой окон и дверей, с высокими серебряными шпилями на медных крышах башенок. Мое же жилище внешне выглядело симпатичным двухэтажным домиком из дерева и камня, почти таким же, какой можно увидеть в богатой деревне в долине у Алгорских холмов. Покатая крыша, выложенная красной черепицей, стены из серого камня, окна забраны мозаичными витражами. Простой узор на деревянной двери, над ней – серебряная подкова.

Небольшой родничок тихонько шепчет свою песенку, пробиваясь из-под земли в двух шагах от корней старого дуба, шелестит листвой боярышник, растущий рядом с узорчатой деревянной беседкой, каплями крови на ветках кажутся его алые плоды.

Внутри дом кажется гораздо больше, чем снаружи, в нем тихо и просторно. Снопы золотого осеннего солнца льются сквозь витражи на окнах, разноцветными пятнами ложатся на лакированный дубовый пол, тихо поскрипывающий в такт моим шагам. В гостевой комнате стоит стол, покрытый густо вышитой крестом беленой скатертью, короткие лавки, на которые небрежно брошены шерстяные цветастые одеяльца, чуть поодаль – камин, рядом с которым плетеные кресла-качалки кажутся простоватыми, но Ильен сразу же забирается в одно из них, устраиваясь поудобнее. Моей зимней сестре этот дом нравится больше величественных дворцов, потому-то она так часто и приходит в мое время.

– Фиорэ, одолжишь мне на Бельтайн одно из своих платьев? Они гораздо больше похожи на то, что носят наверху, в отличие от моих костюмов.

Ильен приняла из моих рук позолоченный кубок с подогретым красным вином и улыbnулась. Я лишь плечами пожала, оглядывая сестру с головы до ног.

– С учетом того, что все твои наряды – это плащи да набедренные повязки...

Ильен невинно захлопала ресницами, копируя мимику человеческих девушек, и якобы стыдливо прикрыла пышную грудь серебристым волчьим хвостом. Я невольно улыbnулась – из всех ши-дани зимние больше всех походят на зверей в своем естественном облике, их тела покрывает мягчайшая шерсть, подобная меху животных, оставляя гладкими лишь ладони, ступни и лица. Они не нуждаются в одежде, но, приходя в гости, обычно прикрываются искусно расшитыми набедренными повязками, набрасывают на плечи богато украшенные плащи, мягкими складками ниспадающие до самой земли.

– Подберем тебе что-нибудь. – Я уселась в соседнее кресло, отпивая из бокала осеннее вино. Сладкое, как мед, густое и темно-красное, словно кровь из вены, оставляющее на кончике языка привкус черной смородины и спелой вишни.

– Мне кажется, ты слишком давно не выбиралась к людям. – Сестра улыбается четко очерченными губами, бледно-желтые глаза искрятся лунным серебром. – Давай чуть поторопим события, чтобы не ждать до завтрашнего вечера?

– Как скажешь. – Я поставила бокал с недопитым вином на каминную полку и шутливо потянула Ильен за хвост. – Только сначала найдем, во что тебя переодеть. Чарование – это хорошо, но, боюсь, в Цветущую ночь ни ты, ни я не сумеем воспользоваться им в полной мере.

– И хорошо же вам, осенним, – нарочито горько вздохнула сестра, легко соскакивая с кресла-качалки так, что оно даже не шелохнулось. – Вам не надо на себя чары накладывать, чтобы походить на людей или хотя бы на фаэриэ, а вот нам труднее всех приходится. Не скажи. В отличие от весенних, мы с тобой хотя бы нормального размера, а не являемся подобиями десятилетних детей у смертных. Им меняться гораздо сложнее, если хотят сойти за взрослого человека.

– Может, потому они и предпочитают невинным развлечениям жестокие шутки?

Я лишь плечами пожала. Кто знает, что на уме у непредсказуемых, как весенний паводок, обманчиво-теплых, как мартовское солнце, после которого зачастую жди метели, и призрачно-прекрасных весенних ши-дани? Наверху они являются в облике крошечных человечков с прозрачными стрекозиными крыльями, чей голос звонок, как песенка ручья, а светящийся след рассыпаемой крылышками пыльцы может далеко увлечь человека от родного дома. Иногда в круг танцующих, где смертный может плясать, пока не свалится замертво, в непролазную чашу, но чаще всего «болотные огоньки» заманивают незваного гостя в непролазную трясину. С другой стороны, весенние ши-дани могут одарить человека, связанного Условиями, даром предвидения, остановить надвигающиеся на только-только зазеленевшие пшеничные поля заморозки и не дать разлившейся в начале апреля реке затопить близлежащие села.

Но в Цветущую ночь на жестоких шуточках лежит негласный запрет. Бельтайн – это

ночь веселья, ночь праздника жизни, ночь ярких костров, залихватских танцев и торопливых поцелуев. В эту ночь, приходящуюся на первое мая, даже фаэриэ оставляют свои закрытые города у побережья океана и выходят в люди для того, чтобы ощутить пьянящую радость от участия в красочном, жарком, как солнце, и пьянящем, как лучшее вино, потоке человеческой жизни. Ведь долгие годы для фаэриэ не протекают так же бесследно, как для нас, ши-дани. Мы с рождения учимся скользить в потоке времени легко и непринужденно, для нас уходящие годы – лишь вода, текущая сквозь пальцы, тогда как редко кто из фаэриэ не несет на своих плечах груз памяти прожитых лет. Потому и их прекрасные глаза чаще всего – лишь бездонные колодцы, куда годы падают тяжелыми камнями, постепенно вытесняя со дна души яростное безумие заключенной в телесную оболочку стихии.

Я провела ладонью по волосам – и пышная осенняя корона осыпалась пожухлой ароматной листвой на светлый деревянный пол.

Для ши-дани Бельтайн – это ночь, когда можно быть кем угодно. Как и Ильен, я хочу притвориться человеком...

Звонкий смех вперемешку с простоватой крестьянской музыкой разливался над долиной у подножия Алгорских холмов. Прохладный ночной ветер шевелил зеленый подол моего платья, ласково касался мягких каштановых кудрей, выбившихся из туго заплетенных кос с ярко-красными лентами на кончиках. Я смотрела вниз, на долину, где горели золотисто-рыжие лепестки костров, лился хмельной мед, а люди танцевали едва ли не до упаду, и, по правде говоря, немного завидовала их способности столь полно отдаваться веселью. В Бельтайн огонь горит лишь на перекрестках дорог у деревень да в лесу на особых полянах, где обычно их зажигают те, чьим Условием колдовства является темное время суток или же полыхающее пламя. С наступлением сумерек один за другим гаснут очаги в людских домах, молодежь обряжается в лучшие свои одежды, украшает себя венками из полевых цветов и яркими лентами, чтобы веселиться до утра.

Горят высокие, в рост человека, костры – и юноши и девушки, поодиночке или взявшись за руки, прыгают через них, не боясь оступиться и рухнуть в пылающий жар. Звенит простая тростниковая свирель, ей вторит невесть как очутившаяся на празднике скрипка, девушки танцуют вокруг костра, обмениваясь цветочными венками, ждут, кому же посчастливится встретить рассвет с самой пышной и богато украшенной «короной» на голове.

В полночь Бельтайна избирается прекрасная Майская королева, и далеко не всегда это самая красивая девушка на празднике. Чаще это та, кто танцует задорнее всех, смелее всех прыгает через костер, не скупится на улыбки и ведет девичий хоровод по поляне. Не природная красота ценится на Бельтайн, а огонь, что горит в груди у каждой, и в чьем сердце пламя поднимется выше и жарче – той и суждено стать Майской королевой и получить благословение весенних ши-дани, без которых этот праздник просто не обходится.

Их присутствие ощущается повсюду – то и дело мелькают среди ветвей темного леса разноцветные огоньки, мерцают серебристо-лунным светом мелкие цветочки на волшебном, зачарованном ими папоротнике, что поможет отыскать запятанный клад, а в порывах ветра слышны отзвуки тонких голосков-колокольчиков.

Мы с Ильен шли по едва заметной тропинке, кусты расступались перед нами, пропуская, и сразу же смыкались за нашими спинами. Я пыталась идти неторопливо, впитывая запахи ночного леса и отголоски человеческого смеха, но зимняя сестра все ускоряла шаг, словно ей не терпелось поскорее очутиться в людском хороводе, вобрать в себя столь щедро разливаемую смертными жизнь, опьянеть от этой жизни, как от хмельного вина... И наверняка совершить очередную глупость – но кого это будет волновать?

Ильен скользила по тропе – и менялась с каждым пройденным шагом. Зимнее серебро волос потемнело, пропал мягкий искристый мех, покрывающий тело, как я подозреваю, вместе с роскошным волчьим хвостом, так что к тому моменту, как мы подошли к поляне, на которой полыхало кострище и играла громкая музыка, Ильен выглядела как обычная женщина. Светловолосая и сероглазая, с тонкой талией и высокой грудью, одетая в голубое

платье с белой вышивкой, моя зимняя сестра так быстро влилась в хоровод, что я и глазом моргнуть не успела. Только мелькнула ее светлая коса, когда Ильен подхватил под руку ладный мужчина – да и увлек по ту сторону костра, где я уже не могла уследить за сестрой.

Впрочем, и сама я долго в стороне не оставалась – стоило только шагнуть вперед, как чьи-то руки надели мне на голову сладко пахнущий медом цветочный венок, хрупкая девичья ладонь ухватила меня за руку – и утянула в простенький круговой танец чуть в стороне от костра. Краем глаза я заметила тонкие, почти прозрачные стрекозиные крылья за спиной одной из девушек, цветущий вереск из серебра в волосах другой, платье из сияющего лунного света на третьей. Так иногда случается с нашим даром чарования – стоит заметить одну замаскированную деталь, как все остальные становятся видны. Весенние ши-дани редко увеличивались в размерах, чаще пребывая в облике хрупких, низкорослых существ или вовсе миниатюрных карликов размером с зяблика или синицу с полупрозрачными крылышками за плечами, потому сейчас их истинный облик нетрудно было заметить даже людям... если бы те присматривались чуть более внимательно.

Мелькнули на хорошеньком личике огромные темные глаза весенней ши-дани, и тотчас державшая меня за руку девушка разомкнула пальцы, уводя змейку-хоровод по краю поляны, оставляя меня в «хвосте». Щекотала босые ступни мягкая трава, чуть кололи пятки незаметные веточки, стлался по ветру алый плащ, словно предвестник рассвета.

Гуляй, Бельтайн! Горите, весенние костры, сжигая затянувшуюся в этом году зиму!

Кажется, что ноги не касаются земли, что солнечное золото яркой, страстной смертной жизни обращает воду в хмельной мед, а кровь – в жидкое пламя, бегущее по жилам. Я рассмеялась, искренне, от души – словно хрустальный звон раздался в ночном воздухе, стремительно потонув в дружной песне десятков голосов, – и, ухватив первого, кто оказался на пути, за руку, утянула его в бегущую «змейку», что вновь замыкалась кругом по краю поляны, и остановилась только для того, чтобы танцующие могли обменяться венками.

Я сняла с головы пышный венок из клевера, папоротника и одуряюще сладко пахнущего ландыша и повернулась к тому, кого втянула в «круг фей».

Лучились смехом светло-зеленые глаза на загорелом лице обремененного Условиями человека, золотистой рыжиной блестели в свете высокого пламени тяжелые, чуть волнистые пряди волос, отросшие до плеч, девственной белизной выделялся вышитый шелком символ мага на отложном воротнике простой черной рубашки. Он улыбнулся, наклоняясь, чтобы мне удобнее было надеть ему венок.

– Нет у меня для тебя венка, красавица, может, серебро в дар примешь?

Похоже, не узнал меня мальчишка, когда-то давным-давно заблудившийся в холодном осеннем лесу на склоне Алгорского холма. Я тогда выглядела иначе – порыв ветра вместо плаща, шелест листвы вместо голоса, густой туман вместо одежд. Слезы дождя вместо бриллиантов в осенней короне, ягоды рябины – как кровь на листве. Руки у меня прохладные и хрупкие, но ладони мальчика были вовсе как лед. Уже спускались сумерки, а на нем была только тонкая шерстяная рубашка, штаны да тонкие кожаные башмаки на босу ногу. Откуда он сбежал – я могла лишь догадываться, но куда я могла ночью деть человеческого ребенка, чтобы он не простыл до смерти на холодной земле под мелким осенним дождем?

И я забрала его в Холм, в свое время, там, где солнечно и тихо, горячее питье пахнет медом и яблоками, а огонь в очаге согревает, но не обжигает протянутые к нему пальцы. Как сейчас помню любопытные, зеленые, как трава в тени под дубом, глаза мальчика, который с легкостью назвал мне свое имя – Кармайкл из Вортигерна, что находится за сотню верст от Алгорских холмов. Путешествовал с родителями, но попал в беду – разбойники напали в лесу неподалеку, слуг разогнали... Что случилось с отцом и матерью, он не видел, поскольку старая нянька отпихнула мальчика в кусты, наказав бежать что есть сил не оглядываясь.

Утром я отнесла ребенка к подножию Алгорских холмов, к поселению под названием Весенние ручьи, и, честно говоря, позабыла о нем, решив, что люди, наслышанные о чудесах ши-дани, живущих где-то неподалеку, не бросят сироту на произвол судьбы. На прощание мальчик получил от меня в подарок новехонькую теплую одежду «фейских» цветов – алый

шерстяной плащ и ярко-зеленый костюм для верховой езды с крошечной вышивкой на воротнике курточки: красный дубовый лист и изумрудный клевер. Символ ши-дани. Как мне кажется, потому-то Кармайкла не выгнали за дверь, а довольно шустро пристроили в услужение к заезжему господину...

– Так что скажешь, чудесница? – Маг снял с руки тяжелый узорчатый перстень с «кошачьим глазом» и протянул его мне. – Подойдет ли такой дар взамен твоего венка?

Я только рассмеялась, звонко, весело, отводя руку с кольцом и отбегая к высоченному, в человеческий рост, костру, что полыхал в середине поляны. Парочки стояли чуть поодаль, отворачивая лица от струящегося волнами жара, дожидаясь, пока брошенные щедрой рукой полешки хотя бы чуток прогорят, чтобы можно было рискнуть – и перепрыгнуть через оранжево-золотистые обжигающие лепестки.

Лужицей пролитой крови лег тонкий шелковистый плащ на молодую траву. Я отступила от огня, на ходу подбирая косы и закрепляя их в кольцо на затылке, подоткнула длинный подол зеленого платья, сверкнув светлой, незагорелой кожей лодыжек. Кто-то ухватил меня за локоть, оттаскивая назад.

– Пьяна совсем, раз прыгнуть решилась? – Серьезные зеленые глаза смотрели на меня с загорелого лица мага, с которого всю веселость и простоту как рукавом смахнули. Если бы не знала, что передо мной человек стоит, стала бы грешить на чарование фаэриэ – это у них не лица, а словно десятки, сотни масок, которые сменяют друг друга так быстро, что не понять настоящих мыслей, не прочувствовать тревоги.

– Пьяна! – радостно, весело, отчаянно выкрикнула я, выскальзывая из его рук, как серебристая рыбка в проточной воде. – Пьяна!

А как иначе назвать то чувство легкости и бесшабашного веселья, что переполнило меня, стоило только спуститься с Алгорских холмов в Звенящую долину? Когда ноги сами пускаются в пляс на молодой шелковистой траве, когда медвяный запах ландышей и фиалок кружит голову наравне с золотистым яблочным вином, а теплый весенний ветер ласкает кожу нежнее поцелуев? Я была пьяна весной, пьяна Бельтайном, пьяна ночью настолько, что казалось – нет для меня ничего невозможного, ни одно препятствие не встанет передо мной. Может, в этом и был сегодняшний подарок весенних ши-дани – в будоражащем чувства ветре, в аромате молодой травы и теплой, успевшей согреться земли, что может стать для влюбленных мягчайшим ложем.

Жар полыхающего костра всего на миг окутал меня чуть покалывающим, душным одеялом, когда я прыгнула через огненную стену, что расступилась передо мной, словно руками разведенная, и сомкнулась за моей спиной, прихватив неподобранный край зеленой юбки. Охнули девки, стоящие рядом, кинулись ко мне, принимаясь сбивать робкое пламя с шелковистого подола головными платками, а я сидела на земле и улыбалась, глядя на Кармайкла. Его магия развела стену пламени пополам, как полог у кровати, не дала мне обжечься. Впрочем, ши-дани, как известно, и на углях танцевать босиком могут, и сквозь пламя пройдут невредимыми, а вот рана, нанесенная холодным железом, убьет любого из нашего народа. Мы не можем даже коснуться этого металла – на коже сразу возникают плохо заживающие ожоги, да и просто находиться рядом с ним ши-дани очень неприятно.

У каждого волшебного народа своя сила и слабость – быть может, мы не переносим холодное железо, зато никто не властен над нами знанием истинного имени, чего нельзя сказать о фаэриэ. Те всю жизнь пользуются прозвищами да человеческими вариантами, а настоящее имя раскрывают лишь особо близким и любимым. Ведь не зря среди людей бытует легенда, что душа прекрасных и могущественных фаэриэ заключена в имени, и, вызнав имя, можно навсегда заполучить в свои руки власть над ожившей стихией. Не навсегда. Лишь до того момента, когда фаэриэ найдет лазейку в клятве, что его вынудят дать, и уничтожит того глупца, кто возомнил себя хозяином его души, которая своенравна, непокорна и не терпит плена.

– С ума сошла, сестрица? – Высокая, стройная Ильен подошла ко мне, помогая подняться и приобнимая за плечи. Обняла, шепнув на ухо: – Побудь человеком хоть

немного, сама же хотела.

– Видимо, выпила лишнего, – улыбнулась я, прижимаясь к сестре и искоса глядя на рыжеволосого мага, с головы которого соскользнул майский венок.

Он наклонился, чтобы подобрать его, но почему-то передумал и оставил лежать в траве неподалеку от костра. Выпрямился, оглаживая расстегнутый ворот черной рубашки, пристально всмотрелся в мое лицо. Я торопливо отвернулась и позволила Ильен увести меня на край поляны, туда, где на расстеленных на земле льняных скатертях хлопотливые хозяйки разложили принесенную из деревни праздничную выпечку в форме солнца, выставили запечатанные пока глиняные кувшины с хмельным медом и наливками. Чуть поодаль, над двумя ямами, наполненными жаркими угольями, запекалась дичь на вертелах, женщины деловито поворачивали тушки уток и зайцев, то и дело отгоняя особо любопытных и шибко голодных расшитыми полотенцами.

– А скажи мне, сестренка, захватила ли ты с собой свою звонкую флейту? – громко спросила Ильен, принимая из рук красивого ладного охотника в потертой куртке глиняную кружку с хмельным медом. – Сколько раз спеть просили, да без твоей музыки не поется мне что-то.

– Что сыграть-то? – улыбнулась я, доставая из простого кожаного кошель на тонком пояске любимый инструмент, своими руками вырезанный из дюжины певучих стебельков.

– Сыграй балладу о цветке...

Любимая песня Ильен. Я играла ее столько раз, что кажется, будто мелодия сама звонким ручейком лилась из флейты, я же лишь указывала направление этому невидимому потоку. Не магия, но очаровывает и захватывает по-своему, умудряется вплетать в себя и пение ветра в кронах деревьев, и треск дров в ярко горящем костре. Нежная, хрупкая, как коленца речного тростника, музыка, дивную напевность которой лишь подчеркивал сильный, глубокий голос Ильен, в котором нет-нет да и чудились отзвуки волчьего воя в разгар зимы.

Сестра пела о цветке Грааль, о том самом, что содержит в себе животворный сок, дарующий умирающему жизнь, живому – пророческий дар и молодость, а кому-то, кто придет к цветку с чистым сердцем и попросит не за себя, – бессмертие. И прекрасен этот цветок, о котором люди думают, как о чаше из рук бога, его стебель наполнен темно-красным, густым, как кровь из отворенной вены, соком, а лепестки хрупки и нежны, как прикосновение ласковых материнских рук. Грааль растет в неприступных скалах, скрывается от глаз недостойных, но может сам показаться людям с чистой душой. В песне говорилось, что лишь раз цветок Грааль дался в руки человеку, тому, кто всем сердцем хотел помочь людям; не оставив ничего для себя. Кровь из Грааля смешалась с кровью человека, и войны были остановлены, болезни отступили, а род людей получил новую жизнь, возможность еще раз начать все заново и исправить содеянные ошибки. Люди запомнили имя Кристаса, того, на чьей крови вырос новый цветок Грааль и кто обрел бессмертие, назвали его сыном светлого бога и в память о нем возвели новые святилища...

Смолк голос Ильен, поющей всегда словно в последний раз, и потому удивительно душевно и искренне. Смолкла моя флейта, лишь эхо несколько секунд повторяло последние ноты. Молчали люди, зачарованные песней, на несколько минут позабывшие о веселье и выпивке, – они смотрели на Ильен с восхищением, и только рыжеволосый маг не сводил взгляда с моей флейты, которая оставалась неизменной в любое время года. Ее не могла изменить ни магия, ни чарование, а время оставляло на гладких трубочках высохшего тростника только едва видимые отметины.

Ярко, сильно взметнулось пламя костра к небу, едва не опалив нависшие над поляной ветки деревьев, люди приходили в себя по одному, по двое, оживая, стряхивая с себя магию песни моей зимней сестры и хлопая в ладоши. Сидящий рядом с Ильен охотник выхватил у нее из рук кружку с хмельным медом, сделал глоток – и вдруг припал к ярким губам зимней, делясь с ней сладким летним напитком.

Красиво они смотрелись вместе, в ночь Бельтайна, – рослый, ладно сложенный охотник

с загрузевшими от тетивы и стрел руками и моя зимняя сестра, в чьих светлых кудрях на миг промелькнуло снежно-белое серебро. А уж какими довольными были серые глаза Ильен, когда она все же оторвалась от своего избранника – словами не передать. Наверняка ведь пожелает еще не раз с ним встретиться, а там и до гостя в Холмах недалеко будет.

Вновь зазвучала залихватская музыка, и весенние, стоящие чуть в стороне от костра, взялись за руки, начиная новый круг танца. Вот уж у кого получается зачаровать не музыкой или песней, а плясками, да так, что человек пропляшет всю ночь, в кровь собьет ноги, а остановиться не сможет, пока не выдернет его кто из «круга фей» или же сами ши-дани не отпустят. Я, хоть и не человек вовсе, а тоже не устояла, влилась в игривый быстрый танец с легкостью ручейка. Коснулась левой руки прохладная ладонь весенней, показались на миг темные, кажущиеся слишком большими для узкого лица глаза, и я удивленно приподняла бровь – сама Оберегающая Весеннего луга скользила по поляне, и там, где ступали ее ноги, трава наутро поднимется изумрудно-зеленая, увенчанная бриллиантовыми капельками сладкой как мед росы.

Танец захватил меня, понес, как быстрая река, переполненная водами тающих снегов, несет в себе ветку или былинку. Весенние тянули меня за собой так быстро, так стремительно, что мне почудилось – еще немного, и слетит тщательно наложенное еще в Холме чарование, простой лен платья обратится сверкающим шелком с вплетенными в узор застывшими солнечными лучами, заиграют каштановые косы всем богатством красок осени, и тогда никто не спустает меня с человеком.

Только вот на пути весенней реки встала неприступная скала.

Руки Кармайкла выхватили меня из хоровода, маг обнял меня за талию и повел в танце куда более спокойном, чем тот, что завели весенние ши-дани. Предложенный перстень с «кошачьим глазом» мягко поблескивал на мизинце правой руки обремененного Условиями, а подаренный мною венок оказался прицепленным на рукоять ножа, что висел на поясе мага.

– Остынь, красавица. – Он развернул меня лицом к себе, и в его темных зрачках мерцали отблески жаркого пламени. – То скачешь через костер выше человеческого роста, то пляшешь так, будто бы в последний раз в жизни.

А меня все тянуло обратно. Захотелось стряхнуть с себя человеческий облик, вновь влиться в круг весенних, позволить их чарованию нести меня на крыльях благословенной, сумасшедшей и искренней, как первый крик младенца, весны.

– В Бельтайн воспоминания стоят много больше, чем обычно. – Отблеск огня в зеленых глазах стал ярче и отчетливей, словно пламя подарило этому человеку частичку своей сути, а сильные, гибкие пальцы Кармайкла скользнули по моей щеке. – Ты напоминаешь мне прекрасный сон, увиденный в детстве. И от твоих волос тоже пахнет ветром и листьями...

Легкий поцелуй словно приоткрыл окошко в Осеннюю рощу. Крепкий, как искренняя верность, наполнивший рот вкусом золотого тягучего меда, сладких, слегка переспелых яблок и оставивший на кончике языка хмельную горчинку. Поцелуй ши-дани, что может соблазнить человека на добровольное семилетнее услужение в Холмах, вскружить в одночасье голову и оставить горькое похмелье поутру, которое не излечишь обычными средствами...

Ветер, принесший аромат ландышей, окатил мой затылок холодной струей. Ночь уже на исходе, с рассветом весенние перестанут удерживать на склонах Алгорских холмов туго натянутую сеть магии, что позволяла ши-дани чувствовать себя среди людей легко и свободно и пользоваться чарованием, невзирая на Сезоны.

Кармайкл покачнулся – и упал бы на траву, если б я не успела мягко подхватить его и уложить так, что голова его покоилась у меня на коленях. Маг, немного перебравший хмеля и не устоявший на ногах, – не самое обычное, но вполне объяснимое явление. И какая разница, вина он хлебнул или магии ши-дани, что нынче ночью оказалась разлита среди Алгорских холмов в изрядном количестве.

– Ты... так вырос...

Неслышно подошедшая Ильен молча подала мне оброненный на траву алый плащ,

которым я и укутала Кармайкла. Моя вина в том, что сегодня я не удержалась и чересчур открылась магии весенних, которые явно начудили с ощущением праздника, позволив нам быть теми, кем мы хотим быть. То есть самими собой. Слишком я втянулась в налитанный магией «круг фей», слишком многим на радостях поделилась с обремененным Условиями.

Похоже, что горькое похмелье предстоит наутро нам обоим...

ГЛАВА 2

Пробуждение Кармайкла сопровождалось бряцанием посуды в горнице да радостными воплями детворы под окном. Маг с трудом разлепил глаза и посмотрел на простой потемневший от времени деревянный потолок комнаты, которую ему любезно предоставила зажиточная крестьянская семья. Чувство невероятной легкости, сопровождавшее его остаток ночи и все утро, пропало, стоило только Кармайклу пошевелиться, и сразу же в груди заняло, защемило непонятной, но на диво знакомой тоской, от которой было не скрыться даже в Вортигерне под крылом магического ордена. Точно такое же чувство потери преследовало его, когда он был еще ребенком, но тогда это казалось как нельзя уместным – ведь родители погибли при разбойничьем нападении, а кому нужен мальчишка-сирота, если есть более взрослые и влиятельные охотники до наследства? Человек, взявший ребенка в ту холодную осеннюю пору к себе в услужение, оказался обремененным Условиями, именно он распознал в Кармайкле мага и отвез его домой, в Вортигерн, пообещав помочь с возвратом законного наследства.

Много воды утекло с тех пор. Мальчик вырос, стал мужчиной и постиг бремя Условий, правда сказать, что ему несказанно повезло с ограничениями, означало просто промолчать.

Кармайкл из Вортигерна мог применять магию при Условии горящего огня или бегущей воды. Таким образом, в глухую полночь или жарким днем ему достаточно было лишь зажечь свечу или же подвесить наполненную водой флягу горлышком вниз – и твори заклятия, покуда льется тоненький ручеек или пугливо дрожит робкий лепесток огня на свечном фитильке.

Такие Условия – огромный подарок судьбы для мага, искренняя улыбка мироздания. Обычно люди ищут способы обойти свое ограничение, заключая непрочные, несчастливые брачные союзы со своенравными фэриэ или же приходя к ши-дани Алгорских холмов, но чаще всего всё заканчивается подбором партнера, который более или менее сглаживает их собственное несовершенство.

Маг встал с кровати и неторопливо прошелся по комнате, пытаясь окончательно проснуться. В голове царил бедлам, в воздухе, пропитанном запахом свежего хлеба, постоянно чудился аромат сладких поздних яблок и горького меда, а с пересохших губ не сходил привкус пряной вишневой наливки. Словно и не трезвел вовсе – как был опьянен ночью Бельтайна вместе с девушкой в зеленом платье, так и остался. То чудилась медно-рыжая вышивка в солнечных зайчиках, пляшущих на молодой листве яблонь, то краем глаза замечались каштановые косы, перевитые алыми лентами, промелькнувшие у дверного проема.

Значит, все же это была ши-дани, а не простая деревенская девчонка, которой он сдуру предложил серебряный перстень. Неудивительно, что она отвергла этот «дар», еще бы браслет из холодного железа предложить додумался! Только зимние ши-дани любят серебро, весенние – бронзу, летним же подавай золотые украшения, а осенним – медь. Так в старину бывало и вызнавали, что за ши-дани выплывает по ночам на зеленеющих полях, оставляя идеально ровные круги примятых колосьев – клали на вечерней заре на белую скатерть посреди поля, где танцевала ши-дани, медный браслет, бронзовую брошь, серебряные серьги или тонкое золотое кольцо, а поутру смотрели, какого из украшений недостает.

Если пропала бронза – значит, веселилась на поле юная весенница, отваживать которую бесполезно, а иногда и опасно. Обидится, задумает злую шутку, и тогда жди беды в виде заморозков, невесть откуда взявшегося града, а то и человека из семьи сманит неизвестно

куда – не то в болото, не то в Холм на семь лет и один день в услужение. Принятое в дар серебро указывало на суровых зимних духов леса, с которыми лучше вообще не связываться даже магам, – зимницы на первый взгляд незлобивые и безмятежные, но что может быть страшнее, чем затишье перед надвигающейся метелью? К тому же слишком долгая память у тех ши-дани, что скользят средь заснеженных полей в зверином облике, кому метель служит великолепным плащом, а лед и снег – украшениями в зимней короне. С них станется прийти холодной февральской ночью, когда страшные морозы сменяются нескончаемой вьюгой, и оставить обидчиков без скота, окружить дом глубокими сугробами, не давая выйти даже за дровами. Тут уж лишь на холодное железо уповать остается, да на травяные сборы, что были куплены на ярмарке у заезжего знахаря. С другой стороны – кто как не суровые зимние ши-дани оберегают Алгорские холмы и прилегающие земли от нашествия Сумерек? Именно они в свое время встали живым заслоном, близко не подпуская к Холмам сумеречных тварей, когда те выбрались в мир людей, магией, звериной силой и ловкостью удерживая чудовищ на границе «фейских» земель. И продержались почти две недели, покуда Конклав не заточил виновника прорыва Сумерек и не пришел на подмогу ши-дани. Когда беда отступила, люди сняли с себя серебряные украшения, собрали с окрестных сел, чьи дома защитили величественные зимники, серебряные монеты, даже из самого Вортигерна привезли фамильное столовое серебро и посуду – и в солнечный день отнесли подношение на вершину одного из четырех Алгорских холмов, обращенного к северу, да и оставили богатства без малейшего сожаления. Сказывают, пропало серебро, осталось в дар чудесным зверям, а зима в тот год выдалась изумительно мягкая, обойдя и стужей, и буранами, и голодом охраняемые Алгорскими холмами земли.

Когда «проверяющие» недосчитывались золотого украшения, то недовольно морщились и побыстрее покидали поле – значит, колосья мяла летница, что таким образом привлекала к себе внимание, и убиралась восвояси, стоило ей только получить новую побрякушку. Вреда особого не причинит, но и не одарит. И только если с беленой льняной скатерти пропадал медный браслет, крестьяне вздыхали с облегчением -осенние ши-дани, что считались наиболее мирными, обычно щедро отдаривались за причиненное людям неудобство богатым урожаем. Коли помяла осенница сноп пшеницы, резвясь ночью на поле, то по соседству вырастут сдвоенные колосья без пустородов, что с лихвой окупит потерю. Потому-то крестьяне и вешали на пугала посреди поля медные украшения да обереги, привлекая осенниц, делали медные колокольчики для овец и коз, а на ветках яблонь и груш оставляли витые браслеты. И ведь верной оказалась народная примета – коли пропадет медь с пасеки али с поля, богатый урожай случится, в саду яблоньку, к ветке которой на красной шерстяной нитке была привязана медная узорчатая пластина, плоды по осени будут сгибать до самой земли.

Кармайкл невольно улыбнулся, вспоминая грациозную, как ивовая ветка, девушку, что очертя голову кинулась через стену огня, сорванный украдкой поцелуй, от которого у него закружилась голова, будто бы он хлебнул чистой, как вода горного родника, магии ши-дани. И вкус у этой магии был как у яблочка в горьковатом меду...

Интересно, найдется ли в Весенних ручьях медное украшение на продажу?

Судя по тому, что на ветке тоненькой, молодой еще сливы, растущей под окнами выделенной ему комнатки, болталась узорчатая медная пластинка – можно было даже не сомневаться. Не к лицу обремененному Условиями идти в гости к ши-дани без подарка вчерашней осеннице.

Маг застегнул ворот свежей темно-зеленой рубашки с традиционным знаком ордена, вышитым белой нитью на уголке воротника, и уже протянул руку к широкому поясу, как увидел лежащий на полу у изголовья кровати ворох алой ткани, которую он не замечал раньше. Причем вряд ли это была вещь из его личных запасов, поскольку сумку собирал он сам, и ничего красного там и в помине не было, да и принадлежать кому-то из крестьян она тоже не могла. Тонкая шелковистая ткань алого плаща ложилась мягкими складками, обнимала плечи, словно ласковые материнские руки, согревала как жаркие объятия, а на

нижнем уголке примостилась крошечная вышивка.

Темно-красный дубовый лист и изумрудный клевер...

Кармайкл, не раздумывая, закрепил плащ на плече серебряной застёжкой с гранатами и быстрым шагом направился к двери.

Говорят, что Холм раскрывается для званных гостей, только когда последние лучи заходящего солнца исчезают за горизонтом. Нужно развести на вершине одного из Алгорских холмов костер из терновника, бросить в пляшущее пламя веточку вереска, омелы или, на худой конец, подойдет и осина, а потом ждать, откликнется ли кто из ши-дани на зов, придет ли к огню, чтобы сопроводить гостя внутрь Холма, или же ночь пройдет в одиночестве.

Что ж, остается только надеяться, что оставленный плащ – не простая забывчивость, а своего рода приглашение.

Прохладные весенние сумерки неохотно окутывали Алгорские холмы серебристой дымкой, и вот ведь странное дело – в долине, где располагалось поселение, тумана не было и в помине, несмотря на то что с Холмов стекали десятки ручьев, собиравшиеся в небольшое круглое озерцо к югу от деревни, а наверху – пожалуйста. В какое время года ввечеру не приди, все равно будет туман, иногда едва заметной дымкой, а порой и плотным белым одеялом окутывающий вершину каждого из четырех Холмов.

Кармайкл неторопливо поднимался по узкой извилистой тропке, неведь кем протоптанной в эдакой чащобе среди развесистых кустов боярышника и терна. Тропка едва виднелась в темноте, и если бы не белый мох, слабо светящийся в сумерках призрачным зеленоватым светом, который рос с краю дорожки, маг, скорее всего, сбился бы с пути. Кармайкл с удовольствием взял бы с собой на Холм факел, да торговец, что разыскал в своих закромах искусно выкованный, чуть позеленевший от времени медный узорчатый браслет с янтарными вкраплениями, отговорил брать с собой огонь. Дескать, привлечет живое пламя лесных духов, что по ночам кружат меж деревьев, и тогда хоть всю ночь жги костер из терновника на вершине Холма – не выйдет ши-дани из своего дома, что скрывается под землей, поостережется лесных призраков. Раз медный подарок для осенницы припасен, то помнить надо о том, что не имеет она весной силы в землях смертных, нечем ей защитить себя от разгульной нечисти. Ведь это человека спасет холодное железо, спрятанное на теле, али одежда, вывернутая наизнанку, на худой край, и крест освященный сгодится, а ши-дани все эти хитрости не помогут, не сэберегут. Другие они, на людей не похожие, да и искорка, что горит в их сердцах наравне с душами человеческими, иначе устроена – загасить ее сложнее, а вот подчинить легче. Потому редко поднимаются ши-дани из своих Холмов наверх, к людям, в чужой Сезон, разве что с охраной или оберегом тайным...

Вершина Холма, продуваемая теплым, влажным, несущим на своих крыльях обещание скорого дождя ветром, была пуста. Деревья здесь почти не росли – только несколько робких трепещущих осин рядом с небольшой каменной плитой, похожей на поваленное надгробие. Судя по всему, эта почерневшая от копоти, растрескавшаяся от времени плита и была тем алтарем, куда приносили крестьяне медные поделки и украшения, оставляли каравай хлеба, выпеченный из первого обмолоченного снопа пшеницы, и корзину с овощами и фруктами в благодарность за урожайную осень и сытую зиму. Здесь повсюду рос папоротник, усыпанный мелкими розоватыми цветочками, но вряд ли кому-то в голову пришло бы взять что-то с вершины одного из Алгорских холмов без спросу. И клад не отыщешь с таким папоротником, и беду на дом навлечешь.

Кармайкл огляделся и принялся за дело.

Рубить колючий терн широким охотничьим ножом – то еще развлечение, впрочем, когда на первых мелких веточках затрепетали робкие еще язычки пламени, одно из Условий колдовства для Кармайкла было выполнено, и не прошло и пяти минут, как на каменной плите запылал костер в половину человеческого роста. Сгорела без следа в жарком пламени заранее припасенная веточка омелы, а маг уселся на землю и принялся ждать.

Не раз и не два пришлось подбрасывать в огонь терновые ветки, прежде чем на

тропинке появилась высокая, статная молодая женщина, зябко кутающаяся в простую вязаную шаль из овечьей шерсти. Длинные, до пояса, косы цвета спелого каштана были перевиты алыми и оранжевыми лентами, на миловидном лице с округлой линией подбородка уже появились первые, едва заметные в ярком пламени костра морщинки в уголках глаз, хрупкие руки без единого украшения придерживали длинный подол красновато-коричневого платья с тонкой вышивкой. Было в ней что-то от девушки, что танцевала в ночь Бельтайна на весенней поляне, прыгала через обжигающее пламя в человеческий рост и подарила ему поцелуй, напитанный магией, как спелый плод сладким соком, но так старшая сестра походит на младшую.

– Разочарован, Кармайкл из Вортигерна? – Женщина под села к костру, узорчатая шаль распахнулась, показав вышивку у ворота платья, такую же, что красовалась на даренном ши-дани алом плаще.

– Я бы не осмелился... – Слишком явная ложь для ши-дани, которые читают мысли на лицах людей так же легко, как грамотный человек – написанную на родном языке книгу. Женщина мягко улыбнулась, морщинки в уголках глаз стали еще заметнее. На вид ей можно было дать лет двадцать семь – тридцать – возраст, в котором крестьянки уже успели родить троих, а то и четверых детей и приобретали незаметную ранее мягкость черт.

– Не нужно мне льстить, Кармайкл. – Осенняя ши-дани ласково потрепала мага по плечу и улыбнулась еще шире. – Так зачем ты на Холм-то пришел? Меня повидать или просто так костерок развел, погреться да весной свысока полюбоваться?

– Отдариться хотел за плащ, которым ты укрыла меня в ночь Бельтайна. – Он порылся в карманах и протянул сидящей рядом осеннице широкий медный браслет с каплями янтаря, в которых золотыми искорками заплесали отражения жаркого пламени. – А вот за то, что ты когда-то укрыла меня в своем Холме от разбойников, боюсь, мне не расплатиться уже никогда. Разве что послужить тебе, как служит каждый, кто сорвет поцелуй с губ ши-дани или же вкусит их пищи.

– Хочешь пойти ко мне на службу на семь человеческих лет? Или же на семь лет в Холме ши-дани? – Осенница приняла браслет из рук мага, и ее хрупкие прохладные пальцы едва заметно дрогнули, когда она услышала ответ Кармайкла.

Обремененный Условиями человек оставил за ней право решать.

Осенница поднялась, и резкий порыв ветра взметнул подол ее платья, пригнул пламя костра к самой земле так, что обжигающие язычки лизнули носки сапог Кармайкла. Зашумели деревья, росшие на склонах западного Алгорского холма, на чистом осеннем небе невесть откуда появились темные облака с неровным рваным краем, а ши-дани защелкнула на запястье дареный медный браслет и протянула ладонь магу.

– Я беру тебя на службу с открытым сроком. На семь человеческих лет – или же до того дня, пока ты не захочешь меня покинуть и уйти к людям. Но запомни раз и навсегда – никогда более не обещай ни ши-дани, ни фээриэ того, что ты пообещал мне. Никогда не отдавай свою судьбу в руки тех, кого не знаешь.

– Как хоть называть тебя, госпожа моя ши-дани? – Кармайкл осторожно взялся за протянутую руку и встал, успев заметить на поясе осенницы вышитую кожаную сумочку, такую же, как он видел на деве в ночь Бельтайна – именно из нее вынимала девушка звонкоголосую флейту, подыгрывая сестре, что пела про цветок Грааль.

– Фиорэ Аиллан, ши-дани середины осени Алгорского холма. С этого момента не говори ничего, Кармайкл из Вортигерна, пока я не позволю тебе этого. Смотри и слушай, если пожелаешь, но молчи.

Маг лишь послушно склонил рыжеволосую голову и последовал за осенницей сквозь густой туман, невесть откуда взявшийся и белой пеленой окутавший все вокруг, оставив видимой лишь узкую тропку, ведущую, по ощущениям Кармайкла, в никуда. Так, наверное, Проводник уводит после смерти душу человека на тот свет – по узкой тропинке посреди моря молочно-белого тумана, извивы которого то и дело принимают причудливые формы. Чудились скользящие в воздухе полупрозрачные фигуры, контуры которых едва

угадывались в белесой пелене, серебристые огоньки то и дело проносились перед глазами, сбивали с толку. Если бы не прохладная ладонь Фиорэ, крепко удерживающая руку Кармайкла, маг наверняка потерялся бы в этой туманной мгле, блуждал по ней до тех пор, пока сам не превратился бы в призрака, сбивающего непрошенных гостей с дороги.

Чем дальше по тропе — тем чаще виделись Кармайклу призраки, то и дело вынырывающие из туманного моря только для того, чтобы покрутиться перед лицом мага, скорчить забавную или страшную рожу и вновь раствориться в белесой дымке, пахнувшей палой листвой и дождем. Они шептали что-то неразборчивое, какие-то обрывки слов и возгласов, шум, понять смысл которого Кармайклу никак не удавалось, но этот шепот выводил мага из себя, заставлял нервно озираться по сторонам, то и дело спотыкаться, хоть тропинка была ровной.

Белый ажурный мостик, переброшенный через широкую бурную реку, воды которой отливали багрянцем, казался хрупким и призрачным. Чудилось, что стоит лишь на него ступить — как он обрушится в красные воды, над которыми клубилась легкая дымка, стеклянным крошевом. Страшно, несмотря даже на уверенно идущую на полшага впереди ши-дани.

— Погоди, сейчас легче будет.

Фиорэ легонько коснулась лица Кармайкла тонкими пальцами, на которых блестела сладко пахнущая медом и корицей мазь с едва заметными золотистыми вкраплениями.

— Закрой глаза и ничего не бойся...

Почти неощутимые прикосновения пальцев на сомкнутых веках, губах и ушных раковинах.

Сразу смолк давящий, скребущий по сердцу острыми коготками страха потусторонний шепот, кожа больше не ощущала прикосновения неприятно охлаждающей кожу туманной дымки. Фиорэ нарисовала быстро впитывающейся в кожу мазью какой-то значок на лбу мага и велела тому открыть глаза.

Он подчинился безоговорочно — и оказался посреди осеннего леса...

Ветер, такой ласковый и прохладный, непостоянный и вечный, коснулся моей щеки, отводя назад выбившуюся из косы кудрявую прядку волос, медленно впитывающую в себя краски Осенней рощи. Кармайкл сидел на хрустящем пышном лиственном ковре и пораженно оглядывался по сторонам, словно не в силах разом понять и воспринять то место, куда я его привела.

Через туманное поле и кровавую реку лежит путь в Холм осенних ши-дани, и призраки прошлых лет встречают каждого, кто проходит по зачарованной тропе. Я нарочно не стала мазать Кармайкла волшебной мазью, что позволяет смертному видеть сквозь чары ши-дани и избегать иллюзорных ловушек, — мне хотелось, чтобы мальчик, который когда-то давно попал на западный Алгорский холм, прошел весь путь, как положено. Быть может, ему будет легче понять то, что он наверняка увидит здесь, под землей, в стране ши-дани, находящейся вне потока реки времени.

Полы алого, словно выкрашенного кровью плаща, что укрывал плечи мага, распростерлись по лиственному ковра, как переломанные птичьи крылья, а сам Кармайкл недоверчиво касался кончиками пальцев прохладной сырой земли, рассматривал искрящиеся крупинками золота прожилки в листьях берез, кажущееся фиолетовым в лучах закатного солнца небо, похожего на опрокинутую чашу...

И только потом глянул на меня, стоящую чуть поодаль.

Узнал, как мне кажется, лишь по осенней лиственной короне у меня на голове, да по теплой шали-паутине, что стлалась по земле наподобие королевской мантии.

— Теперь ты можешь говорить. — Я улыбнулась, выхватила из путаного плетения отливающий золотой пылью березовый лист, позволила ветру подхватить его с моей ладони, унести в прозрачно-синее небо.

— Госпожа моя... — Сжались в кулаки холеные пальцы, безжалостно сминая палую листву, вызываяще ярко блеснул желтовато-зеленый «кошачий глаз» в серебряном перстне

на правой руке. – Не ошиблось сердце, ты меня укрыла в этой роще, когда я был ребенком и замерзал осенней ночью в Алгорских холмах.

– Ты прав, Кармайкл из Вортигерна. Признаюсь. – Я подошла к магу и положила ладонь ему на плечо. – Поднимайся лучше – земля, конечно, еще теплая, да и вряд ли ты простудишься в моих владениях, но разве так приятно сидеть на ней, если есть возможность прогуляться?

Он безропотно встал, по привычке отряхнув добротные штаны от налипших на колени листьев, и последовал за мной, то и дело останавливаясь, чтобы оглянуться по сторонам. А посмотреть было на что – с пригорка, где мы очутились после того, как перешли белый мост, вся Осенняя роща, лежавшая в низине, была видна как на ладони. Воистину резная шкатулка с драгоценностями, доверху наполненная ограненными рубинами осин и дубов, янтарем кленов, золотыми слитками берез и ив, что росли лишь у озера Керрех, отражение которого существовало и в верхнем, людском мире. Несколько малахитовых пятен ельников – и карминово-красная листва дерева королей, что и стало началом нашей Осенней рощи, ее сердце и сила, ее защита и оборона.

Великое дерево, что обладает собственной магией, возросшее на крови девушки-вещуньи из рода людей, пришедшей в западный Алгорский холм. Его листья сохранили цвет пролитой крови и по велению последнего короля стали остры, как лезвие меча, а кора отливает благородным золотом, напоминая о солнечных лучах верхнего мира, запутавшихся в косах человеческой девы. Дерево королей всегда первым реагировало на истощение магии Холма, впрочем, как и на любые изменения, что происходили в Осенней роще, – для этого когда-то оно и было создано. Как и цветок Грааль весенних ши-дани, серебряный олень зимних или же птица радуги у летних – у каждого Холма есть свое сердце, из которого приходит дар волшебства к каждому новорожденному ши-дани, в него же дареная сила возвращается после нашей смерти.

Только вот существует «сердце Холма» не в каждом времени – а лишь у того, кому следует оберегать прилегающие к Алгорским холмам людские земли. Дерево королей появлялось и исчезало у многих ши-дани, а теперь вот оно удостоило меня чести принимать его в своем времени. Готова поспорить – ненадолго это, но хоть смогу налюбоваться им у себя дома, а не будучи гостьей в чужом времени...

– Здесь так... красиво. Но где же остальные ши-дани? Или они прячутся среди деревьев как призраки? – Кармайкл удивленно посмотрел на меня, ожидая ответа, я же лишь покачала головой:

– В этом дне лишь мы с тобой. Мне сложно объяснить человеку, как именно мы живем, но... каждый ши-дани живет в Холме в тот день, когда он родился, и лишь в этот день он может править в Осенней роще, являясь, по сути, ее частью. К примеру, если мне будет радостно, то на небе будет сиять солнце, расстроюсь – набегут тучи. В моем времени Осенняя роща – это я, а поскольку сами по себе ши-дани существа творческие и не любят, когда вмешиваются в то, как они изменяют природу, то и существует такое разделение по времени. Наступит вечер, пройдет ночь и вновь будет утро – но это будет то же самое утро середины осени, только год будет совершенно другой, понимаешь?

– С трудом, если честно. – Маг задумался, пощипывая кончиками пальцев чисто выбритый подбородок. – Но если я правильно понял, то у вас одно место на всех, просто вы живете в разное время... А если вам хочется поговорить друг с другом – то как, если вы разделены не расстоянием, а прошедшими днями?

– Достаточно лишь знать дорогу или получить приглашение, – улыбнулась я, беря Кармайкла под руку. – Я лучше как-нибудь покажу тебе. Моя единокровная сестра живет вместе с зимними в северном Холме, немного позже я вас познакомлю. К ней-то я дорогу знаю, не заблужусь. А сейчас тебе надо отдохнуть – в своем времени я ненадолго задержала заход солнца, чтобы ты успел полюбоваться моим домом до того, как сумрак ночи скроет все краски, но в мире людей уже наступила глубокая ночь.

– Я благодарен тебе за заботу... – Маг осторожно накрыл мою ладонь своей, и я повела

его к своему дому, укрытому в осеннем лесу за туманными пологими и осиновой околлицей.

По дороге к моему дому растет яблоневый сад, где плоды то золотистые, почти прозрачные, с тонкой кожицей и сладчайшей мякотью, то алые, крепкие, с приятной кислинкой – все зависит от того, на какой год приходится мое время в Холме. Мне доставляло искреннее удовольствие собирать яблоки, складывая их в плетеные корзинки с вычурной ручкой, а потом отправлять в качестве гостинцев туда, где они были нужнее, – в зимние ли охотничьи угодья, летние ли поля или же к весенним рекам, а в ответ и у меня в доме появлялись дары ши-дани из соседних Холмов. Но раз теперь у меня в доме живет человек, надо будет позаботиться и о еде, приготовленной человеческими руками из того, что растет наверху. Для людей пища ши-дани не слишком хорошо подходит – она не питает тело человека, как должна была бы. Конечно, Кармайкл может пробовать и мои яблоки, и вино, и вообще любое лакомство, но для него это будет как иллюзия, могущая передать все оттенки вкуса, но при этом неспособная насытить и придать сил.

– Ты все же мой гость, Кармайкл из Вортигерны, а не слуга. – Он попытался возразить, но я предупреждающе сжала его ладонь. – Ты сам не понимаешь, чего просил, когда встретил меня у костра на Холме. Быть личным слугой у ши-дани – это позабыть на долгие семь лет обо всех, кто остался в людских землях. Забыть о своих личных амбициях и предпочтениях, оставив лишь одно-единственное стремление – служить и угождать своему господину или госпоже во всем. Не самая почетная должность для талантливого мага.

Осенние сумерки быстро сгущались, погружая Рошу в звонкую, хрупкую тишину, что разливалась над деревьями, подобно густому холодному туману, свивающемуся в тонкие жгуты по обе стороны от тропинки. Кармайкл неслышно шел рядом со мной, и полы его алого плаща развевались на легком ветру, тонкая, шелковистая ткань то и дело скользила по моему бедру, словно оглаживая робкими неуверенными пальцами.

Право слово, я не знала, какая блажь замутила ему голову, если после Бельтайна он решил бросить все – и прийти ко мне в добровольное услужение, не зная толком, что может ждать его в такой «должности» у ши-дани, не выучив необходимых условий подобного «договора». Если бы на моем месте оказалась менее щепетильная ши-дани, мальчик умудрился бы не только запропасть на семь лет в Холме, что означало бы пролетевшие над землями людей века, но и душу свою подарить, так и не осознав почему.

Интересно, что привело его в небольшую долину у подножия Алгорских холмов? Здесь не проходили крупные торговые пути, не было исцеляющих родников – разве что растущие на их склонах лечебные травы, да редкие мастера, потомки тех, кто когда-то побывал в Холмах, и, честно отслужив свой срок, вернулись с подарком. Мы нечасто оплачиваем службу драгоценностями или золотом, хоть и могли бы, – чаще всего нашим слугам достается нечто такое, что нельзя продать, потерять или украсть – только передать по наследству по доброй воле. Из северного Холма зимних чаще всего выходили песенники и менестрели, весенние давали испить росы из цветка Грааль, что даровал ясновидение и прозрение. О дарах летних я и сама толком не знала – не то чтобы они не заводили себе слуг или были ими недовольны, нет, просто настолько они капризны и непредсказуемы, что непонятно, дар они выдадут или же проклятие.

Чего уж стоило желание одного из слуг, который сдуру попросил себе, чтобы каждое его слово, что идет искренне и от души, становилось истиной. Не знаю, что имел в виду человек, но вот проблем у него скорее прибавилось, чем убавилось. Потому как редко он мог пожелать кому-то от души богатства и радости, а вот в сердцах проклясть соседа так, что даже обремененные Условиями помочь не могли, – это запросто. Кончилось все тем, что проклял к тому времени богатый и нелюдимый крестьянин собственную дочь, единственный свет в окошке, последнюю радость утешающей жизни. Проклял так, что сгинула девчушка сквозь землю, попав не то в Сумерки к жестоким и бесчеловечным тварям, не то еще куда – и лишь тогда пришел он снова на южный Холм, кланяться в ноги ши-дани, что была ему хозяйкой долгих семь лет, вымаливать ее милость, чтобы забрала она свой дар и вернула единственную дочь. Все золото, что в доме было, принес он тогда солнечным днем на

вершину Холма, три ночи костер жег, и лишь тогда смиростивилась его бывшая госпожа, забрала проклятый дар. Насколько я знаю, дочь вернулась домой, да вот только ни слова до самой смерти больше не вымолвила – насмотрелась в Сумерках такого, что на всю жизнь речь отбило.

А из Осенней рощи выходили мастеровые люди. Изумительная вышивка появлялась из-под иглы девиц, что семь лет пропадали в западном Холме, тонкие как паутинки нити оказывались на их веретенах, а сотканное их руками полотно шириной в пять локтей можно было с легкостью протянуть через обручальное кольцо. Мужчины же возвращались кузнецами, в горне которых суровое и несговорчивое железо становилось податливым и послушным, как женское тело под руками любимого. Легки и невесомы были узорчатые кубки, что ковали они на зависть столичным мастерам, краше морозных узоров на стекле – серебряные украшения, даримые женам и невестам.

Только вот вместе с даром и тоска навеки поселялась в их глазах. Почти незаметная, легкая как дымка над озером Керрех поутру, но которая вспыхивала чуточку ярче при взгляде на Алгорские холмы.

Сложно сказать, что люди оставляют в нашем доме. Кто-то – чудесные воспоминания и радость, кто-то частичку своей души, что вечно будет обитать в Осенней роще, а кто-то и сердце забыть может. И не возьмет обратно, даже если нагонишь у самого моста через кровавую реку и попытаешься вернуть.

Улыбнется только, покачает головой – да и пойдет своей дорогой к такой простой и одновременно сложной человеческой жизни, для того чтобы сгореть, как мотылек у свечи, всего за десяток-другой лет и снова вернуться. На этот раз – навсегда, по доброй воле избрав вместо сладкого забвения и новой жизни существование в Алгорских холмах.

Мой непокорный, легкий и почти живой ветер, что продувает Осеннюю рощу насквозь, что ласкает мое лицо неощутимыми почти прикосновениями, что гонит по небу грозовые тучи – он когда-то был человеком. Имя его давно уже стерлось из людской памяти, потомуки расселились по свету, позабыв своего далекого предка, и лишь Осенняя роща помнит его имя, звонкое, как колокольчик, ласковое, как набегающая речная волна.

Выходя ранним утром из дому, я приветствую его, как и много лет назад, когда он встречал меня у беседки с цветком кроваво-багряного георгина в руках, а в серых глазах его светился тот же странный огонек, что я заметила в глубине зрачков Кармайкла, когда он целовал меня в ночь Бельтайна. Может, именно поэтому я и не хочу зазывать к себе еще одного слугу – боюсь, что когда-нибудь, выходя на порог дома поутру, я буду здороваться и с ним, как ныне здороваюсь с Там Лином. Рыцарем, что в стародавние времена покинул родной дом в поисках счастья – да и угодил ко мне в канун Самайна, спасаясь от ярившейся в небе Дикой Охоты. Остался поначалу лишь до утра, но потом, точно так же как и Кармайкл, предложил свои услуги в обмен на спасение.

Как же быстро пролетели эти семь лет! Счастливые и безоблачные, годы неслись как на крыльях, и не успели мы оглянуться, как наше время истекло. Там Лин вернулся к людям, к своей невесте, прекрасной златокудрой деве по имени Дженет, получив от меня в дар лист древа королей, что вне Холма стал превосходным мечом, не ведающим промаха. Там Лин стал первым рыцарем короля, женился на Дженет, получил собственный замок и земли, а в народе в скором времени появилась легенда о том, как девица спасла своего возлюбленного из рук королевы фей. Что прекрасная Дженет стянула Там Лина с коня, когда тот проезжал мимо нее в свите королевы, крепко обняла и не отпускала, несмотря на то что жестокосердная ши-дани обращала рыцаря то в змею, то в чудовище, то в раскаленный железный брус, но в конце концов сжалась – и отпустила его к людям...

Честно говоря, я и не ждала, что он вернется. Но прошло время – и я слышала свое имя, произнесенное с последним вздохом умирающего человека, а потом ветер, что летал свободно по Осенней роще, вдруг ожил, обрел голос в шелесте листвы, руки и пальцы – в резких порывах, а непокорный, своевольный характер – в призраке Там Лина, который иногда можно разглядеть краем глаза.

Рыцарь без страха и упрека, чей меч разил врагов без промаха, предпочел мою Рощу спокойствию забвения, которое люди называют раем...

– Госпожа моя, хозяйюшка приветливая, – Голос мага вывел меня из раздумий, и я посмотрела в лицо Кармайкла, освещенное ярким сиянием белой луны, что восходила уже над притихшей в преддверии ночи Рощей. – Что так расстроило тебя?

– Всего лишь воспоминания. – Я улыбнулась и ускорила шаг, увлекая мага за собой.

Теперь узкая тропка из извилистой стала прямой как стрела, а деревья и кусты отодвигались в стороны, словно их отгибала невидимая рука великана. Выступающие корни прятались поглубже в землю, не нарушая ровного полотна тропы, высеребренной лунным светом, а я шла все быстрее и быстрее, скользя сквозь Рощу подобно призраку.

Я торопилась домой.

– Неужели ты живешь здесь совершенно одна и в этой прекрасной Роще больше нет ни единого живого существа? – Кармайкла, похоже, не заботило, как я передвигалась по Холму, гораздо интереснее оказались чудеса, которых на поверхности не увидишь.

– Есть, разумеется. – Я сжала ладонь мага крепче. – Только они неохотно показываются на глаза, особенно тому, с чьей кожи еще не выветрилась мазь из зверобоя и четырехлистного клевера. Ведь ты сможешь смотреть через их иллюзии, а некоторым существам это не слишком-то приятно.

– Им неприятно, что они не сумеют меня зачаровать? – Впервые за весь вечер в голосе мага проскользнула нотка самодовольства. Похоже, несмотря на молодой еще возраст, слишком простые для выполнения Условия наложили на него отпечаток бесшабашности и излишней уверенности в собственных силах.

– Не совсем. Для них иллюзии – как для тебя одежда. Ты ведь не хотел бы появиться перед совершенно незнакомыми людьми голым? Вот и они не хотят. Быть может, позже, когда они привыкнут к тебе или же когда мазь окончательно выветрится, но это все равно будет не раньше завтрашнего дня.

Светящаяся лунным серебром дорожка вывела нас к резной садовой калитке, за которой клонились к земле усыпанные спелыми плодами яблони разных сортов. Ветер всколыхнул теплый, сладкий аромат яблок, разлившийся над садом, окутал нас этим ароматом, как легким, неосязаемым покрывалом, и я невольно улыбнулась. Я могу гордиться своими яблонями, ведь на день позже или раньше, у другого ши-дани, плоды уже не будут такими сочными и ароматными.

– Госпожа моя, а нет ли в твоём райском саду Древа познания добра и зла? – негромко спросил Кармайкл, следуя за мной меж деревьев и низко пригибая голову, чтобы не удариться лбом об усыпанные плодами ветки.

– Не путай Холм и то, что люди называют раем. Если ваш рай и существует, то он явно не здесь. Холм – это место, которое находится везде и одновременно нигде, сегодняшний день в Холме может происходить за сотню лет до твоего рождения в мире людей, и потому чаще всего люди видят ши-дани не во плоти, а лишь призраками, видением, которое можно заметить лишь краем глаза. Но и люди для нас – лишь видения, до тех пор, пока мы не перейдем по костяному мосту через кровавую реку, что опоясывает Холмы.

– Скажи, госпожа моя... – Кармайкл остановился у беседки напротив моего дома, разглядывая багряно-красные георгины, которые не смыкали лепестки даже лунной ночью, – А можешь ли ты показать мне определенный год, пусть даже живые существа в нем будут лишь бледными тенями себя самих?

– Да. – Я остановилась на пороге дома, внимательно вглядываясь в глаза Кармайкла, которые едва заметно сияли в лунном свете кошачьей зеленью. – Какой год ты хотел бы увидеть?

– Осень в Алгорских холмах за двести девять лет от нынешнего года. – Еле слышно хрустнул стебелек георгина, на который случайно наступил маг, делая шаг по направлению ко мне, и во взгляде его читалась непримиримая жесткость, словно он пришел в Холм только для того, чтобы увидеть что-то свое, очень личное, в том далеком прошлом. – Когда Сумерки

заволокли землю людей и привели с собой тварей, которым здесь было не место. Я хочу это видеть, хочу понять, как зимние ши-дани удерживали их так долго, как смогли не пустить к священному озеру Керрех, уберегли людей, что искали убежища в долине у подножия Алгорских холмов!

– Кармайкл... – я подошла к нему, протянула ладонь, чтобы провести кончиками пальцев по его щеке, успокоить, убрать тот страх, смешанный с ненавистью, что плескался в его глазах, но маг шарахнулся от меня как от прокаженной, выставя перед собой руки.

– Не касайся меня, Фиорэ, иначе я вновь позабуду, зачем пришел к Алгорским холмам. Всего лишь один твой поцелуй в ночь Бельтайна заставил меня забыть обо всем, в голове был сплошной туман, который не рассеивался до тех пор, пока я не перешел через белый мост. Я не виню тебя, я сам пришел к Холмам для того, чтобы расспросить ши-дани о том, каким способом они смогли не подпустить Сумерки... Просто... я почти утратил себя в той магии, она вскружила мне голову, как самое хмельное вино из всех, что я когда-либо пробовал. – Маг обнял себя руками за плечи и прислонился спиной к одному из столбов беседки, стараясь не смотреть мне в лицо. – Фиорэ... спасибо, что не приняла меня в свои слуги, что пригласила меня в Холм гостем, а не прислужником, у которого нет права вернуться к людям до того, как истечет его срок... Но в окрестностях Вортигерна все чаще появляются сумеречные твари, словно те уцелевшие, кого не перебили после того, как Сумерки вновь оказались отделены от мира людей надежной стеной заклятий, повылезали из своих нор и опять сбиваются в стаи. Ждут чего-то, терпеливо так ждут...

– Кармайкл... – я подошла ближе и осторожно коснулась плеча мага, – завтра я покажу тебе то, о чем ты просил. И не бойся опоздать – даже если ты остался бы у меня на семь лет, я могла бы вернуть тебя к людям на следующее утро после той ночи, когда ты разжег костер на вершине западного Холма. Не бойся меня... Я обещаю, что ты сможешь покинуть Холм в любой день, как только сам того пожелаешь.

– Я боюсь, что мне не захочется тебя покидать. – Маг выпрямился и окинул взглядом мой дом, окна которого уже сияли мягким светом свечей, пробивающимся сквозь цветное стекло.

Я промолчала.

Стоит ли говорить Кармайклу, насколько похожи наши страхи?...

Ночь спустилась на Осеннюю рощу, принесла с собой холодный и промозглый туман, окутавший дом плотным серебристым облаком. Если глянуть на него через разноцветную мозаику окна, то можно увидеть лишь очертания фруктовых деревьев, растущих так близко к дому, что яблоки можно снимать с веток, не выходя из дома – достаточно лишь сесть на подоконник и руку протянуть.

Тихо в моем доме, лишь потрескивает фитилек вычурной фигурной свечи, стоящей на узорчатой поверхности обеденного стола. Ручная резьба в виде кленовых листьев, перевитых виноградными лозами, отполирована до блеска – не я создавала этот стол, он был вырезан тем, в ком меньше всего можно было бы заподозрить краснодеревщика, но ведь каждый из нас имеет право на любимое дело. Я скользнула кончиками пальцев по прожилкам кленового листа, еле слышно вздохнула.

Завтрашний день будет пасмурным, с накрапывающим дождем, от намокшего лиственного ковра будет исходить пряный терпкий запах, а ветер будет сырым и пронизывающим до костей. Нехороший год, тоскливый, сумрачный день, да и призраки ушедших не добавят радости моей Осенней роще.

Только вряд ли Кармайкл отыщет ответы на свои вопросы в моем дне середины осени – он узрит лишь начало, то, как сумеречные твари впервые появились на склонах Холма и как зимние, выйдя на поверхность в зверином облике, отгоняли их грубой силой клыков и когтей. Кровь тогда заливала лиственный ковер, питала землю вытекающей из открытых ран жизнью, наполняла Алую реку, опоясывающую Холмы.

Кармайкл увидит начало битвы, но не ее конец.

Ведь Сумерки покинули Алгорские холмы в неистовую ночь Самайна, на которую

пришелся пик силы самого пугающего ши-дани Осенней рощи. Его имя мало кто рискует произнести вслух, и почти никто – в его присутствии. Он – дитя фаэриэ снега и льда и осенней ши-дани, он скользит на грани между Сумерками и миром людей, не принадлежа по-настоящему ни одному из миров. Он – единственный, кто властен над малой частью сумеречных тварей, которых люди называют Дикой Охотой, грехами, настигающими человека, осмелившегося в ночь Самайна выбраться из защищенного холодным железом, серебром и омелой дома.

Он – Черный Всадник, король Самайна...

Именно он и прекратил «безобразие», развернувшееся вокруг Алгорских холмов. Всего лишь ночь на пике силы – и этого было достаточно, чтобы Сумерки отступили за границы наших земель, не рискуя даже приблизиться и не пытаясь напасть на людей, что оказались под защитой короля Самайна и ши-дани.

Если бы Кармайкл увидел ту далекую ночь – тогда, быть может, он и получил бы ответы на все вопросы, как заданные, так и оставленные при себе, только вот вряд ли Габриэль окажет ему такую услугу по доброте душевной. Что может потребовать король Самайна у простого смертного – даже я не могу представить, ибо его фантазия весьма обширна и непредсказуема, зато я точно знаю, чего он попросит у меня за оказание подобной услуги.

Обязательство прийти к нему в день, когда Самайн наступит в мире людей, и принять участие в Игре, правила которой известны только нам двоим.

– Габриэль...

Тихий шепот отозвался эхом под потолком, взывший волком ветер с треском распахнул оконную створку, которая с грохотом ударилась о стену.

Звон стекла, разноцветные льдинки разбитого витража падают на пол медленно, как кружащаяся в воздухе осенняя листва.

Ледяной ветер, гасящий робкий лепесток свечного пламени, несущий в себе морозное дыхание стылой зимы, горячей, только что пролитой крови, и отзвуки голоса короля Самайна.

«Не стоит меня звать, если ты не хочешь быть услышанной, дева осени...»

Голос, пробирающийся до костей, вытягивающий из потаенных уголков души на поверхность первобытный страх перед зверем, снегом и лютым морозом, страх перед Сумерками, перед тем, что таит в себе густая тьма на дне глубоких омутов. Голос, пробуждающий радостный, пьянящий азарт погони, счастье в ощущении абсолютной свободы, миг, позволяющий ощутить целый мир в чаше ладоней... Удивительный голос короля Самайна, который меня пугает и притягивает, заставляет держаться подальше от Габриэля – и одновременно желать встречи с ним.

«Ну же... не молчи. Ты никогда не зовешь меня попусту...»

Холодные пальцы ветра, гуляющего по комнате, легли мне на плечи, шевельнули волосы на затылке, огладили щеку так, что на миг мне почудились руки короля Самайна, играющие со мной так же, как он обожает играть со своими личными слугами. Находясь везде – и нигде, заставляя искать напоминание о себе в каждом порыве ветра, в каждой снежинке, опустившейся на губы.

– Здесь я хозяйка!

«Докажи».

Слово-приказ, слово-просьба, слово-мольба. Только Габриэль может вложить так много в одно-единственное слово, произнесенное мысленным шепотом и дополненное шелестом ветра в листве деревьев, отголосками волчьего воя в глубине черного леса, треском жаркого пламени в очаге. Только король Самайна может дотянуться до моего времени без приглашения, стоит лишь произнести его имя...

На миг я увидела его – темно-зеленые, почти черные глаза-омуты на бледном лице с острыми скулами, длинный шрам, оставленный холодным железом, пересекающий щеку и разрезавший правый уголок губ так, что теперь любая его улыбка либо пугает, либо же

вызывает ощущение, что над тобой откровенно потешаются. Пепельные волосы, кончики которых плавно перетекают в туманные извивы, белоснежная волчья шкура на плечах поверх охотничьей куртки, оправленный в серебро витой Рог на поясе, и огромная черная гончая, преданно припавшая к его ногам. Король Самайна возник в моем доме, призрачный и бестелесный, но я знала, что это лишь иллюзия — Габриэль реален в любом своем проявлении, и то, что сквозь его тело свободно проходит лунный свет, не означает, что он не сможет протянуть руку и сдвинуть мне горло ледяными пальцами.

Сможет, еще как. И помешает ему далеко не любой ши-дани.

Скрипнула половица, зашелестела частая занавесь из мелких бусин, отделяющая горницу от общего зала и гостевых спален, и на пороге возник заспанный Кармайл в наброшенной на плечи рубашке и измятых донельзя штанах.

— Госпожа моя?

Я ощутила интерес короля Самайна, как ледяную иглу, воткнутую в висок, от которой у меня спина покрылась мурашками. Гончая Габриэля, до того спокойно лежавшая у ног своего хозяина, приподнялась и негромко заворчала на Кармайла, который, похоже, не видел ни моего неожиданного «гостя», ни его собаку, но ведь что-то выдернуло его, сонного, из постели. Интуиция у мальчика, что ли, развита не по годам?

«У тебя появился личный слуга...» — Улыбка, что растянула губы Габриэля, превратила его лицо в жутковатую пугающую маску Черного Охотника, что правит Сумерками в ночь Самайна в мире людей. Он смотрел на Кармайла так, словно прикидывал, как далеко тот сможет убежать, если пустить гончих по его следу, как долго сможет сражаться с собственными страхами, и этот взгляд мне совершенно не понравился.

— Вон отсюда, Габриэль.

Пахнуло теплым, медвяно-пряным ветром, всколыхнувшим занавески на окне, сила свилась вокруг меня тугим смерчем — и король Самайна просто растворился в воздухе. Его имя, произнесенное вслух, могло призвать его в мое время, но и оно же позволяло выгнать его без дополнительной демонстрации силы, без необходимости сражения за право владения этим днем внутри Холма. И счастье для ши-дани, что Габриэля не интересуют подобные дуэли, иначе числился бы он не королем Самайна, а владыкой всех четырех Холмов...

— Все хорошо, Кармайл. — Я заставила себя улыбнуться. — Идем спать, завтра я разбужу тебя с утра пораньше. Мне есть что тебе показать.

Он кивнул и побрел обратно в спальню, а я задержалась, чтобы восстановить разбитое окно, успев заметить послание от короля Самайна, выложенное на полу из осколков цветного стекла.

Одно-единственное слово из острых кроваво-красных кусочков.

«Жду».

Кажется, завтрашний день будет донельзя богат на события...

ГЛАВА 3

Всем хороша Осенняя роща — и обилием плодов и поздних ягод, и буйными красками, расцветившими кроны деревьев, и небом, то свинцовыми тучами нависающим над головой, то прозрачно-синим, подобно высокому хрустальному куполу. Люди верят, что так оно и есть, что небо твердое, а звезды — это слезы ангелов, рассыпанные по темному бархату небесного свода. Но бывают дни, когда осенний Холм кажется мне тесным и надоевшим, когда от яркой палитры красок рябит в глазах, и хочется держать в руках не пышные лилово-белые или же багряные георгины, а нежные, хрупкие ландыши или ирисы. Хочется пройти не по золотому полю, где тяжелые колосья сгибаются к самой земле, а по светло-зеленому травяному морю, которое колыхается даже от самого легкого и нежного порыва знойного летнего ветра.

И поднимается из глубины души какая-то странная, чуждая, непонятная тоска не то по чуду, не то по свободе. Тоска цвета грозового неба, цвета пролитой крови.

Тоска цвета аметиста...

Иногда я завидую людям, завидую тому, как умудряются они прожить свой недолгий век, сгибая натруженную спину под палящим солнцем или прячась от ледяной метели в канун Йоля. Живут ярко, с необъяснимой искоркой веры во что-то чудесное, что-то невероятное, и умирают они по-разному, но каждая смерть – это тоже своего рода маленькое чудо. В момент, когда жаркая, горячая искра покидает ставшую ненужной оболочку, – интересно, куда отправляются эти искры, которые люди называют душами? Ведь они не исчезают бесследно, но и не возвращаются на землю. Они как безумно яркие птицы цвета заката, взлетающие ввысь и радующиеся... Чему?

Даже ши-дани знают далеко не всё.

Но понять, куда летят души-птицы, мне всегда хотелось...

Серый дождик барабанил по цветному стеклу, вода с журчанием стекала по узорчатому желобу из обожженной глины в большую бочку, что стояла у дома. Утро оказалось донельзя унылым и меланхоличным – впрочем, ничего другого я и не ожидала. Кармайкл еще не проснулся, хоть его уже ждал свежеиспеченный руками крестьянки из Весенних ручьев хлеб, остывало в крынке теплое козье молоко, а нарезанный крупными кусками сыр, завернутый в полотенце, даже у меня пробудил чувство голода.

Похоже, надо все-таки идти и будить Кармайкла. Ночью я ощущала, как беспокойно он ворочается во сне, как просыпается, бродит по комнате, ненадолго останавливаясь у окна – и снова ложась в теплую постель, которая почему-то казалась ему неуютной. Понимаю, что чужда и непривычна для человека первая ночь внутри Холма, особенно перед рассветом, когда не день новый приходит в Рощу, а год сменяется. Я всегда ощущала смену года как невидимый ветер, как легкое колебание земли под ногами, словно пронеслась над Рощей стремительная волна, на миг накрывающая весь Холм – и с первым лучом солнца вновь начинается день середины осени... Только вот сама осень может быть на десять или сто лет в прошлом или будущем. Как эту «волну» ощущает человек, я не знала, а редкие гости, что здесь оказывались, почему-то не желали говорить на эту тему, несмотря на мои просьбы.

– Фиорэ, госпожа моя светлая!

Я вздрогнула, услышав звенящий от удивления голос Кармайкла, приглушенный плотно прикрытой дверью гостевой спальни, метнулась к частой янтарной занавеси, что перекрывала дорогу к длинному коридору, и очутилась на пороге комнаты, где разместила мага на ночь. И сразу же облегченно улыбнулась, увидев, как по постели, смешно перепрыгивая через складки пухового одеяла, ходит молоденький брауни, напоминавший рыжевато-коричневого совенка, которому кто-то шулки ради вместо крылышек приделал тонкие длинные ручонки. Брауни разгуливал по одеялу, размахивая маленькой перьевой метелкой и что-то бормоча, при этом совершенно не обращая внимания на сидящего в кровати человека.

– Кармайкл, ты же хотел увидеть кого-то из волшебного народца? – улыбнулась я, подходя к постели и беря на руки уморительно-серьезного брауни, который сразу же перестал браниться вполголоса и затих, глядя по сторонам огромными золотистыми глазами. – Вот ты и увидел.

– Это домашний дух, ведь так? – Кармайкл откинул край одеяла и сел, приглаживая пальцами спутанные волосы цвета медных осенних листьев. – Одного понять не могу, зачем постель-то подметать?

– Он маленький еще и потому чересчур серьезно относится к своим обязанностям. Ведь правда, Малютка Том? – спросила я «совенка», который уже деловито начищал серебряные пряжки на моем поясе невесть откуда выхваченной мягкой тряпочкой. В ответ брауни только что-то пробормотал, продолжая возиться с потемневшим серебром, которое под его крошечными ручками довольно быстро становилось блестящим как зеркало. Эдак он начнет и с моего платья пылинки стряхивать, тем более что сегодня оно было белым.

Нежную, теплую, с серебристыми искорками шерстяную ткань своими руками ткала моя зимняя сестра, а нити пряди подруги с Весеннего луга. Ведь только они обладают

способностью нарезать золотыми ножницами тонкие лунные лучи и превращать их в белый шелк, которому нет сносу, белизну которого нельзя испортить ни грязью, ни кровью. Любая прореха на этом шелке затягивается, как рана на живом теле, – стоит только положить волшебную ткань под лунный свет, так кому же, как не весенницам, прясть нити из шерсти серебряного оленя, сердца зимнего Холма?

– Он умеет разговаривать? – Кармайкл, одетый, как оказалось, в одни льняные подштанники, встал с постели и принялся собирать одежду, которая оказалась аккуратно сложенной в разных местах комнаты. Похоже, что малютка-брауни, добравшись до вещей моего гостя, постарался привести их в порядок, но потом почему-то оставил их лежать там, где нашел. Вот и получилось так, что до блеска начищенные сапоги оказались в разных углах комнаты, выглаженная рубашка – на столе, куртка – на кресле, а штаны нашлись висящими на раскрытой дверце шкафа.

– Умеет, конечно. Только не всегда хочет говорить на языке людей, – улыбнулась я, аккуратно ссаживая брауни с колен на кровать и вставая с измятой постели. – Между прочим, если захочешь принарядиться, то в шкафу есть одежда для тебя. Завтрак уже на столе, я подожду, пока ты поешь, а потом направимся в Рошу. Вчера ты просил меня показать тебе определенный год... что ж, ты можешь видеть это ставшее далеким для людей прошлое за окном.

Кармайкл выронил искусно починенную куртку из рук, метнулся к цветному витражу, всматриваясь в редкий седой туман, причудливыми извивами стелющийся над землей, и на лице его отразилось нетерпение исследователя, неожиданно для себя оказавшегося перед неизведанными ранее землями. Я только головой покачала – и вышла из комнаты, не дожидаясь вопросов, которые в любой момент могли посыпаться как из рога изобилия.

Сначала магу надо кое-что увидеть и, возможно, понять что-то для себя.

Интересно, будет ли он и тогда просить помощи у ши-дани или же решит, что люди сумеют справиться с нагрянувшей бедой самостоятельно, как «справились» немногим более двухсот лет назад, заточив Грозового Сумрака в замок на скале? Смешно ведь, право слово.

Заперли фаэриэ, которого умудрились поймать, но не смогли убить, и отпраздновали победу над сумеречными тварями. Понадеялись на нерушимую крепость своих заклинаний, на то, что заточенный без возможности колдовать фаэриэ будет безопасен.

О да, безопасен. Ровно до той поры, пока не найдет лазейку в запирающем заклинании или же пока его кто-нибудь не додумается выпустить. Интересно, насколько безумным станет фаэриэ, более двух веков просидевший взаперти без возможности сливаться со стихией, колдовать, да даже просто умереть? И как его удержать, если люди наверняка позабыли его имя, пугаясь грозы и проклиная сумерки в память о нем? Ши-дани помнят многое, иногда кажется, что слишком многое. После ритуала Становления у сердца Холма, к которому ши-дани будет принадлежать до самой смерти, с силой кого-то из ушедших им иногда достаются и прижизненные воспоминания тех. Расплывчатые, зачастую туманные, но иногда – поразительно четкие, и именно они превращают новорожденного в преемника умершего. Замыкается круг дареной силы, начинается новый жизненный виток – и не пропадают умения и приемы, изучаемые годами и сохраненные в земле Холма.

Все, что уходит, рано или поздно вернется – таков закон жизни ши-дани.

Как жаль, что у людей все иначе...

Я отворила потемневшую от времени, искусно украшенную резьбой дубовую дверь и вышла на порог, полной грудью вдыхая сырой, холодный воздух середины осени. Ветер, показавшийся мне удивительно теплым, принес на своих крыльях запах дождя и грибов, прячущихся под толстым, пропитанным влагой листовым ковром. Он скользнул невидимыми пальцами по моим щекам, погладил выбившиеся из переплетенных цветными лентами кос кудряшки, а очередной порыв я ощутила как призрачное объятие.

Доброе утро, Там Лин...

И капелька, сорвавшаяся с козырька крыши, стекает по моей щеке как слеза.

Тихо шелестит мелкий холодный дождь, сыплющийся с неба, как речной жемчуг из

прохудившегося мешка. Шуршит под ногами толстый лиственный ковер, скрывая от глаз яркие рыжики, солидные, мясистые грузди и подосиновики с красноватыми шляпками, серая дымка застилает Рошу так, что деревья в отдалении кажутся призраками давно ушедших дней.

Я неторопливо шла по прогалине, вороша листья длинной осиновой палкой, подобранной на опушке леса, и то и дело наклоняясь, чтобы аккуратно срезать найденный гриб. Небольшая плетеная корзинка, которую я захватила из дома, заполнилась наполовину, когда Кармайкл, зябко кутавшийся в алый плащ, наконец-то поинтересовался, а куда мы, собственно, идем.

– Тебе так не терпится увидеть ужас и страх давно отгремевшей войны? – поинтересовалась я, ставя корзинку на землю и опускаясь на колени, чтобы срезать несколько растущих рядом рыжиков, совершенно не беспокоясь о том, что длинный подол белоснежного платья облепили мокрые листья. – Люди – странные существа, право слово. Они всегда готовы понаблюдать за чужими страхами или позором, но почему-то так стыдятся, когда их самих ловят на чем-то неподобающем или унижительном. Тебе так хочется увидеть, как Сумерки наступали на Холмы, превращая людей и ши-дани в пищу, в скот, который нужно убить и употребить как можно быстрее?

– Ты же знаешь, насколько несправедливы твои слова, светлая моя госпожа. – Кармайкл опустил на колени рядом со мной и осторожно коснулся моей руки, сжимающей маленький, похожий на птичье перышко, ножик, который как раз годился ровно на то, чтобы резать грибы или снимать кожуру со спелых яблок. – Я, к сожалению, не обладаю мудростью прошлых поколений, а для человека лучше один раз увидеть, чем услышать или прочесть десятки, а то и сотни раз...

– Тогда ты должен знать кое-что прежде, чем ты увидишь желаемое. Мы – призраки для тех, кто существовал в том далеком году, но это не означает, что мы невидимы и неуязвимы. Существа из Сумерек могут нас видеть, более того – могут и навредить, потому как подчиняются другим законам, которые позволяют им обходить наши. – Я поднялась, отряхивая белоснежный подол, и взяла корзинку. – Я отведу тебя туда, где ты сможешь наблюдать за происходящим, оставаясь в безопасности. К дереву королей, что растет в моем времени.

– А что это за дерево? – Маг встал с пышного лиственного ковра и последовал за мной через величественный «туннель», образованный высокими ясенями, чьи золотисто-желтые кроны со временем переплелись ветвями.

– Я расскажу тебе. Чуть позже. Впрочем... мы уже на месте.

Каждый раз, когда я прихожу сюда, мое сердце сжимается от странной непонятной тоски и горечи. Каждый раз, когда я смотрю на огромное дерево, обхватить ствол которого могут разве что два десятка человек, взявшись за руки, в горле возникает ледяной ком и мне почему-то хочется плакать.

Блестящая золотая кора дерева королей крепче драконьей чешуи, а трепещущие на ветру рубиновые листья в фут длиной и шириной с мою ладонь могут одним легчайшим прикосновением разрезать руку до кости. Но узнать остроту алых листьев с черными прожилками могут лишь те, кто по незнанию или злему умыслу не проявят достаточно уважения к живому сердцу западного Холма.

Кармайкл застыл рядом со мной, с удивлением глядя на исполинское дерево, выросшее на берегу маленького озерца с удивительно прозрачной водой, – каждый камешек на дне рассмотреть можно было, каждую травинку или рыбу, и чудится, будто озерцо на самом деле мелкое, и воды там всего по пояс. Ошибочное впечатление – глубина этого озерца такая, что до дна донырнуть не у каждого ши-дани получится, а уж достать со дна кроваво-красный янтарь, что получается из смолы дерева королей, падающей в воду, – и вовсе задача почти невыполнимая.

– Присаживайся, Кармайкл из Вортигерна. Ты – званный гость в моем времени...

Ритуальная фраза, вошедшая в обиход еще в те далекие времена, когда едва ли не на

каждой тропе Осенней рощи, в каждом озере была ловушка для гостей незваных, и постоянно приходилось напоминать местным волшебным существам, что вторгнувшийся в их место обитания человек – приглашенный гость и находится под защитой ши-дани. Маг, сейчас почему-то похожий на меня, как младший брат или сын, осторожно присел на усыпанную листвою землю у корней дерева королей, стараясь не касаться яркой золотой коры. Излишняя предусмотрительность, но уж лучше так, чем непозволительная беспечность.

– Ты обещала рассказать о сердце западного Холма, светлая моя госпожа. – Напряжение в зеленых глазах моего гостя почти пропало, сменившись живейшим интересом и жаждой новых знаний.

– Я помню... когда-то давно сердцем Холма был его правитель. Это было в те давние времена, когда ши-дани еще признавали власть короля и жили не так свободно и обособленно, как сейчас. Власть была сосредоточена в руках одного из нас, сильного и смелого, того, кто создавал в Холмах прекрасные сады и богатые поля, реки и озера, по его слову поднималась в небесах буря или же утихал проливной дождь. В те времена Холмы еще не были поделены между ши-дани разных Сезонов, а люди для нас не были существами, с мнением и чувствами которых нужно считаться.

Красивые, немного трогательные и забавные игрушки – вот кем были люди для ши-дани Алгорских холмов.

Не смотри на меня с таким осуждением, Кармайкл. Я полагаю, что к животным и птицам вы относитесь точно так же. Да, мы считали себя более сильными, более могущественными – и поэтому полагали, что вправе поразвлечься с детьми рода человеческого. Мы брали себе в услужение юношей и девушек, не по их просьбе или согласию – а после того, как те, не зная наших правил, пробовали пищу с нашего стола или же срывали цветок в зачарованном саду. И немногие требовали для себя лишь семь лет и один день службы – зачастую люди были настолько очарованы чудесами Холмов, что желали оставаться у нас до самой смерти. Впрочем... слугами они были лишь до того дня, пока старость не лишала их той красоты, что когда-то привлекла к ним ши-дани. Мы возвращали их на земли людей – постаревшими, но все еще жаждущими нашего общества и нашего волшебства, и вот это и было самым жестоким финалом.

Находились и такие, кто являлся в Холм в одежде, вывернутой наизнанку, или же с припрятанным на теле холодным железом – и тогда они смотрели сквозь наши иллюзии, не поддавались нашему очарованию и все же находили выход к людям. Или же оставались в Холмах почетными гостями.

Однажды в ночь Бельтайна, когда ши-дани раскрыли Холм и заманили к себе «дорогих гостей», в нашу страну попала златовласая вещунья. Случайно она к нам забрела, потерявшись в тумане, что накрыл вершину Алгорского холма с наступлением темноты, или же нарочно стремилась в наши сады – не знаю, но она пришла с браслетом из холодного железа на хрупком запястье, в платье из небеленого льна. Пришла, чтобы остаться навсегда в наших садах.

Не перебивай меня, пожалуйста. И не отдергивай так стремительно руку от золотой коры этого дерева. Тебе кажется, что это не кора, а живая кожа? Знаешь, а ты прав.

Древо королей, сердце Осенней рощи, сердце западного Холма, выросло из крохотного семечка, которое вещунья по доброй воле поливала собственной кровью. Потому его листья красны, а кора кажется живой и теплой, как человеческая кожа. Той человеческой девушке еще в утробе матери было суждено стать любящим сердцем холодной и бессердечно-веселой страны ши-дани, научить нас тому, чего мы раньше не умели – любить и сострадать кому-либо. До прихода вещуньи с золотым семечком в руке ши-дани были холодны, как земля под снегом, и не было в нас того, что люди называют душой, божественной искрой. Мы были невинны в своей жестокости, ибо не знали разницы между добром и злом, мы жили без цели, существовали лишь как сила природы, облаченная в плоть, и как природа были одновременно ласковы и безжалостны. По-моему, даже фазриэ были в те времена более близки к людям. По крайней мере, уже тогда живым стихиям были свойственны жалость и

печаль.

Но, когда на западном Холме появилось дерево королей, алая листва которого была подобна лучшим клинкам, а золотой ствол хранил в себе дикую, неукротимую магию, ши-дани начали меняться. Постепенно, день за днем, почти незаметно даже для самих себя – но уже необратимо. Король, к изумлению своему, тосковал по человеческой вещунье, и все чаще и чаще проводил он свое время у золотого дерева с алой листвой, подолгу говорил с ним и, как мне кажется, слышал ответ.

Из печали короля возникла Осенняя роща, светлая и тихая, радующая глаз яркостью лиственного убора и плачущая серыми дождями. А в один прекрасный день рядом с золотым деревом появилось еще одно – крепкое и высокое, с темной, почти черной листвой и серебристой корой. Если мы сейчас встанем и обойдем дерево королей, то увидим, что оно состоит из двух стволов, тесно сросшихся друг с другом, с переплетенными ветвями – так, наверное, обнимаются навечно влюбленные, ставшие половинками единого целого.

– И больше в Холмах не было королей? – Кармайкл, голова которого лежала на моих коленях, приподнялся и внимательно посмотрел на меня. Я только улыбнулась и посмотрела вверх, на раскинувшийся над нами «шатер» из красной листвы.

– Не было. Ши-дани стало удобнее жить каждому в своем времени и подчиняться своей совести, основой которой стало дерево королей. После того как появилось дерево королей, в соседних Холмах тоже возникли свои сердца, свои хранители силы. Если раньше мы могли черпать магию напрямую, то теперь приходится подчиняться законам Холмов. Мы не можем пользоваться магией вдали от волшебной страны, потому стараемся не покидать ее без особой на то необходимости.

– Станные вы... Вместо совести – сердце Холма, вместо души – искра магии, вместо дома – отрезок времени. Я не могу понять...

– Как и я не могу понять людей, у которых вместо совести кошель с золотом, души не видно за священными книгами, а в доме, где они живут, никогда не было любви.

– Не все люди такие! – Маг сел, глядя на меня с возмущением во взгляде, таким искренним, что я невольно подивилась. Каким же надо быть, чтобы с такой уверенностью отрицать очевидное, чтобы сохранить веру в лучшее и не замечать того безразличия, что все чаще холодной змеей вползает в людские сердца, превращая их в камень без помощи магии фей? – Если бы все было так, как ты говоришь, разве встали бы зимние ши-дани на защиту людей более двух веков назад, разве проливали бы свою кровь, защищая детей человеческих, ожидая подмоги?

– А кто сказал, что зимние защищали людей? – тихо спросила я, отводя взгляд от Кармайкла и устремляя его на зеркальную гладь воды, на которой плавал одинокий ярко-красный лист. – Сумерки наступали на Алгорские холмы, и зимние защищали свой дом и свою землю, как поступил бы любой народ, которому дорого место, где он родился и жил. Люди... они просто оказались под нашей защитой, как и каждый зверь Алгорских холмов, каждое дерево и каждый акр земли. И не людской подмоги они ждали. Они всего лишь тянули время, дожидаясь, пока хранитель древа королей войдет в полную силу.

– Но так не бывает! – Маг неожиданно крепко ухватил меня за плечо, разворачивая лицом к себе и заглядывая мне в глаза, словно надеясь увидеть там ложь, одновременно страшась найти доказательство правдивости моих слов. – Не может один ши-дани победить, запечатать Сумерки! Ведь выпустить на волю всегда проще, чем загнать обратно, а даже для высвобождения Сумерек потребовались силы двух фаэриэ и огромная кровавая жертва!

– «Лишь тот, кто не принят ни адом, ни раем, в чьей свите чужие грехи и пороки...» Из вашей легенды строчка, я не ошибаюсь? – Я поднялась с мягкого и уютного лиственного ковра, простерла руки перед собой, словно оглаживая медленно поднимающийся над озерцом туман, который становился все гуще, окутывал, словно одеяло, принося с собой запах пожарища, душный, тяжелый.

Ты желал увидеть, как Сумерки пришли в Алгорские холмы, не так ли, Кармайкл из Вортигерна? Теперь смотри и не смей отворачиваться, если желаешь запомнить все до

мельчайших деталей, желаешь понять, как это было.

Только не жалуйся потом на плохие сны, милый мой мальчик...

Из туманных извивов вырвалось странное существо с зеленоватой кожей, тонкими, паучьи длинными конечностями и небольшими стрекозиными крылышками, трепещущими при каждом движении сильфиды. Плюньте в лицо тому, кто возьмется утверждать, что сильфы – это прекрасные облачные девы, что парят в небесной выси и вызывают дождь, потому что призрачное существо из Сумерек, бродящее по берегу озера и не осмеливающееся приближаться к дереву королей, сложно было назвать даже человекоподобным. Единственное, в чем не солгала человеческая легенда о сильфах, – так это об их дурном характере, меняющемся так же быстро, как погода на берегу северного моря.

Сильфида повернула в нашу сторону уродливое лицо, половину которого занимали огромные глаза, обезображенные бельмами, и негромко заверещала -так может кричать обычная лесная птица, сидящая где-нибудь на ветке дерева среди густой листвы. И не поймешь ведь в чем дело, пока сильфида не свалится тебе на голову.

– Оно нас видит? – негромко спросил Кармайкл, присматривающийся к странному существу из Сумерек так пристально, словно хотел запомнить и потом суметь выделить среди точно таких же.

– Да. – Я положила ладонь на плечо мага, не давая тому подняться. – Существа из Сумерек могут нас видеть и слышать, но, к счастью, они в большинстве своем сейчас не могут нанести нам какой-либо вред.

– В большинстве своем?

– У сильфид недостаточно силы по эту сторону Сумерек, чтобы дотянуться до нас здесь и сейчас, – покачала головой я, наблюдая за тем, как из густых извивов тумана выскальзывает целый рой разноцветных сильфов, еще крошечных, милых и больше напоминавших весенниц в Бельтайн, чем сумеречных тварей.

– Они мне не кажутся страшными... А ведь должны пугать, ведь так?

– Чем меньше знаешь, тем крепче спишь, – вздохнула я, убирая ладонь с плеча Кармайкла, позволяя ему встать. – Сильфы пекут хлеб из костяной муки. Мне следует объяснять, чьи это кости, или сам догадаешься?

Он слегка побледнел и покачал головой, по-новому взглянув на кажущуюся безобидной стайку «духов ветра». И правильно, потому что кажущаяся мирной картина изменилась сразу же, как только на поляне появился призрак пожилой женщины, несущей на спине вязанку хвороста. Крестьянка из долины, что решила подняться на западный Холм для того, чтобы набрать хвороста, зачарованно смотрела на мельтешащие разноцветные огонечки с таким выражением лица, будто бы ей показывали нечто совершенно прекрасное. Ожившую мечту, которая жарким огнем горела в ее сердце во времена молодости, но постепенно гасла вместе с уходящими в никуда годами, проведенными в труде и заботах – вначале о муже, а потом и о многочисленных детях.

Она улыбалась со слезами радости на глазах, глядя на мельтешащих перед ее взором сильфов, совершенно счастливая.

Улыбалась, даже когда крошечные человечки начали грызть ее натруженные пальцы мелкими, но удивительно острыми зубами, смеялась, когда вязанка упала наземь и рассыпалась, потому что не было у женщины больше рук, чтобы ее удерживать...

Каюсь, я отвела взгляд первой.

Смотреть на чужую боль, пусть даже давно прошедшую, было тяжело. Я не нуждалась в подобных уроках, чтобы понимать, на что способны Сумерки. Кармайклу же, как мне показалось, именно такого урока и не доставало.

Маг тоже не смог досмотреть все до конца, и когда он повернулся ко мне, его лицо было белым, как простыня, на лбу крупными бисеринами выступили капли пота, а расширенные от потрясения зеленые глаза казались еще ярче, чем на самом деле. Он «сломался», когда женщина упала навзничь и уже не смеялась, и единственными звуками

остались лишь шум ветра в кронах деревьев да шорох сотен маленьких крылышек, которые, к счастью, заглушали звуки трапезы сильфов.

– Госпожа моя светлая... – Кармайкл упал на колени и обнял меня за пояс, утыкаясь лицом мне в живот и бормоча что-то бессвязное, неразборчивое. Я повела рукой в воздухе, словно перелистывая страницу невидимой книги, и плотная завеса тумана прошедшего дня скрыла и сильфов, и их жертву.

Тихо-тихо стало в моей Осенней роще – лишь шелестит мелкий дождь, падая на лиственный ковер. Светлая, умиротворяющая тишина.

Вместе с туманом, что рассеялся над озером, пропал и душный запах пожарищ, и тревожное, гнетущее ощущение чего-то дурного, затаившегося в каждой тени, в каждом подозрительном шорохе.

Рыжеволосый маг, так напоминавший мне не то утерянному брату, не то так и не рожденного сына, наконец-то успокоился, его плечи перестали вздрагивать от едва сдерживаемых слез, но он так и не разомкнул объятия, цепляясь за меня, как ребенок цепляется за мать. С нерушимой, искренней верой в то, что, пока мама рядом, ничего плохое даже близко не сможет подобраться. Не страшны ни воображаемые чудовища, вылезающие из-под кровати по ночам, ни всамделишные волки, что воют в лесу за окном зимней ночью. Словно передо мной находился не обремененный Условиями взрослый человек, уже мужчина, а тот самый маленький мальчик, что замерзал насмерть в холодном осеннем лесу на склоне Алгорского холма.

Я рассеянно гладила Кармайкла по растрепанным волосам и смотрела на трепещущую даже при полном безветрии лиственную крону дерева королей. Интересно, как человек сумел сохранить в себе доброту и сострадание, будучи обремененным Условиями колдовства, используя магию, как для себя, так и для защиты простых людей от тех остатков Сумерек, что так и не удалось изгнать когда-то давно Габриэлю в ночь бушевавшей Дикой Охоты? Как можно было прожить три десятка лет – и остаться чутким к чужому горю и чужой боли, не заостенеть, не облечь душу в ледяные доспехи, имя которым – безразличие?

Похоже, что в этом человеке гораздо больше веры в лучшее, веры в чудо, чем у любого из волшебных Холмов. Хотя здесь-то как раз все понятно – кому как не волшебным существам знать, что чудес не бывает?

Поднявшийся ветер огладил меня по щеке, громко зашумела алая листва дерева королей, и в этом шуме мне почудился безмолвный упрек.

Ну конечно, как я могла забыть!

Иногда даже ши-дани, почти лишенные веры, достойны чуда...

– Они... они жрали ей руки, а она пыталась их обнять. – Я вздрогнула, услышав глухой, лишенный эмоций голос Кармайкла, легонько погладила его по волосам, словно это прикосновение могло заставить его забыть увиденное. – Они ее убивали, забирали жизнь вместе с плотью, оставляя лишь обглоданные кости, а она радостно смеялась...

– А если бы она кричала от ужаса и боли, плакала, пыталась убежать и все равно была бы настигнута – тогда тебе не было бы так жутко?

– Не было бы. – Зеленые глаза мага были прозрачны, как вода в глубоком ручье, и ярко блестели, словно в них еще стояли слезы. – Я был готов к этому. Но не к тому, что увидел... Я не мог себе представить, что человек может быть настолько счастлив оттого, что его пожирают заживо! Милостивый бог, она ведь под конец поняла, что с ней делают! Перед тем как упасть, я видел это в ее взгляде!

– У Сумерек свои понятия о способах охоты и насыщения, и, к сожалению, нам, живущим в Холмах или в мире людей, эти способы кажутся ужасными в своей неестественности и жестокости. Когда-то ши-дани сделали все возможное, чтобы существа, рожденные в Сумерках, вернулись к себе домой и более не приходили в мир за Алой рекой. – Я наклонилась и приобняла Кармайкла, коснувшись губами его волос, пахнувших медовыми яблоками и хмельной осенью.

– Пойми, нельзя уничтожить Сумерки – это такая же часть мира людей, как тень –

часть света. Что есть мир, где нет тени? Лишь пустыня, ровная как скатерть, ибо нет на ее поверхности ничего, что могло бы отбрасывать тень. Безжизненный, мертвый мир. Так и Сумерки являются искаженным миром, тенью, отбрасываемой нами на полотно мироздания. Не станет Сумерек, где наши страхи, сомнения, гнев и ненависть обретают плоть, – и мы потихоньку увянем. В наших силах лишь отделить их, сделать просто безобидной тенью на стене, а не дверью в никуда, откуда выбираются наши самые жуткие кошмары.

– Сильфы... это ведь не всё, правда? Дальше становилось только хуже?

– В этом месте появились только они, в других оказались еще более странные существа, но я не рискну приводить тебя туда, где ты будешь без защиты древа королей. Себя я могу защитить, а вот с тобой будет сложнее, боюсь, что мне сложно будет вывести тебя оттуда невредимым. Впрочем я могу рассказать о том, что было и в других местах, как и о том, что случилось позже, – эта история не из тех, что легко забывается, тем более среди ши-дани.

– Расскажи, но... не сейчас. Мне стыдно, но, похоже, я оказался не настолько силен и вынослив, как предполагал раньше. Я без страха расправлялся с теми сумеречными, что вылезали из-под земли на перекрестках дорог и охотились на путников, умирал нежить на кладбищах и помогал старшим магам ордена ставить обережные круги вокруг сел, когда стало ясно, что всех сумеречных не перебить, а людей защитить необходимо. Я видел страшную жестокость сумеречных, но тогда я чувствовал лишь сожаление об умерших и решимость наказать виновников... а сейчас у меня дрожат руки, и я с трудом сдерживался, чтобы не убежать, когда увидел, как эти... могут убить...

Кармайкл отпустил меня и сел на землю, уставившись в пространство перед собой невидящим пустым взглядом. Человеку, особенно сильному, трудно смириться с тем, что он еще может испытывать страх перед непознанным, перед тем существом, что ведет себя совершенно не так, как должно было вести, перед «неправильностью» происходящего.

Может, ши-дани и в самом деле в чем-то волшебный, «благодаренный» народ – мы с рождения воспринимаем мир чуточку иначе, живем по законам изменчивого и неизблемого в своей постоянности Холма. И потому знаем, что нет ничего более постоянного, чем временное, нет жестких правил, кроме тех, что ты сам устанавливаешь, неважно, в своем ли только времени или же в мире людей, пользуясь почти вседозволенностью родного Сезона. И не пытаемся смотреть на Сумерки, как на мир с подобными нашим законами, потому и не ждем, что существа оттуда будут вести себя так, как мы привыкли.

– Просто те сумеречные, с которыми ты имел дело раньше, уже прижились в мире людей, подстроились под его законы – и потому их повадки изменились. А те, которых ты видел, – они просто совершенно иные... Не стыдись своего страха, не пытайся его забыть – просто прими как должное и выучи этот урок. Если Сумерки вновь раскроются, даже не пытайся думать о существах, которые придут оттуда, как о тех, что уже живут рядом с вашими поселениями.

Я протянула Кармайклу руку, и тот, помедлив, все же принял ее, поднялся с наметенного ветром лиственного ковра, машинально отряхнул плащ от налипших веточек и комочков земли. Посмотрел на меня глубоким пронзительным взглядом, в котором не осталось ни восхищения Осенней рощей, ни удивления ее чудесами – только горькое осознание от полученного «урока» и чуть глубже, на самом дне зеленых глаз, – холодная решимость.

Он еще потребует от меня рассказать историю до конца – и непременно вернется наверх, к людям, обогащенный новыми знаниями и новыми печалью. И, скорей всего, сложит голову во имя великой, но совершенно бессмысленной цели, которую поставят перед ним орден и простые люди, желающие как можно скорее избавиться от всего непонятного, пугающего и неизведанного.

Ветер, ставший ледяным, взметнул белоснежный подол моего платья, скользнул холодной бесплотной рукой по моим коленям так, что я невольно вздрогнула и обернулась, ощутив на затылке чей-то тяжелый пристальный взгляд. Никого – только остатки тумана

рассеиваются над озером, на поверхности которого образовалась тоненькая ледяная корочка, растаявшая почти сразу, едва я заметила ее краем глаза.

Похоже, король Самайна, чье присутствие иногда ощущается в моем дне после того, как когда-то давно я призвала его, назвав по имени, недвусмысленно намекает на очередную встречу. Возможно, я даже соглашусь, потому что если кто-то и сумеет помочь Кармайклу понять, как нужно действовать, если все станет действительно плохо, – так это он. Мне, скорей всего, не хватит знаний... и той неповторимой убедительности, что есть у Габриэля.

Я ускорила шаг, ведя за собой угрюмо-молчаливого Кармайкла. Прежде чем принять приглашение короля Самайна, мне нужно развеять страхи пришедшего по доброй воле мага.

В моем доме сегодня царила особая атмосфера уюта и покоя. Жарко горел огонь в камине, стол в горнице был накрыт двуцветной скатертью – зеленая половина с так называемыми «фейскими лакомствами», красная – с едой, что была приготовлена наверху в мире людей. Малютка Том, одетый в белоснежный передничек и смешной ярко-зеленый колпачок, бегал по столу, напоминая взъерошенного рыжего совенка, расставлял тарелки, поправлял аккуратно сложенные вышитые салфетки. Завидев, как входим в горницу, брауни забегал еще быстрее, заканчивая приготовления к обеду, а потом вдруг оказался сидящим на моем плече и указывая на Кармайкла.

– Ты совершенно прав, у него был очень тяжелый день, – согласилась я, беря Кармайкла за руку и подводя к столу. Впрочем, как я и ожидала, от еды он отказался, усаживаясь поближе к очагу и протягивая к живительному теплу озябшие, чуть подрагивающие пальцы.

Брауни неуверенно поерзал на моем плече, а потом тихонько чирикнул, как лесная пичужка.

– Наверное, стоит. Принеси, пожалуйста, яблочное вино с красной печатью.

«Совенка» как ветром сдуло, а я подошла к своему гостю, аккуратно сняла с его плеч алый плащ и ласково провела ладонью по его щеке, на которой уже пробивалась однодневная щетина.

– Если не хочешь есть, то хотя бы выпей. – В моей руке, как по волшебству, оказался янтарный рог, наполненный золотистым медовым напитком, теплым, почти горячим, как кровь из отворенной вены. Я протянула его Кармайклу, и тот, рассеянно кивнув в ответ, припал губами к окованному золотом и медью краю рога.

В воздухе резко запахло георгинами, палой листвой и горьковатым осенним медом, а пламя в очаге пугливо припало к дровам, словно испугавшись льющей потоком магии Холма. Моей магии, моей осени.

– Пей, Кармайкл, и будь весел. – Я выпрямилась, наблюдая, как капельки золотого напитка стекают по подбородку моего гостя, как растрепанные рыжие волосы мага свиваются в небрежные локоны, а потускневшие глаза наливаются новым блеском.

Он отбросил опустевший рог в сторону и пристально взглянул на меня, и глаза его были как два ярко сверкающих в солнечном свете прозрачных изумруда, зеленые-зеленые, как молодая трава. Единственный долгий взгляд глаза в глаза – как тонкая золотая паутинка, протянутая от сердца к сердцу. Человек, если выпьет хмельное осеннее вино, ненадолго приблизится к ши-дани, что одарила его волшебным напитком по доброй воле, в его жилах заструится магия Холма, в голосе будет слышен вольный ветер, а на губах он ощутит вкус меда и черной рябины, спелых яблок и свежего хлеба.

Полыхнуло в очаге заново разгоревшееся пламя, огненным цветком распустились жаркие лепестки на почерневших, на глазах обращающихся в алые угли дровах, а маг резко поднялся и обхватил меня за талию, привлекая к себе и крепко целуя в губы. В прошлый раз я опьянила человека дикой неукротимой магией Бельтайна, а сейчас сама попала в сети своего же колдовства.

Я пила с губ Кармайкла золотой мед и терпкое вино, пила пламя, что рыжими искрами скользило по моей коже, не обжигая, и ощущалось как ласковые прикосновения, словно пламя обратилось в продолжение рук мага. Если рыцарь Там Лин вернулся ко мне ветром,

своей нравственности, верным, непостоянным, то Кармайкл мог бы прийти жарким пламенем, что согревает озябшие пальцы горячими поцелуями, танцует на багряных углях и защищает, сжигая любого, кто станет угрозой, – при этом не причиняя вреда единственной возлюбленной, ради которой можно отказаться даже от рая.

– Возьми на службу, светлая моя госпожа...

Я не сразу сообразила, что голосом Кармайкла заговорил огонь в камине.

– Возьми...

Вспыхнули яркими лепестками пламени фитильки желтых свечей, что стояли на подоконнике. Соскользнул на пол сдернутый с моих плеч плащ, неровной горкой улегся на светлых досках.

– Возьми!

Еще жарче стал поцелуй, хмельной, неумный. Так целуют, когда позади томительное ожидание после долгой разлуки, так целуют, когда прощаются навсегда или же перед тем, как отдать себя в вечное рабство тому, что сильнее смерти, тому, что иногда позволяет вернуться...

Кармайкл отстранился, глядя мне в глаза, и в его расширенных зрачках танцевали отблески золотого пламени. Еще немного – и я согласилась бы, поскольку сама оказалась пьяна осенним вином, но сильный зимний ветер, с грохотом распахнувший приоткрытую входную дверь, обнял меня холодными порывами, сдавил горло ожерельем из ледяного серебра.

Магия Габриэля, так бесцеремонно ворвавшаяся в мое время, развеяла осенний хмель, отрезвила, разом успокоила нас и пропала, оставив на наших одеждах быстро тающие снежинки.

– Фиорэ... что это было? – Кармайкл словно очнулся от глубокого сна и смотрел на меня, зацелованную так, что губы и щеки до сих пор горели, с неподдельным смущением.

– Это и был тот, по чьему слову когда-то давно Сумерки приняли обратно своих детей и закрылись для мира людей. Тот, кто может дать тебе нужные знания и, возможно, ключ к победе...

Я не назвала его имя вслух, только широко известное прозвище.

Король Самайна...

ГЛАВА 4

После заката небо над головой наконец-то очистилось от пепельно-серых туч с неровными, будто бы оборванными краями, мелкий дождь, шелестевший за окном весь вечер, понемногу утих. Свет тонкого, обманчиво хрупкого полумесяца, как драгоценная серебряная тиара, оброненная матерью-природой в момент, когда та сеяла звезды на темном бархате небосвода, заливал верхушки деревьев в яблоневом саду призрачным голубоватым светом. Казалось, будто бы сам сад подсвечен изнутри и что не живые это деревья, а всего лишь призраки давно ушедших дней, подобные тем, что я показывала Кармайклу при свете солнца.

Тихо-тихо вокруг, ни звука. Даже ветер, что обычно шевелил желто-зеленые листья яблонь, куда-то пропал, уснул, как и вся Осенняя роща. Бодрствовали лишь я да серебристо-белый месяц на небе.

Я плотнее запахнулась в ложащийся тяжелыми складками темно-коричневый, с красным узором по подолу плащ, спрятала под глубокий капюшон длинные косы, заколотые на затылке деревянными гребнями, украшенными янтарем и перламутром, взяла с порога глубокую корзину, дно которой было застелено выбеленной льняной салфеткой с мелким зеленым узором по краю. Тихо скрипнула резная деревянная калитка, ведущая в яблоневый сад, лунным серебром высветилась присыпанная песком тропинка, драгоценными камнями посверкивали тяжелые спелые плоды, гнущие к самой земле гибкие ветки.

Какие яблоки любит Габриэль? Сложно сказать, каждый раз я приносила ему разные, и

никогда он не высказывал одобрения или осуждения – принимал гостевой дар как должное, с неизменным вежливым поклоном и едва обозначившейся в уголках тонких, четко очерченных губ улыбкой. Чем удивить одного из сильнейших жителей Холма, того, кто носит корону из холодного железа, украшенную кровавым янтарем? Что предложить тому, кто может получить почти все?

Хороший вопрос, право слово...

Я подошла к маленькой, всего в два человеческих роста яблоньке, на которой красовались всего-навсего с десяток небольших яблок размером с хрупкий девичий кулачок, но именно над этим деревцем я трудилась со времени последнего осеннего Сезона. И потому золотистые плоды получились почти прозрачными – ни дать ни взять сгущенный солнечный свет, прячущийся под тоненькой розовой кожицей, золотистый липовый мед, терпкое молодое вино, невеста как оказавшееся на гибкой яблоне веточке.

Нет, такие яблоки нельзя класть на дно корзины – лопнет тоненькая кожура и прольется сладкий сок на белоснежную салфетку... жалко будет, право слово.

Я обошла весь сад, опуская в корзину по одному-два плода с наиболее приглянувшихся мне деревьев, пока не наполнила ее почти доверху, – и лишь тогда вернулась к молодой яблоньке. Осторожно сорвала теплые, согревающие озябшие пальцы яблоки, уложила их поверх остальных и торопливо покинула сад через низенькую, почти незаметную калиточку, что вела на узкую, заросшую травой и практически заметенную палой листвой тропинку.

Ведь, будучи приглашенным гостем, можно в любой момент пройти в чужое время, скользнуть туда сквозь переплетение теней или же танцующие пылинки в лучах света, найти неведомую ранее дорожку или просто отодвинуть в сторону ветки густого кустарника. Переход из родного, чувствуемого каждой клеточкой тела времени в чужое, где ты всего лишь гость, – это каждый раз по-разному. Появляясь в гостях у Ильен в Зимнем лесу, я ощущаю, будто бы перехожу вброд шустрюю горную речку с кристально чистой водой, такой холодной, что немеют ноги, а все тело дрожит, как осиновый лист на ветру. Весенний Холм встречает званных гостей запахом свежей луговой травы и прохладной росы, что моментально вымачивает любую обувь и полы длинных одежд, а приход к летним всегда ознаменовывается полуденным зноем, который обволакивает все тело словно нагретым на печи одеялом.

А вот каким образом встретит меня король Самайна – оставалось только гадать. Он ни разу не повторился, постоянно изменяя правила перехода в свое время. Но на этот раз все оказалось довольно мирно – просто тропинка, нырнувшая в густой ледяной туман, вывела меня на огромное поле, замеченное первым снегом, колким, жестким, как перемолотый наст. Я и не знала, что снег, мягчайшей периной засыпавший Зимний лес во времени у Ильен, бывает таким острым – словно над поляной рассеялось мелкое крошево битого стекла...

– Габриэль?

Имя, произнесенное почти шепотом, разбило тишину, словно тяжелый кузнечный молот хрупкое зеркало, разбудило спящую где-то высоко в свинцово-серых небесах жгучую зимнюю метель, эхом прокатилось меж деревьев, и словно в ответ откуда-то из глубины спящего леса раздался протяжный волчий вой. Пошел снег – вначале мелкие снежинки падали медленно и величаво, стремительно таяли, стоило им лишь коснуться моего плаща или запрокинутого к небу лица, но потом снегопад усилился. Настолько, что мне показалось, будто бы я ошиблась временем и вместо Самайна угодила куда-нибудь дальше, в канун зимы, когда нет уже разницы между Сезонами и одно время года плавно и незаметно переходит в другое. Такое случается во временах, в которых живет семейная пара, где супруги принадлежат разным Холмам – их дни сливаются, становясь чем-то средним, вот и получается потом неслыханная оттепель посреди зимы или же ночные заморозки перед самым Бельтайном, когда молодая листва оказывается покрытой тонким слоем инея.

«Ты все же приняла мое приглашение...»

Его шепот наполнил собою ночь, скользнул по моим губам порывом зимнего ветра, и это было похоже на нечто среднее между легчайшим поцелуем и глотком свежей воды из

незамерзающей даже в лютый мороз горной реки, воды такой холодной, что зубы моментально пронизывает острая боль. Я вздрогнула, невольно подалась назад – и, оскользнувшись, неловко упала на колкий жесткий снег, рассыпав принесенные в дар яблоки и ссадив ладонь до крови.

Алые капли на белом снегу – как ягоды спелой рябины, как вызов бело-серо-черному Самайну, что устроил Габриэль к моему приходу. Я села, осторожно собирая рассыпанные яблоки, темными пятнами виднеющиеся на белом снегу, обратно в корзину. Не получается у меня прийти во время Самайна с достоинством и величием, как подобает гостю, – вечно случится что-нибудь эдакое, по неловкости и неосмотрительности ставящее меня на одну доску со столь забавляющими Габриэля людьми.

Липкий, со сладким медвяным ароматом яблочный сок потек по моей расцарапанной о жесткий снег ладони, остывая под порывами холодного северного ветра. Я с грустью подумала о том, что не донесла все-таки целыми столь тщательно выращиваемые плоды, и что теперь делать с побитым, истекающим сладким соком яблоком – непонятно. Преподнести такое Габриэлю недостойно, просто выбросить – жалко, ведь оно кажется своего рода природной драгоценностью, принесшей в холодное время Самайна кусочек полетному солнечной, теплой осени с ее изобилием.

Волчий вой, что раздавался, казалось, отовсюду, то приближаясь, то удаляясь, смолк, зато на краю поля, у чернеющих в темноте зимней ночи деревьев стали появляться зеленоватые огоньки глаз – будто бы волки собрались полукругом и чего-то ждали, даже не пытаясь напасть. Повисшая тишина давила и пугала, побуждала вскочить – и бежать сломя голову к себе домой, в тихую теплую осень, где нет ничего, что желало бы мне зла или хотело причинить вред.

– Хватит испытывать мои нервы на прочность, Габриэль. – Тихий шепот в никуда, в светлую зимнюю ночь, наполненную тишиной, еле слышным ворчанием волков, что собрались на краю поля, и незримым присутствием хозяина Самайна. – Иначе я могу подумать, что гость я отнюдь не званный, и уйти домой.

– Так быстро? Даже не поговорив со мной?

На этот раз голос Габриэля не был призрачным отзвуком произнесенной про себя фразы, отнюдь. Низкий, чуть рокочущий и довольно негромкий – ходили слухи, что когда-то король Самайна сорвал голос, не то вложившись полностью в сложное заклинание, не то пытаясь докричаться до небес, а позже, не имея возможности исцелиться и не желая оставаться немым, он позаимствовал возможность говорить у зимнего бурана, волчьего воя и отголосков Дикой Охоты. Метель улеглась почти мгновенно, небо очистилось от туч, а мягкий лунный свет залил поляну, выхватив из темноты волков – и самого короля Самайна, сидящего на поваленном дереве. И это его светящиеся зеленою глаза я приняла за глаза одного из снежных зверей...

– Здравствуй, Габриэль.

– И ты здравствуй, Фиорэ. – Он склонил седую голову, сверкнул темный камень, вплетенный в обруч из тонких кожаных шнуров. – Давно не виделись. Слишком давно, я бы сказал.

– Не так уж и давно – не далее как прошлой ночью ты побывал в моем времени, пусть даже я не звала тебя в гости. – Я поднялась со снежного покрова, отряхнула платье и плащ от налипших снежинок. Холода я не ощущала, и в этом тоже была заслуга Габриэля.

Его отец был ожившей снежной бурей, метелью в разгар января, стылым морозом, что делает небо зеленовато-прозрачным, а снег – синим, таким суровым, что мог заморозить дыхание на губах, обратив его в снежную крошку. От него король Самайна и унаследовал свою магию, которая более присуща зимним шидани, но никак не осенним.

Впрочем...

Я помнила теплый ветер в ночь, когда люди праздновали Самайн, скрываясь от Дикой Охоты в надежно защищенных холодным железом и омелой домах, помнила, какой мягкой казалась земля, укрытая пышным ковром палой листвы, каким бесконечно глубоким – небо

над головой. Оно было сапфирово-синим, с изумрудным мазком на западе, где только-только угасли последние солнечные лучи заходящего солнца, и звезды, похожие на крошечные льдинки, щедрой рукой были рассыпаны по этому бесконечному полю. Тогда я чувствовала Габриэля совсем другим – пьяным от кратких мгновений обретенной свободы-принадлежности, рассыпавшимся ворохом листвы, горстью снега, взметнувшегося к небу на крыльях ставшего теплым ветра. Его сила, высвобожденная разом, сдерживаемая лишь магией Холма, разлилась по Самайну, как вода глубокой, обычно спокойной реки в весеннее половодье заполнила собой все принадлежащее Габриэлю время – и изменила меня, позволив стать тем, чем являются ши-дани. Тем, кто держит целый мир в чаше ладоней, кто сам является этим миром, чья улыбка – луч заходящего солнца, отблески мириад звезд – как капельки теплого дождя в волосах, а земля, укрытая лиственным ковром, – лишь тело под осенними одеждами. Всего один краткий час, на который приходится пик силы Габриэля, позволяет нам становиться тем, чем мы не решаемся быть.

«Ты – небо, в котором я свободен быть ветром», – так он сказал мне тогда, в первую ночь нашей Игры на двоих, смысл которой – возможность становиться собой, зная, что никто не оттолкнет тебя и не осудит даже в мыслях, никто не осмелится помешать. Странная Игра для ши-дани, которые не связаны Условиями колдовства...

Габриэль очутился рядом со мной так быстро, что я не успела даже испугаться, сильные холодные пальцы стиснули мою руку, оцарапанную о слишком жесткий снег. Сладкий тягучий сок покраснел, смешавшись с кровью, золотисто-рыжее яблоко с треснувшей тоненькой кожицей на месте побитого бочка, уютно устроившееся на моей ладони, в лунном свете казалось драгоценностью, выточенной из полупрозрачного янтаря. Король Самайна, которому я не доходила и до плеча, слегка наклонился, словно для того, чтобы получше рассмотреть подношение, но взгляд его темных, как стоячая вода в глубочайшем озерном омуте, глаз был направлен на меня.

– Ты умудряешься приносить в мой холодный Самайн свою золотую осень даже против моей воли. Как это у тебя получается, зеркало мое? – Он склонился к моей руке, почти касаясь губами сочного плода, не отводя взгляда. Словно опасался, что я исчезну, как ши-дани из человеческих легенд, в которых говорится, что стоит лишь моргнуть или опустить глаза хоть на мгновение, как пропадет волшебное существо, словно не было его, растворится среди веток и листвы, останется лишь в отражении на воде. – Сегодня ты принесла мне бесценный дар, которого я от тебя никак не ждал... я не вправе отклонить его – как не вправе отказать тебе в просьбе, какой бы она ни была.

Всего несколько секунд я пребывала в заблуждении, что так высоко король Самайна оценил принесенные мной плоды, но хватило одного только взгляда, чтобы осознать свою ошибку.

Габриэль всего лишь сдавил мое запястье, так, что яблоко не удержалось у меня в руке и упало на снег, а мгновение спустя хозяин этого времени коснулся губами моей перепачканной кровью и медовым соком ладони.

Добровольно отданная кровь – это всегда магия, всегда сила, ведь недаром русло Алой реки, что опоясывает Холмы, привязывая их к миру людей, наполнено кровью, испокон веков льющейся на землю, пропитывающей травяной ковер, растапливающей снег и орошающей пепелища. А когда ши-дани, пусть ненамеренно, приносит свою кровь в дар, от нее нельзя отказаться, нельзя отвергнуть – но нельзя и не исполнить просьбу подносящего. Только вот Габриэль всегда был сам себе хозяином в своем времени, и без его ведома невозможно отворить вену даже остро отточенным ножом, не то что случайно поцарапаться.

– Чего ты хочешь, Фиорэ Аиллан? – Голос короля Самайна был хриплым, чужим, губы – алели, на подбородке размазался чуть светящийся в лунном свете яблочный сок. – С чем пришла в мое время?

Мой голос дрогнул, от волнения став высоким и звонким, как пение моей тростниковой флейты. Я хотела спросить, почему Габриэль зовет меня «своим зеркалом», – другого прозвища я от него ни разу не слышала, – почему каждый раз он так пристально

всматривается в мое лицо, словно выискивая нечто, лишь ему известное... Но попросила я не то, чего хотела, а то, что считала нужным.

– Помоги Кармайклу найти способ отгонять Сумерки.

Он выпрямился и выпустил мою ладонь почти поспешно, но вместе с тем небрежно. Губы искривила некрасивая усмешка, и Габриэль рассмеялся, горько, надтреснуто – его смех резал как битый хрусталь, звучал как отголоски чего-то бесконечного дорогого, что уже не вернуть, как эхо надрывного крика. Я отшатнулась, отступила на шаг – и сразу же ощутила под ногами мягкую землю, свободную от снега.

Невысказанное вслух предложение уйти... Дар принят, просьба изъявлена и услышана, казалось бы, к чему задерживаться? Вернуться в родное время, оставив за спиной и скалящихся волков, и холод, и пронизывающий взгляд глаз-омутов, способных, как поговаривают, отобрать у человека душу и заставить прислуживать в течение долгих семи лет.

Я не сдвинулась с места.

– Интересно, как долго еще будет преследовать меня эта история? – Габриэль смотрел сквозь меня, словно разглядывая нечто видимое лишь ему одному. Седые волосы трепал ветер, он сдувал натающие снежинки с белой шкуры, небрежно наброшенной на плечи короля Самайна, но не смел даже коснуться подола моего платья. – Я предполагал, что ее продолжение будет не так скоро, но, как оказывается, ошибся. Ты знаешь, зеркало мое, что я ошибаюсь достаточно редко и не оставляю живых свидетелей своих ошибок, но тебе, похоже, суждено стать еще одним исключением. Чего и стоило ожидать – когда-то давно мне просто следовало быть осторожней в своих желаниях...

Он шагнул ко мне, протянул руку, но она повисла в воздухе, так и не коснувшись моего плеча.

– Если такова твоя просьба, то я готов показать тебе... А потом ты сама решишь, что стоит рассказать своему слуге, а о чем следует умолчать.

– Он не мой слуга, он мой гость.

Призрачным зеленым огнем блеснули темные глаза Габриэля, когда в них всего на миг отразилась тень торжествующей улыбки.

– Что ж, тем хуже для него.

– Это мы еще посмотрим.

Я взяла его за руку, и король Самайна одним рывком притянул меня к себе, укрывая полую черного, как непроглядная осенняя ночь, плаща. Раненым обозленным зверем взвыл неведь откуда налетевший ветер – если бы не Габриэль, крепко прижимающий меня к себе, этот ветер сбил бы меня с ног, содрал бы кожу подхваченным с поля колотым льдом и оставил в стороне умирать, пока моя кровь плавит снег до самой земли...

– Ничего не бойся под моей защитой, – тихий, почти интимный шепот, отчетливо различимый в вое ветра. – Никого и никогда...

Я почувала, как сдвигается время, как годы пролетают над моей головой, сливаясь с бешеным ветром, а может, этот жестокий зимний буран и был беспощадным временем, что рано или поздно любого пригнет к земле, поставит на колени, развеет прахом и, не задерживаясь ни на миг, полетит дальше?

Не знаю, не хочу знать.

Быть может, в другой раз, когда Габриэль так же будет удерживать меня на грани Самайна и Сумерек, я спрошу у него...

Луна, то и дело выглядывающая в прорехи меж несущимися по небу тучами, была не белой и не желтой – она оказалась розово-багряной, тусклой и почти не дающей света. Темно-красный ореол-корона, обращающий тучи в обрывки знамен, испачканные свежей кровью, безмолвная тьма и черная земля, лишенная снежного покрова, делали Самайн ужасающе тихим, темным и наполненным предчувствием беды.

Я испуганно вздрогнула, когда Габриэль откинул полу плаща, под которой прятал меня во время перехода сквозь годы, но стоило моим глазам привыкнуть к темноте, как я крепко,

до боли в судорожно сжатых пальцах, вцепилась в жесткую руку своего спутника.

Окно в Сумерки было так близко, что я могла разглядеть едва заметно светящиеся силуэты в кромешной тьме, что проглядывала из странного разреза – будто бы исполинский нож неровно, небрежно, раскроил небеса, оставив кровоточащую рану в темно-синем своде. Что-то мелькнуло в этом «разрезе», что-то странное, бесформенное – оно подобралось к выходу, протянуло конечность наружу, словно ошупывая воздух над Холмом, и в этот момент ладонь Габриэля легла мне на глаза, не давая рассмотреть то странное, ни на что не похожее существо, что пыталось выбраться из Сумерек.

– Не смотри, Фиорэ. Поверь, *этого* тебе видеть не следует.

– Что это, Габриэль? – Я крепче сжала его руку, которой он прижимал меня к себе, словно не доверяя мою безопасность даже своему законному времени.

– Узнаешь, когда придет время. Пока еще рано. Помнишь правило призраков прошлого?

– Помню. Если ты видишь призраков, они видят тебя.

– Все правильно. Я не хочу, чтобы оно тебя увидело... и запомнило. Потому что я не всегда буду рядом.

Я застыла в руках Габриэля, напряженно вслушиваясь в тишину – хрупкую, звенящую. Мертвую тишину, которую нарушало лишь странное, еле слышимое позванивание, – словно кто-то осторожно проводил точильным камнем вдоль лезвия клинка. Все громче и громче – теперь казалось, что кто-то проводит мечом по стальным доспехам, оставляя отметины.

– Фиорэ, только молчи, – тихий шепот над ухом – и тяжелая ткань плаща вновь укрывает меня с головой.

Габриэль осторожно убирает ладонь от моего лица, и я вижу, что прямо перед моими глазами в плаще прорезана небольшая дырка – как раз такого размера, чтобы я могла рассмотреть потрясающе красивую женщину, стоящую всего в нескольких шагах от нас.

Белая, как свежавывающий снег, идеально ровная кожа, что мягко сияет перламутром в нездорово-красном лунном свете. Черные волосы со странным стальным отблеском уложены в высокую прическу, увенчанную небольшой короной с зубцами-лезвиями. Мягкий овал лица, брови вразлет, яркие чувственные губы – женщина, при одном взгляде на которую сердце начинает биться чаще. Она смотрит себе под ноги, хрупкой, изящной рукой приподнимая длинный подол черного платья, ищет что-то среди потемневшего от дождей и холода лиственного ковра. Шуршит палая листва, разгребаемая изящной ножкой, обутой в серебристую туфельку, шелестит подол платья, тихо позванивают, ударяясь друг о друга, многочисленные украшения-амулеты на стройной шее.

– Это Мэбвэн, – негромко произнес Габриэль у меня над головой. – Фаэриэ, что когда-то жила в прекрасном белом замке на утесе у океана. Она с улыбкой встречала рассвет над синей водой и каждую ночь поднималась на самую высокую башню, чтобы быть ближе к звездам. Благодаря ее магии даже замок обрел подобие жизни, стал ее другом, помощником и защитником. Так было до тех пор, пока она по доброй воле не пришла ко мне в услужение...

Женщина в черном платье наконец-то нашла, что искала, – это оказался крупный багряный аметист с небольшой искоркой в глубине камня, спрятанный в клетку из тоненьких серебряных проволочек-паутинок, – и сдвинула подвеску в кулаке, подняв к небу неожиданно неприятные светло-серые, как лед на озере, глаза.

– Семь лет она была мне слугой-гостьей и любовницей на ложе. Она сопровождала меня в ночи, когда я выбирался из Холма, вместе со мной скакала на призрачном коне над миром людей. Она узнала вкус свободы – ведь Холм позволял ей становиться собой, сливаться с ее родной стихией, невзирая на Условия. Но ее срок истек – и я вернул Мэбвэн в белокаменный замок на берегу океана, невзирая на мольбы и просьбы оставить ее при себе. – Голос Габриэля звучал тихо, слова звенели, повисали в стылом воздухе как тонкие и хрупкие сосульки на обледенелых веточках. – Она хотела всё или ничего. Требовала любви или ненависти, но не получила ни того ни другого. Но ведь ненависть вызвать куда легче, чем

любовь. Достаточно всего лишь разрушить дом, убить сородичей, оставить в одиночестве...

Я невольно вздрогнула, когда в небе раскатисто прогремел гром, а в зарождающейся высоко в небесах буре я расслышала отзвуки искренне-радостного, счастливого смеха. Порыв ветра взметнул подол Мэбвэн, хлынувший ливень моментально промочил ее одежду и волосы, а она раскинула руки, протягивая их буре, как пылкому возлюбленному.

– Ты готова увидеть остальное? То, что я сейчас от тебя скрываю?

Честно говоря – нет. Я не была готова увидеть то, из-за чего Мэбвэн беззвучно смеялась. Струи дождя, скатывающиеся по ее лицу и телу, срывались багряными каплями с подола ее черного платья...

Нет, не черного.

На рукавах появились багряные потеки, которые становились все светлее, все шире. Словно платье когда-то было белым – но его вымочили в свежей крови, высушили колдовством, что обратило пролитую кровь в краску.

В небесах полыхнула молния, и в этот момент порыв ветра сдернул с моей головы плотный черный плащ, которым укрывал меня Габриэль, и мир наполнился звуками – свистом, шелестом и стрекотанием сумеречных тварей, что возникали вокруг нас словно из ниоткуда. Раздались рев и повизгивание зимних ши-дани, что сражались с Сумерками, треск деревьев, по приказу осенниц выдравших свои мощные, развитые корни из земли и медленно направившихся на поле боя. Безмолвные, бесстрастные стражи западного Алгорского холма, в чьих жилах не течет живая кровь – лишь прохладная сладковатая вода, те, кого нельзя убить, нанеся глубокую рану – только разрубив на куски или же обдав жарким пламенем, чтобы затрещала, сгорая в огне, шероховатая кора, черными угольками оборачивались веточки-пальцы. Не зря среди людей до сих пор живет легенда о живых деревьях, охраняющих покой ши-дани, не пуская в запретные места никого из людей. Якобы такой лес живет сам по себе, и любой, кто на беду свою забредет в таковой, не имея на теле креста из холодного железа или в руках хорошо заточенного топора, обречен на смерть с того момента, как ступит под густую тень ярко-зеленой листвы.

Совсем рядом раздался громкий женский крик. Я обернулась и увидела, как одну из осенниц, что управляла частью древесных стражей, стаскивают на землю со спины оборотившегося седым медведем зимнего ши-дани. Услышала, как могучий снежный зверь ревет, разбрасывая мощными ударами лап тех, кого позже люди назовут глайстигами, полулюдьми-полукозами, что питаются кровью поверженных врагов или же украденных из кроваток маленьких детей, – но не может пробиться к подруге, которую уже и не видно было за суетливо толпящимися сумеречными.

– Но почему ши-дани не воспользовались оружием? – тихонько шепнула я, отводя взгляд от вставшего на задние лапы серебристого медведя, на светлой шкуре которого уже расцветали алые кровавые пятна. – Почему бьются, полагаясь лишь на себя?

– Потому что Мэбвэн – Королева Мечей. Ее сила позволяет любой клинок обратить против владельца, и управляет она любым металлом – что серебром, что сталью, что холодным железом. И только мечи, созданные с помощью волшебства, а не жара кузнечного горна, не подчинены ее воле. Это – одно из ее Условий.

– А как же дерево королей, сердце Осенней рощи? Разве его листва не могла бы стать мечами для ши-дани? – Я отвернулась, не в силах наблюдать за жестоким кровопролитием и дальше, все внимание сосредоточив на женщине в кровавом платье, что стояла в гуще сражения, – но никто, ни сумеречные, ни ши-дани почему-то не осмеливались к ней приблизиться.

– По моей просьбе дерево королей дало нам оружие против Сумерек. Но не клинки цвета осенних листьев.

Над полем прокатился долгий пронзительный вой – гулкий, глухой, пробирающий до костей и выворачивающий душу наизнанку. Вой, от которого мне захотелось вырваться из рук Габриэля, единственного, кто давал мне защиту в этом проклятом Самайне, побежать по полю, забывая обо всем кроме страха. Страшный клич Дикой Охоты, что разогнал грозовые

тучи в небесах, остановил льющийся стеной дождь и окрасил бледно-розовую луну в зловещий алый цвет.

Замерли сумеречные твари, с тревогой оглядываясь по сторонам, отступили к кромке леса, к стене живых деревьев-стражей ши-дани, стряхивая с когтей черную густую кровь, а из ослабевшей руки Мэбвэн выпал аметистовый кулон, сиреневой искрой блеснул в наступившем мраке и пропал где-то в траве. Пришло время Хозяина.

«Волчий час» после глухой полночи, самое темное время перед рассветом, всего лишь краткое время, принадлежащее *только* Габриэлю, королю Самайна.

Я увидела его таким, каким никогда не хотела видеть.

Скачущим по полю под красноватым светом ставшей неправдоподобно огромной алой луны на черном коне, копыта которого роняли на землю багряные искры, яркие, жгучие, как капли крови, падающие на снег. Подобно сгусткам тьмы, бегут по обе стороны от коня черные гончие – огромные гибкие тела стелются над землей, и кажется, будто бы их лапы не касаются пожухлой, примятой дождями и непогодой травы. Именно их вой возвестил о вступлении короля Самайна в полную силу – и ши-дани расступаются, уходят с пути Габриэля, чье прекрасное, не изуродованное еще шрамом лицо кажется белой восковой маской с черными провалами глаз. Тускло блестит корона из холодного железа на седых волосах, подобных ледяному туману над рекой, темным багрянцем сияет янтарь из смолы древа королей, а в левой руке Габриэль держит нечто мягко сияющее золотом и медью. Драгоценная раковина со дна океана... нет, витой Рог, наполненный силой до краев, легендарный Рог Изобилия, который может накормить весь Холм, напоить страждущих знаменитым «фейским вином», – все дело в том, как его использовать. Лишь в руках короля Самайна этот Чудесный Рог, артефакт волшебного Холма, мог стать оружием против чужеродных нашему миру Сумерек. Только Габриэль в тот момент был *вправе* взять его в руки – и обратить благодать Холма в силу, что может уничтожить, перемолоть, смять Сумерки с той же легкостью, как океанская волна смывает построенный на берегу песчаный замок, переворачивает, крушит в мелкую щепу величественные корабли...

Король Самайна поднес Рог к губам – и над полем прокатился тягучий, могущественный звук, что становился все громче и громче с каждым мгновением. Я ощутила Зов Рога как горячую, напитанную солнечным светом липкую паутину, что опутала меня с головы до ног, влила в жилы огонь, как хмельное осеннее вино, как жаркий поцелуй той сущности, что мы называем Холмом. Я отступила от живого – настоящего – Габриэля, что крепко удерживал меня все время, пока шла битва, и его руки безвольно соскользнули по ткани моего плаща. Призраки вокруг, от которых оберегал меня хозяин этого времени, перестали пугать, превратились в безобидные отголоски прошлого, в бесславно ушедшие в никуда существа, что утратили себя в оставшемся далеко позади за Алой рекой Самайне.

Песнь Рога разливалась над полем, и те сумеречные, что оказались слишком близко к коню Габриэля, вдруг стали стремительно проваливаться в собственные тени, возвращаясь туда, откуда они пришли. Одно за другим исчезали в Сумерках призванные Мэбвэн существа, а сама Королева Мечей подалась назад, отступила на шаг – и вдруг упала на колени, лихорадочно ища в траве аметистовую подвеску, утраченную сиреневую искру, когда волна Зова накрыла и ее.

С шелестом разрезало воздух невесть откуда появившееся сломанное лезвие кинжала, направляемое силой исчезающей в Сумерках фазриэ, – последний отчаянный жест, перед тем как провалиться в собственную тень, – и песнь Рога оборвалась на высокой захлебывающейся ноте. Я увидела, как лезвие, ударившись о полированную поверхность артефакта, раскроило правую щеку короля Самайна так, что в ране блеснула оголившаяся кость, а уголок губ повис. Кровь заливала серо-черное одеяние Габриэля.

Он больше не мог играть и почему-то понуро опустил голову, зажимая ладонью нанесенную Мэбвэн рану и глядя пустым, ничего не выражающим взглядом на замаранный кровью Рог. Тот понемногу утрачивал свое сияние, становясь таким, каким я привыкла его видеть на поясе Габриэля, – потемневшим от времени, оправленным в тусклое серебро и с

царапиной-сколом на полированной поверхности. И пустым, легким, как высохшая под жгучим пустынным солнцем кость погибшего от жажды зверя.

Луна почти склонилась к закату, постепенно утрачивая багрянец, а уцелевших сумеречных гнали прочь с Холмов зимние ши-дани, обернувшиеся величественными снежными зверями. Медленно, неторопливо возвращались в рощу деревья-стражи, покидали поле боя осенницы, что своим волшебством помогали зимним, – и лишь король Самайна оставался на месте. Словно он, только что принесший победу, сыгравший незаконченный гимн на Роге Изобилия, Хранитель древа королей, оказался не нужен сразу же, как только выполнил свой долг. Никто не подошел осмотреть его рану, не поблагодарил за содеянное – они просто приняли его жертву, его усилия как должное и вернулись в Холмы, позабыв о всаднике на черном коне...

Несправедливость, достойная ши-дани.

Габриэль, похоже, ты всегда будешь чужим везде, где бы ни появился, за исключением своего Самайна.

Но кто сказал, что это правильно?

Я подошла к понурому призраку, восседающему на могучем коне, задев краем плаща морду одной из его гончих. Та еле слышно зарычала, и король Самайна посмотрел на меня, по-прежнему закрывая правой рукой страшную кровоточащую рану на лице, которая никогда не заживет без следа, – ведь брошенный обломок кинжала был из холодного железа, способного убить ши-дани и оставить шрам даже на теле полукровки с зимней бурей в жилах.

Но ты ведь просто другой, хотя, в сущности, такой же, как мы, Габриэль. Ты тоже достоин помощи, достоин сочувствия, достоин того, чтобы тебя не только боялись – но и почитали.

И ты не должен быть один...

Долгий взгляд глаза в глаза, а потом он отнял правую руку от лица, показывая то, во что оно превратилось. Криво усмехнулся уцелевшим уголком губ, бессильно уронив окровавленную ладонь.

Зачем ты так? Ведь тебе тоже может быть больно... Призрачный отголосок касания, когда я попыталась ухватить Габриэля за руку, быстро остывающая на холоде влажная дорожка от скатившейся по щеке слезинки. Что-то дрогнуло в темно-зеленых глазах-омутах короля Самайна, он потянулся рукой к моему лицу, и в этот момент призрак исчез, рассыпался снежной пылью, а я очутилась посреди заметенного поземкой поля, темного и безжизненного.

– Идем, Фиорэ. Ты увидела достаточно.

Я обернулась. Габриэль стоял всего лишь в шаге от меня, вертя в гибких сильных пальцах бесценный Рог с той же небрежностью, с коей пастух обращается с простой тростниковой свирелькой.

– Занимательная игрушка, не находишь? – Он подбросил инструмент на ладони, поймал – и вдруг протянул мне: – Бери. Я ведь обещал дать тебе оружие против Сумерек. А уж стоит ли его передавать в руки человека – решать тебе. Только не забудь ему сказать, что сыграть на Роге можно только раз. Если прервется мелодия... Впрочем, к чему лишние слова – итог ты видела.

– Да. – Я осторожно приняла Рог обеими руками, и он оказался удивительно легким, как пушинка, будто бы и не весил ничего, словно не настоящий инструмент, превращающий мысли и волю в магию, а пустышка, лишь копия, не имеющая ни силы, ни власти над сумеречными.

– Насчет его возвращения можешь не беспокоиться – Рог вернется ко мне сразу же после того, как его сила будет использована, или же если ты передашь его кому-нибудь помимо своего слуги. Я не настолько доверяю людям и потому позаботился о том, чтобы Рог Изобилия не попал к кому-то еще. – Габриэль еле слышно усмехнулся, наблюдая за тем, как недоверчиво я взвешиваю бесценный инструмент в руке, положил ладонь мне на плечо и

ощутимо сдавил его пальцами.

Не удивляйся этой обманчивой легкости. Когда Рог наполнен силой, даже мне непросто удержать его в руках – таким он кажется тяжелым, так тянет его к земле, из которой он был создан.

– А если Кармайкл не сможет? – тихо спросила я, бережно заворачивая Рог в полу плаща и прижимая его к груди.

– Значит, не сможет. Никто не обещал, что будет легко, каждому достанется своя ноша. – Габриэль развернул меня за плечо, указывая на чернеющую посреди заметенного снегом поля дорожку: – Тебе туда, Фиорэ Аиллан, там твое время. Иди и не оглядывайся.

Его ладонь пропала с моего плеча так быстро, что мне почудилось, будто бы король Самайна рассыпался горстью колкого снега так же, как и его призрак. Я шагнула на тропу, сразу же ощутив посреди холодного стылого Самайна аромат теплой, укрытой листвой земли, запах дождя и грибов, горьковатый дым костра.

Моя осень звала меня, она была здесь, на этой тропе, – протягивала ко мне пальцы, свитые из солнечных лучей, пробивающихся через туманную дымку меж тонких хрупких осин, могучих дубов и белых стройных берез, обнимала за плечи прохладным ветром, звала наполненной жизнью хрупкой тишиной Роши.

Здравствуй, мое время. Тихое и спокойное, как зеркальная озерная гладь. Яркое, сверкающее, как шкатулка с самоцветами. Бурное, резкое, с проливными дождями и ледяными густыми туманами поутру. С бриллиантами звезд на бархате ночного неба, с ярким солнцем в хрустально-синей вышине, которую не охватить взглядом, не коснуться рукой – можно только упасть в нее, как в бесконечно любимые глаза. Здравствуй, середина осени. Я вернулась... В серых предрассветных сумерках в окошке моего дома мягко сиял лепесток пламени, словно маяк, указывающий кораблю дорогу к суше, а мне – дорогу домой. Есть такой людской обычай – при разлуке с любимым или любимой каждый вечер оставлять на подоконнике горящую свечу, которая будет разгонять мрак у родного дома до самого утра. Свет, что укажет путь и сквозь густой осенний туман, и сквозь лютую зимнюю метель. А самое главное – расскажет о том, что здесь по-прежнему любят и ждут, сколько бы лет ни прошло, что бы ни случилось.

Просто вернись – каким бы ты ни стал, как бы ни изменила тебя судьба и дальняя дорога, какие бы ветры ни проносились над твоей головой.

«Возвращайся – я жду тебя» – вот что означала свеча на подоконнике у людей...

Тихо скрипнуло крыльцо, когда я поднялась на него, – и тотчас дверь распахнулась, а на пороге возник растрепанный Кармайкл в мятых штанах и расстегнутой на груди рубашке. Ярко-рыжие волосы, не собранные в хвост, обрамляли его лицо отблесками затухающего пламени, в глазах танцевали крошечные медные искорки, а улыбка, озарившая лицо, показалась светлее огня в камине.

– Вернулась... госпожа моя светлая...

И столько радости было в этом голосе, что я не удержалась – прильнула к его жаркому спросонья телу, обняла, согреваясь в его руках, купаясь в том простом человеческом счастье, что изливалось из Кармайкла незримым потоком, обжигало солнечным золотом, обволакивало легким, как облачко, пуховым одеялом.

– Я дома...

Тихий шепот, стук закрывшейся за моей спиной двери, теплая мужская ладонь на моих волосах, бережные, успокаивающие объятия.

Если бы не оправленный в серебро Рог, что я прижимала к боку, – я могла бы почувствовать себя счастливой...

Следующие два дня пролетели быстро, как на крыльях. С тех пор, как я вернулась от Габриэля в свой дом, холодная, как призрак из страны мертвых, чужая, далекая, как отражение Сумерек, молодой маг словно позабыл о своем стремлении обрести оружие против чуждых, непонятных существ, что стремились завоевать для себя как можно больше места в мире людей. Кармайкл отогревал мои озябшие, никак не желавшие теплеть руки

поцелуями, разводил огонь в камине так, что в доме становилось жарко, будто в летний день, укутывал меня теплым пледом и подавал горячее питье, сваренное заботливым брауни, – но не мог выгнать ни морозный холод из моего тела, ни вызвать искреннюю, счастливую улыбку.

«Госпожа моя светлая», – все повторял он, опускаясь передо мной на колени и обнимая меня за талию, прижимаясь щекой к моему бедру и шепча что-то о своей гордыне и моей глупости. Кажется, он всерьез винил себя за то, что я пошла к вызывающему страх и ненависть королю Самайна, думал, что сделала это я исключительно ради него...

Он ошибался.

Но с того момента, когда Рог Изобилия коснулся моих пальцев, внутри словно что-то надломилось – и вновь срослось, покрывшись тонкой ледяной корочкой, растопить которую не мог даже самый жаркий огонь или страстный поцелуй.

Ох, Габриэль, Габриэль... Во что превратила твоя магия, твоя ледяная ненависть к Сумеркам артефакт осеннего Холма? Какую частичку своего скрытного сердца ты вложил в него, если он холодит пальцы даже сквозь плотную ткань шерстяного плаща? Ведь я видела, как горел Рог в твоих руках в ночь давно ушедшего Самайна, как моя сущность ши-дани отозвалась на песню, что ты играл над полем, омытым ливнем, – это было как глоток хмельного вина, как тепло жаркого солнца, как долгожданное прикосновение любимого... Так почему сейчас я боюсь дотронуться до этого Рога, почему мне хочется вернуть его тебе побыстрее – и забыть навсегда о его существовании?

– Госпожа моя... если бы я знал... Если бы я только знал... – Тихий сокрушающийся голос Кармайкла, доносящийся откуда-то издалека. Я с трудом подняла голову, поймала взгляд потемневших от волнения зеленых глаз. Едва заметно улыбнулась:

– Не вини себя, Кармайкл. Просто в моих руках находится вещь, которой не суждено у меня быть.

Драгоценная раковина со дна моря, свернутый спиралью лунный луч, уроненный волшебным зверем зачарованный Рог, подаренный Габриэлем. Не мне суждено держать его в руках, не мне хранить его, завернутым в плащ или же свободно висящим на поясе. Да и не запоет Рог от моего дыхания так, как должен, – обожжет губы стылым январским морозом, вошьет в жилы суровую метель, выбелит осеннюю рыжину зимней сединой, обратит в призрак, чье время приходится на межсезонье, а оттуда и до Сумерек рукой подать будет.

«Ты знал, Габриэль... Ты знал, что я не смогу не отдать его...» – тихо шепнула я, комкая в пальцах теплую шерстяную шаль. Резко поднялась с лавки, отстранив Кармайкла, вытянула перед собой руки, прикрывая глаза и вспоминая, как выглядел припрятанный мною Рог.

Мягко, уютно улегся в ладонях одолженный смертному «голос» короля Самайна, холодком скользнуло по коже прикосновение Габриэля, ярко вспыхнул огонь в очаге – и тотчас пугливо прижался к поленьям. Я протянула Рог Кармайклу, стараясь не заглядывать ему в глаза, ежась от ледяного сквозняка, плащом обнимающего плечи.

– Вот оружие против Сумерек, которое ты искал, артефакт, на котором играл в ночь Самайна тот, кого люди зовут Черным Всадником. Песнь, сыгранная тобой на этом Роге, обратит сумеречных в бегство из мира людей, запечатает распахнутые двери между тенью и светом. Если ты примешь это оружие, то должен помнить, что у тебя будет лишь одна попытка, одна возможность. Даже если она провалится – Рог все равно вернется к настоящему владельцу. Но и с тебя Рог потребует свою цену, хорошо подумай о том, чем ты готов заплатить.

– Госпожа моя светлая... – тихо, потрясенно выдохнул маг, опускаясь передо мной на колени и бережно, трепетно принимая из моих рук матово сияющий лунным серебром в полумраке горницы Рог Габриэля. – Ты самое великое чудо, самая великая радость, что может явиться человеку...

– Не надо, Кармайкл... – Я отвернулась, чувствуя, как в сердце ледяной змеей вползает холодок страха. Он думает, что я дарю ему величайшее благословение, но я сама вручила

ему проклятие, избавиться от которого будет непросто.

Каждый, кто воспользуется Рогом не для того, чтобы одарить страждущих, а как оружием, ломающим волю даже фаэриэ и сумеречных, как ключом, что отпирает и запечатывает двери, которые никому и никогда не следует открывать, заплатит свою цену.

Габриэль заплатил вечным одиночеством за право владеть и распоряжаться Рогом по собственному усмотрению, но что артефакт потребует взамен у смертного – можно только догадываться. Не больше, чем Кармайкл сможет отдать, но и не меньше. Лишнего не заберет, но и сбить цену не получится.

– Он теплый, госпожа моя светлая, – удивленно воскликнул маг, оглаживая ставший золотистым Рог кончиками пальцев, любясь ярко вспыхнувшей вязью на серебряной оправе. – Он такой теплый, будто бы живой. И я чувствую, как в нем словно бьется живое сердце! И он такой... тяжелый...

Тяжелый?

Я присмотрелась к заигравшему новыми красками артефакту в руках смертного – и беззвучно ахнула. Рог медленно преображался, становясь похожим на тот, что я видела у короля Самайна в ночь, когда над Холмами разверзлась злая буря, направляемая Мэбвэн. Вспомнились кровавое платье, становящиеся красными капли дождя, величественные снежные звери, безжизненными сугробами оставшиеся после безрадостной победы на поле боя.

– Спрячь его, Кармайкл, спрячь получше. – Я взяла с узорчатой крышки низкого сундука простую кожаную сумку, украшенную красными кисточками из шелковых шнуров, и протянула ее молодому магу. – Спрячь – и не показывай никому, не говори о нем даже с теми, кому доверяешь. Если кто-то обманом или силой заберет у тебя Рог и коснется его поверхности – в ту же минуту артефакт окажется у короля Самайна, а ты останешься ни с чем.

– Я понял, светлая моя госпожа, – тихо отозвался Кармайкл, неохотно убирая притягивающий взгляд, переливающийся золотом и перламутром, артефакт в сумку. Маг тугим узлом затянул кожаный шнур на горловине, и лишь тогда взглянул на меня серьезными глазами, на дне которых медленно угасала нежданная радость, сменяясь тоской и грустью, наполняющей бесцветной серостью яркую зелень радужек. – Твой дар означает... что я должен покинуть тебя?

– Да.

Стало тихо-тихо. Истаял последний, пугливо прижимавшийся к углям в очаге лепесток пламени, запахло душистым горьковатым дымом. Сразу стало темнее, и слабый свет одинокой свечи, стоящей на окне, не мог разогнать сгустившейся темноты осеннего вечера, напротив, этот последний огонек лишь слепил, не давая глазам привыкнуть к окутавшему нас мраку и оттого делая его еще гуще.

– Мне следует уйти прямо сейчас?

Голос Кармайкла едва заметно дрогнул, стал глуше, маг отвернулся, пряча лицо в густой тени. Я глубоко вздохнула – и серебристый лунный луч скользнул в мозаичное окно, озаряя большую часть горницы мягким холодным светом. Протянула руку, скользнув тонкими теплыми пальцами по гладкой щеке мага.

– Не сейчас. До нового заката в моем времени.

С тихим стуком упала с лавки сумка с Рогом, когда Кармайкл резко поднялся, протягивая ко мне руки, крепко сжимая в объятиях и зарываясь лицом в мои волосы, которые я позабыла с утра заплести в косы. Шею обжег жаркий поцелуй, крепкий, отчаянный, наполненный той хмельной искренностью, тем бесповоротным отчаянием, тем блаженством единственного на всю жизнь острого до боли мига счастья, который неотступно следует за тем, что люди называют любовью. Это странное, недоступное ни шидани, ни фаэриэ чувство, которое заставляет людей забывать о себе, о доброте, чести и справедливости, которое вдохновляет смертных на безумные, беспощадные, а порой и самоубийственные поступки, чувство, что бросает людей в огонь их собственных пороков и

недостатков и обнажает в их душах самое лучшее и искреннее. Любовь такая, какой ее видят только люди.

Я не могла понять ее, не могла прочувствовать – но это искрящееся золотом, льющееся жаркой волной ощущение, которое, кажется, можно собрать в сложенные лодочкой ладони и пить, как наполняющее силой хмельное вино, притягивает ши-дани так же верно, как магия сердца Холма. Как отвернуться от этой добровольно предлагаемой жизни, как отвергнуть сияние той искры, что люди называют душой? Невозможно и недостойно, как недостойно отвергнуть предлагаемую в дар кровь величественного волшебного существа...

Случается, что в Холмы приходят смертные, становящиеся слугами ши-дани, и все они уходят от нас, обожженные странной, недоступной для нас любовью. Уходят не только с волшебным даром, что ни отнять ни продать, но и с тоской, с незаживающей раной в сердце. И иногда возвращаются, как Там Лин, для того чтобы быть с нами вечно.

– Останови меня, Фиорэ, останови, молю тебя... – Пальцы Кармайкла скользнули по моей талии, нащупали узелок тонкого плетеного пояса. – Одного твоего слова будет достаточно – и я подчинюсь.

Жаркие, как лепестки пламени, поцелуи... Пьянящее, хмельное ощущение человеческой души, ослепительно-яркой птицей прильнувшей к моему сердцу.

С тихим стуком упал на пол украшенный медными бляшками плетеный пояс, с шелестом соскользнуло с моих плеч верхнее платье, переливающееся в зыбком лунном свете серебром, как свежавывающий снег.

– Прошу тебя, возлюбленная моя госпожа, свет моего сердца...

Я обняла Кармайкла, целуя его в губы, перебирая пальцами восторженные медово-рыжие пряди, испытывая жажду, столь же сильную, как когда-то давно, когда моим слугой, другом и любовником был Там Лин, рыцарь с пылающим сердцем.

Жажда жизни, жажда прикосновения души, «красная жажда». Река крови не утолит ее, магия Холма отгонит лишь на время, до тех пор, пока не обретет ши-дани утраченную при создании часть себя, пока не станет единым в двух искрах, в двух телах – или же не вберет в себя все то, что щедро предлагает пораженное любовью человеческое сердце.

– Не останавливайся, Кармайкл...

Маг тихо рассмеялся низким волнующим смехом, подхватывая меня на руки и унося сквозь шелестящую занавесь в спальню, позабыв об упавшей на пол сумке с Рогом, а я еле заметно вздрогнула, ощутив на лице прикосновение призрачной холодной руки.

За миг до того, как Кармайкл перенес меня через порог горницы, я увидела в отражении луны на оконном стекле медленно тающий силуэт волка с горящими призрачной зеленью глазами...

ГЛАВА 5

Тонкий пронзительный плач вызолоченной солнцем тростниковой флейты разносился над спокойными водами небольшого сапфирово-синего озера, лежащего в нескольких шагах от древа королей. Солнечный свет, проходя через кроваво-красные листья, становился нежно-розовым, словно на закате, тонкими лучиками ложился на невысокую желтоватую траву, десятками разноцветных огоньков отражался на поверхности воды – и почему-то бесследно пропадал на потемневшей от времени серебристой коре второй половины древа королей. Такие разные – эти переплетенные воедино деревья, так тесно срослись друг с другом, что невозможно отделить одно от другого. Но золотистый ствол сияет на солнце величайшей драгоценностью, собирает полученное тепло в яркие, острые листья, в то время как вторая половина вечно находится в тени, и ни один солнечный луч не может коснуться ни серой коры, ни темных, почти черных листьев.

Я отняла флейту от губ, прислоняясь к теплomu живому стволу сердца Холма и устало прикрывая глаза, чувствуя себя опустошенной, вымотанной, лишенной чего-то светлого и искреннего.

С тех пор как Кармайкл покинул Холм, в мире людей успело наступить лето, а мне показалось, что минула вечность и еще один день.словно самый теплый лучик солнца был утрачен, погас самый жаркий лепесток огня в камине и пропал наиболее яркий оттенок в рыжине осенней листвы вокруг. Я не думала, что всего за несколько дней успею настолько привязаться к обремененному Условиями человеку, что золотой жар его души опалит меня так сильно и неотвратно...

Кармайкл уходил на рассвете. Уходил по собственному желанию, несмотря на то что мог задержаться до вечерней зари. Уходил со словами, что нельзя слишком долго задерживаться в гостях у ши-дани, если не хочешь оставаться надолго.

А может, дело в Роге, что он унес с собой? В артефакте волшебного западного Холма, подарке древа королей, никогда ранее не покидавшего Осеннюю рощу, чтобы в любой момент можно было взять его в руки – и сыграть великую песнь, что отбросит Сумерки от домов ши-дани и из мира людей, переплавит волю и стремление в магию, открывающую и запирающую запечатанные двери. Может, потому мне и солнце кажется более тусклым, словно затянутым легкой серой дымкой, и мир вокруг стал каким-то неярким, окутанным туманом?

Я проводила Кармайкла до самой Алой реки, и лишь у белоснежного моста смогла выпустить его ладонь. Оставив ему на память тоненькое медное колечко, сквозь которое можно видеть то, что скрывается за иллюзиями ши-дани, да алый плащ, согревающий в холод и остужающий в жару, остающийся сухим в проливной дождь и выдерживающий скользкий удар разбойничьего ножа. Чудесные дары, с которыми обычно отпускают в мир людей званых гостей или же отслуживших свой срок слуг.

Знак прощания, после которого человеку непросто будет вернуться в Холмы.

Ведь Кармайкл уже дважды гостил в моем доме, и в третий раз он вернется лишь для того, чтобы остаться у меня навсегда. Не слугой и не гостем, а частью Осенней рощи, что будет существовать в Холме вечно, даже когда меня не станет. Люди сами не ведают, каким ценнейшим даром обладают, – несмотря на то что их жизненный срок зачастую смехотворно короток, душа их вечна. Даже Сумерки не могут заставить эту крошечную и неяркую на первый взгляд искру погаснуть – только ослабить на время. Фаэриэ, когда их срок приходит к концу, попросту рассыпаются, из живой стихии становятся обычным ветром, дождем или приливной волной. Искра магии, горящая внутри каждого из ши-дани, попросту возвращается в Холм, чтобы когда-нибудь влиться в новорожденного, подарив ему часть накопленных знаний и сил.

И только люди воистину бессмертны и потому только они могут выбрать себе *послесмертие*, возвращаясь после некоторого отдыха в новом теле или же став частью любого мира, соседствующего с людским, будь то Алгорские холмы или Сумерки.

– Тоскуешь по своему гостю, сестренка?

Я вздрогнула и посмотрела на невестку откуда взявшуюся Ильен, которая уютно устроилась на наметенной ветром лиственной куче в нескольких шагах от древа королей, скорее напоминая экзотического снежного зверя, чем зимнюю ши-дани. Подчеркнутая звероподобность облика – почти боевая промежуточная форма, нечто среднее между волком и человеком, длинные серебристые когти, чуть загибающиеся острыми кончиками внутрь, лицо, застывшее неподвижной маской. Страшноватый облик – редко когда зимняя сестра приходила в нем в мое время. Разве что в тех случаях, когда злилась на меня или же готовилась к чему-то непредсказуемому.

– Немного. Ильен, что случилось?

– Пока ничего, но, как мне кажется, скоро случится. – Зимница поднялась со своей «лежанки» и медленно, почти торжественно подошла к дереву королей, на нижней ветке которого я сидела. Посмотрела на меня снизу вверх, позволяя увидеть глубоко запрятанную в лунно-желтых глазах тревогу. – Когда ты последний раз была у Алой реки, Фиорэ? Как давно ты смотрела на кровавые волны, что отделяют Холм от мира смертных?

Я очутилась рядом с сестрой раньше, чем мое сердце успело отсчитать два удара.

– Река поднялась?

– Не совсем. Другое, но не лучше. Тебе нужно самой увидеть...

Ветер, поднявшийся над Рощей, потревожил верхушки деревьев, холодным потоком скользнул меж деревьев, раскидал пышный лиственный ковер, расчищая широкую тропу, ведущую куда-то вдаль, за небольшое озерцо, заполненное прозрачной водой, на дне которого поблескивали капли кровавого янтаря.

Самая короткая дорога к белому мосту в этом времени – та, которую создаю я...

Ильен посторонилась, пропуская меня вперед, но не успела я сделать и шага, как сердце Холма, величественное дерево королей, зашумело яркой листвой, глухо зашрипело прочными гладкими ветками, так напоминающими простертые к небу руки, и на тропинку передо мной медленно и плавно опустился длинный ярко-красный, с черными прожилками, лист. Он казался теплым и живым, с мягким, нежным краем и крошечной золотой искоркой-каплей на кончике черенка, словно этот листок был насильно оторван от ветки и потому принес с собой частичку смолы, моментально застывшей янтарным шариком. Бесценный дар сердца Холма...

– Неужели дерево королей вручает тебе оружие? – тихо шепнула Ильен, разглядывая алый вытянутый лист, уютно устроившийся в моих ладонях. – Но зачем? Здесь тебе ничто не грозит, да и никто, если подумать, – ведь тебе покровительствует Проклятый Всадник...

– Не говори глупостей, сестренка. – Я бережно убрала длинный, почти с локоть, лист в небольшую кожаную сумку, где уже лежала моя тростниковая флейта, и взглянула на Ильен в упор. – Только дважды Габриэль предлагал мне свою защиту, и оба раза касались лишь краткого пребывания в его Самайне. С моей стороны было бы наивно считать, что он будет защищать меня везде и всюду.

– Он позволяет тебе называть его по имени. Больше никто не отважится на такое, не рискуя напороться на его гнев, как на лезвие клинка из холодного железа.

– Больше никто не пробовал увидеть в нем кого-то, помимо проклятого ши-дани, – ответила я, закрывая сумку и беря за руку младшую зимнюю сестру. – Держись за меня, Ильен, мы пойдем очень быстро.

Шаг по зыбкой, пружинящей под ногами как болотная топь, тропе. Резкий порыв ветра, сполохи ярких красок и сдавившая виски тишина. Еще шаг и еще.

Не мы так быстро идем по тропе к белоснежному костяному мосту через реку пролитой крови – сама Осенняя роща вихрем проносится мимо нас, выталкивая через пространство туда, к чему мы стремились.

Судорожно, резко сжалась рука Ильен, еще крепче вцепившись в мою ладонь, вдавились в кожу чуть загнутые звериные когти.

Я могу понять ее – трудно остаться спокойной, когда мимо тебя проносится пространство чужого времени, которое в любой момент может сбить с тропы, отбросить невесть куда, запутать в бесконечно огромном мире, имя которому западный Холм. Точно так же я цеплялась за Габриэля, когда он вел меня куда-то через холодный неприветливый Самайн одному ему известной дорогой, а по обе стороны от отмеченной белым снегом, серым льдом и черной землей тропы следовала за нами его свита – холод, снег, ветер и волки. Черных гончих он редко допускал к нашим прогулкам – знал, что прирученные существа, пришедшие из Сумерек, пугают меня и заставляют чувствовать себя неудобно и беспомощно. А в те моменты Габриэль искал не моего страха.

Костяной мост над Алой рекой блеснул впереди белизной изящных перил – как маяк, граница, за которой расползалось покрывало седого тумана, укрывающего безжизненные призрачные поля. Я остановилась – и Осенняя роща замерла вместе со мной. Вернулась живая, наполненная шелестом листвы и птичьим пением, тишина, утих резкий, ранящий кожу ветер, смолк шепот Холма, что сопровождал нас по дороге сюда.

Ильен наконец-то отпустила мою руку, сделала несколько шагов к реке – и вдруг жалобно заскулила, опускаясь на четвереньки и поджимая пушистый, сверкающий морозным инеем на солнце хвост.

Алая река высоко несла свои темно-красные воды, почти выйдя из берегов. Волны захлестывали белоснежные опоры моста, окрашивая их потеками крови, брызги высоко взлетали над поверхностью бурлящей реки, то и дело частой каплей осыпаясь на перила.

Ветер переменился, и я почуяла запах крови, солоноватый, терпкий. Запах смерти и тлена плыл на границе между Холмом и миром смертных – будто бы я находилась не в благословенном краю ши-дани, а на поле битвы...

– Фиорэ, нам нужен Проклятый Всадник и его Рог, – тихо простонала Ильен, все еще сидящая на земле и обнимающая себя когтистыми руками за плечи. – Если земли смертных так наполнены кровью – значит, грань между ними и Сумерками вновь истончилась настолько, что в любой момент прорвется, как давно созревший гнойный нарыв. Ты можешь попросить Всадника о помощи, тебе он не откажет...

– Он не поможет, Ильен... – Я шагнула к костяному мосту, замаранному брызгами крови. – Не поможет, потому что Рог, певший в его руках в ночь Самайна, сейчас находится в руках смертного мужа.

– Ты передала Рог смертному?! – Зимница вскочила на ноги, метнулась ко мне с искаженным едва сдерживаемой яростью лицом. – Оставила Холм без оружия?! Да чем ты заплатила, чтобы получить это?!

Корзиной яблок и глотком крови, – тихо ответила я, не двигаясь с места и не отводя взгляд. Лунно-желтые глаза Ильен сощурились, а потом выражение ее лица вдруг изменилось – из разозленного оно стало сочувствующим, почти печальным, словно зимница, живущая в стае себе подобных, а не обособленно, как я, знала намного больше о секретах, которые прятал от меня Габриэль.

– Значит, он все-таки решился использовать и тебя... – Снежная волчица бережно взяла мою ладонь, провела по ней кончиками пальцев, словно извиняясь за вспышку гнева. – Ты знаешь, что властитель Самайна стал Проклятым Всадником как раз после того, как получил Рог Изибилия с правом распоряжаться им по своему усмотрению, заплатив за это одиночеством среди себе подобных? До сих пор его это не волновало, но сейчас, как я понимаю, он все же решил расторгнуть этот договор с сердцем Холма. Только в руках смертного Рог может быть уничтожен, а как только это случится – Всадник будет свободен.

– Хочешь сказать, что он передал Рог для Кармайкла только для того, чтобы он его в конце концов уничтожил?

– Все намного проще, – вздохнула Ильен, отводя взгляд. – Песнь Рога забирает жизнь того, кто на нем играет, и если смертный сумеет доиграть ее до конца, то Рог расколется надвое в момент, когда сыграет финальную ноту. Твой Кармайкл победит Сумерки только ценой своей жизни, освободив тем самым короля Самайна от его обязательства перед Холмом.

Я медленно, очень медленно вдохнула – и так же неторопливо выдохнула внезапно ставший ледяным осенний воздух. Подняла взгляд в стремительно тускнеющую небесную синеву, где обрывками тумана возникали дождевые тучи. Холодок осознания того, что я натворила, передавая солнечному, искреннему человеку то, что убьет его без жалости и сожаления, заберет слишком многое и в результате оставит ни с чем, морозным обручем сдавил сердце. Я слишком доверилась королю Самайна, поверила в то, во что нельзя было верить... а расплачиваться за мою глупость придется тому, кто заслуживает лучшей доли.

– Ильен, я верну Рог в Холмы до того, как Кармайкл сыграет на нем свою первую и последнюю песнь.

– Я помогу тебе. – Зимница осторожно скользнула ладонью по моему плечу. – Я одолжу тебе свою магию наверху, в мире людей, чтобы ты провела нас через зеркальный переход озера Керрех. Так будет быстрее – мы найдем твоего смертного всего за несколько дней.

– Но сейчас не наш Сезон... – возразила я, делая первый шаг на едва подрагивающий под напором кровавых волн костяной мост и стараясь держаться подальше от перил, через которые иногда перелетали мелкие алые брызги.

– Ты забываешь, что в мире людей я – просто очень умная волчица. А на твоём платье до сих пор чувствуется сладкий солнечный запах твоего гостя. Мы найдем его по этому следу.

Я кивнула и ускорила шаг, стараясь перебраться через белый мост как можно быстрее. Если Кармайлк пострадает из-за Рога, я никогда не прощу тебя, Габриэль.

– Никогда, слышишь...

Тихий шепот в никуда, еле слышный, как дребезжание тонкой струны, и при этом наполненный магией и силой...

За спиной у меня на границе Алой реки вдруг раненым зверем взвыл невесть откуда взявшийся снежный вихрь, на миг принявший очертания припавшего к земле волка, который пропал так же быстро, как и появился.

Здесь не твоё время и место, король Самайна. Впрочем, как и в мире людей. Вряд ли ты сумеешь меня остановить...

Мир людей показался мне неправдоподобно мрачным и тихим. С низкого, затянутого серой пеленой облаков неба накрапывал мелкий дождь, и, несмотря на то что летний Сезон был в разгаре, ветер был по-осеннему холодным и промозглым. Ильен, в мире людей обратившаяся в крупную светло-серую волчицу, негромко чихнула, встряхнулась, как обычная собака, и посмотрела на меня.

– Ты нас точно правильно вывела, сестрица? – Голос зимней был приглушен, наполнен низкими рычащими нотами, но слова она тем не менее выговаривала четко и внятно. Главное, не забывать о том, что у людей говорящая волчица вызовет обоснованное удивление и скорей всего страх.

– Я не могла вывести неправильно, только если сам Холм не сбил меня с дороги, – отозвалась я, пряча каштановые косы, перевитые цветными лентами, под капюшон темно-красного плаща.

– Значит, мир людей уже успело накрыть тенью Сумерек. – Ильен недовольно фыркнула, стряхивая крупную каплю воды, упавшую ей на нос откуда-то с веток деревьев, и углубилась в мокрые заросли папоротника.

– А мысль о том, что у кого-то из летних сейчас дурное настроение и потому идет дождь, тебе в голову не пришла? – поинтересовалась я, подбирая подол длинного платья и следуя за зимней сестрой в густой пролесок. Ильен ничего не ответила, и я ускорила шаг, пытаясь успеть за легконогой волчицей и не потерять ее из виду.

Хорошо ей – бегать по лесу в звериной шкуре много легче, нежели в человеческом облике. По крайней мере не нужно беспокоиться о моментально промокших тонких туфлях, об отяжелевшем подоле, который так и норовит зацепиться за каждую низко растущую ветку, за каждый куст. Не раз и не два мне приходилось высвобождать одежду из цепких объятий лесной ежевики или дикого шиповника, невольно задумываясь о том, как легко было скользить сквозь расступающийся лес в ночь Бельтайна или же когда над землями людей властвовала осень.

Сейчас я мало чем отличаюсь от человека – сил во мне осталось ровно столько, чтобы сотворить с помощью Ильен зеркальный переход куда-нибудь поближе к Вортигерну, чтобы моя зимняя сестра могла взять след Кармайкла. А потом... честно говоря, страшно представить, что я делала бы без Ильен, которая гораздо лучше меня знает человеческие привычки и наклонности, несмотря на то что большую часть года бродит по земле в облике дикого зверя.

Тропинка вильнула, углубляясь в непривычно тихий и безмолвный лес. Даже шелест дождя здесь приглушался, становясь призрачным, каким-то неестественно-тихим и потусторонним, будто бы мы с Ильен так и не выбрались в земли людей, по ошибке попав во владения одного из летних ши-дани с дурным характером.

– Ты слышишь, Фиорэ? – Моя зимняя сестра остановилась посреди тропинки, оглядываясь в мою сторону. Я лишь покачала головой – покинув Холм, я утратила способность слышать сердцебиение любого живого существа в моих владениях, в отличие от

Ильен, сохранившей большую часть своих звериных инстинктов.

– Нет, ничего.

– О том и речь. Тишина такая, что мне кажется, будто бы лес вымер, стал неживым, но при этом каким-то чуждым, неправильным. Таким, каким он быть не должен.

Звонкий, как весенняя капель, девичий смех раздался в притихшем лесу, разрезая густую тишину, словно лезвие остро отточенного ножа. Я вздрогнула, Ильен еле слышно зарычала, вздыбив шерсть на загривке и припадая к земле, а смех все звенел туго натянутой струной со всех сторон, зыбким эхом отражаясь от стволов деревьев. Безрадостный, бездушный звук, пугающий своей неестественностью.

– Это не весенние, – прорычала моя зимняя сестра, оглядываясь по сторонам. – Весенниц я бы почуяла раньше, чем они подобрались так близко.

– И не дриады, потому что духи леса не имеют собственного голоса.

Я ощутила теплый, солнечный привкус позднего осеннего меда на кончике языка, невесть откуда взявшийся в воздухе запах прелой листвы, жареных каштанов и яблочного вина. Словно далекая осень протянула мне руки из западного Холма, коснулась моих волос студеным ветром, обладающим именем и душой, окутала плечи прохладным туманным плащом, согрела озябшие пальцы жаром ночного костра, в котором сгорают беды ушедшего дня.

И я потянулась к этому кусочку моей осени, к этой янтарной драгоценности, к золотому солнечному лучику посреди стремительно спускавшихся на притихший лес сумерек – и пальцы мои коснулись гладкой поверхности ножа, что лежал в моей сумке. Я потянула его за длинную, тонкую рукоять с вплавленным в оголовье золотистым камнем, похожим на семечко с остреньким кончиком, – и в отполированном до зеркального блеска красноватом лезвии отразилась вначале клубящаяся у меня за спиной темно-серая туманная дымка, а затем и чуждое вытянутое лицо с черными провалами глаз, обрамленное тонкими хрупкими веточками вместо волос.

Взгляд сумеречной твари, пойманный в «зеркале» дареного ножа, вдруг прояснился, и древесная нимфа посмотрела на меня уже более заинтересованно. Любимая игра в гляделки, устоять перед которой этот вид нечисти не может. С тех пор, как раскрывшиеся Сумерки выпустили в мир людей этих хищных призраков, прячущихся от солнечного света в древесных стволах, камнях или под водой, они не желают отказывать себе в удовольствии поиграть с жертвой, которая каким-то образом ухитрилась заметить их подлинную сущность. Иллюзии прекрасных обнаженных дев, что танцуют на тенистых лесных полянах или же ведут призрачный хоровод на поверхности прудов и заводей, притягивают неосторожных людей туда, где скрываются нимфы, – и тогда от человека к утру не остается и следа. «Затанцуют» до смерти призрачные девы, затают в свой круг, наполненный безумным голодом и странной жестокостью.

В людских легендах до сих пор есть история-предупреждение о том, что нельзя в лунные ночи появляться у маленьких озер, на поверхности которых покачиваются розоватые лилии, или заходить в лес, куда не проникает солнечный луч. Потому что мало кто из смертных, не имея при себе холодного железа, устоит перед соблазнительными обнаженными нимфами, что ведут хоровод подальше от человеческих глаз. Заберут с собой прекрасные лесные девы, затанцуют-залюбят до смерти, да так, что следов не найдешь – словно провалился человек сквозь землю, не оставив после себя ничего – ни потерянного украшения, ни клочка одежды.

Всё правда. Почти. Но люди, как всегда, закрывают глаза на тени Сумерек, заменяя красивыми речевыми оборотами неприглядную действительность.

Круг нимф не просто «затанцует» до смерти. Стоит человеку попасть под чары сумеречных призраков, уйти подальше в лес, куда не проникают лучи солнца, как одна из прекрасных дев непременно спросит, желает ли их долгожданный гость, чтобы его раздели, и, получив согласие, действительно *раздевают* очарованного.

Сдергивая тонкими, кажущимися хрупкими пальчиками вначале одежду, потом кожу, а

под конец и куски плоти. Человек не чувствует ни боли, ни смерти – просто продолжает дергаться в кругу оголодавших призраков, пока не оголятся кости, пока не свалится он полуразодранным трупом на руки призрачных дев.

И тогда кровь впитается в иссушенную присутствием нимфы землю, сквозь плоть прорастут корни облюбованного сумеречным духом дерева, а кости перемелются в мелкую труху, что укрепит незримую крепость, защищающую нимфу от солнечного света.

– Ильен, – тихо, почти неслышно шепнула я, не отрывая взгляда от отражения сумеречного призрака на поверхности ножа. – Это нимфы, настоящие... Беги к озеру Керрех, туда они не последуют.

– Ты держишь ее взглядом? – Зимняя сестра попятилась, стараясь держаться подальше от деревьев, каждое из которых в любой момент могло стать прибежищем для жадного, голодного до крови и плоти существа, глядящего через мое левое плечо.

– Пока да... Беги, Ильен, я догоню. У меня в руках *моя* осень, я сумею.

Волчица неуверенно попятилась, отступила подальше от высоких мрачных деревьев с потемневшей листвой. Нимфа у меня за плечом еле слышно зашипела, протянула к моей шее тонкую коричневую руку, похожую на гибкую ожившую ветку с тремя длинными отростками-пальцами.

Запах осени и родного дома стал сильнее, четче – и вдруг полянка озарилась теплым солнечным светом, пробившимся через завесу дождевых туч и накрывшим нас с Ильен золотистым спасительным лучом. Отражение сумеречного призрака в лезвии ножа пропало, я вздрогнула, словно пробуждаясь от глубокого сна, а моя зимняя сестра ухватила меня за подол платья, ощутимо дернула, выводя на узкую, освещенную солнцем дорожку.

Тонкая, ровная прореха в сплошном полотне дождевых облаков – как длинная резаная рана на живом теле, как след того ножа, что я судорожно сжимала в руке, а солнечный луч, отогнавший Сумерки – как сияющий клинок, отделивший нас от взбесившихся нимф, которые теперь даже не пытались скрыться. Они следовали за нами, от дерева к дереву, от камня к камню, через быстро бегущие ручьи и открытые поляны. Я бежала за Ильен, путаясь в длинном подоле платья, спотыкаясь о корни деревьев, едва успевая уклоняться от норовивших хлестнуть по лицу веток и отчаянно страшаясь выронить теплый, почти горячий нож, янтарь в оголовье которого мягко поблескивал, словно впитывал в себя тепло летнего солнца, на краткое мгновение выглянувшего из-за туч. Страшно бежать по зыбкой тропинке, освещаемой солнцем, пробираться сквозь густой кустарник – и думать о том, что, как только затянется просвет в плотном облачном покрывале, сумеречные нимфы сожмут кольцо, поведут хоровод, в пляске которого острые как лезвие меча коготки на кончиках тонких пальцев превратят нас с Ильен в кровавые ленты...

Озеро Керрех впереди – как огромное зеркало, когда-то давно оброненное великаном, проходящим через долину. Десятки ручьев, что несут свои кристально чистые воды в это озеро, отражение которого присутствует в каждом из волшебных Холмов, блестят под солнцем искрящимся капельным серебром, поют свою звонкую песенку каждую весну, первыми высвобождаясь из-под ледяного панциря.

– Фиорэ! – Ильен первой выбежала на крутой берег озера, нависающий над кажущейся черной водой, – в этом месте дно изобиловало омутами, глубокими и холодными, как глаза короля Самайна, – и обернулась, глядя на меня, с трудом взбирающуюся на косогор. – Строй переход поближе к своему смертному!

Если бы это было так легко!

Я упала на колени в густую высокую траву, коснулась пальцами влажной, по-осеннему холодной земли. Сердце так сильно колотится, что чудится, будто бы еще немного – и оно выпрыгнет из груди, прямо в руки сумеречных нимф, застывших на краю леса, как волчья стая, наконец-то загнавшая раненое, но еще способное сопротивляться животное к краю обрыва, откуда ему никуда не деться. Прохладный влажный воздух кажется тягучим, горячим, каждый вздох сопровождался острой колющей болью в боку. Как тут сосредоточиться на зеркальном переходе, если отдышаться-то толком не получается, лицо

заливает горячим потом, а перед глазами то и дело вспыхивают черные звезды?

– Сестра, быстрее!

Разрыв в тучах затянулся, солнечные лучи, оберегавшие нас от Сумерек, медленно растаяли в сером пасмурном дне, а над озером поднялся холодный сырой ветер, пробирающий до костей. Нимфы, уже не таясь, двинулись к нам – тонкие, похожие на осиновые стволы, тела, хрупкие руки с тремя пальцами, неподвижное узкое безносое лицо с крошечным ртом и огромными провалами глаз. Движения плавные, текучие, словно сумеречные, состояли из воды и ветра, а не были облечены в странную, украденную у живых плоть.

Ильен запрокинула голову к серому, затянутому облаками небу, и гулкий пронзительный волчий вой разнесся над озером. Зов о помощи, который зимняя стая услышит даже внутри северного Холма и непременно отзовется, придет на выручку, живой стеной встанет на пути врага, защищая попавшего в беду сородича.

Резкая боль, тонкая кровавая полоса, появившаяся на левом запястье чуть повыше широкого медного браслета с вкраплениями медового янтаря, алая пленка, окрасившая лезвие ножа в две ладони длиной. Я и не заметила, когда успела порезаться, но стоило первым каплям крови упасть на землю, как ощущение обнимающей за плечи осени стало более явным.

Тонкий солнечный луч, пробившийся через пелену облаков, лег на берег озера, как хрупкое призрачное лезвие, отсекая нас от сумеречных призраков. Разноцветными искорками замерцал светлый мех Ильен, золотом засияло янтарное семечко в оголовье окровавленного листовенного ножа, который я сжимала в руке. Всего лишь шаг вперед, к воде – и почувствовать зыбкий еще зеркальный переход, медленно, наподобие цветка раскрывающийся на поверхности вод озера Керрех. В моих силах пройти через него – меня он пропустит как владычицу осени, как ши-дани, находящуюся в этот краткий миг в своем праве пройти сквозь водную гладь, как через распахнутую дверь, но Ильен он не пропустит. Закрутит зимницу в водном водовороте, выбросит неизвестно куда – и хорошо еще, если не попытается протолкнуть на выходе через отражение в крошечном зеркальце на вычурной серебряной ручке.

Этот зеркальный переход, как и гроб, – рассчитан только на одного...

– Ильен... – Тихий, звенящий шепот, который всколыхнул водную гладь, едва не нарушив и без того хрупкий и нестабильный портал. – Он не пропустит обоих.

– Значит, пойдешь сама. Я слышу ответ моей стаи, слышу, как снежные ши-дани белыми призраками скользят сквозь этот лес, как один из летних, выбравшийся на поверхность, делает их путь наиболее коротким. Зимние всегда были стражей Алгорских холмов, и нас не остановят оголодавшие призраки. Найди своего смертного, не трать время попусту, его и так не слишком много.

Окошко портала – как круг зеркального льда на поверхности воды, который быстро тает, становясь все меньше. Мне делается все холоднее, будто бы через неглубокий порез на руке цепочкой частых капель вытекает моя жизнь, которой осталось и так не очень-то много. Не мой Сезон, не мое время – а я нарушаю закон, обращаясь к магии Холма в мире людей, и платить за это рано или поздно придется.

Ильен коротко взвыла – и я решилась. Сделала шаг с обрыва, падая в ставшую ледяной воду, в зеркальный переход, который ощущался как стремительный горный поток, одновременно холодный и обжигающе-горячий. Он швырнул меня о какую-то преграду, пытаясь вытолкнуть вперед, сквозь отражение в чьем-то зеркале, – но она не поддавалась, будто бы моих сил было слишком мало для того, чтобы сделать этот последний решающий рывок.

Алое лезвие, мягко светящееся даже здесь, в этом «потоке», скользнуло по преграде – и меня наконец-то вытолкнуло вперед. С болью в разрывающихся от недостатка воздуха легких, с гудящей от перенапряжения головой, с кровью, текущей по лицу.

Я рухнула на каменный пол под аккомпанемент хрустального звона от осыпавшегося

мелкими осколками огромного зеркала, чувствуя себя полностью обессиленной, выпитой досуха, страшась даже пошевелиться, чтобы не рассыпаться на мелкие кусочки, не разлететься высохшей палой листвой...

Холодно, очень холодно...

Мокрая одежда давит, противно липнет к телу, мешает дышать. Пальцы намертво сжались на тонкой рукояти дареного ножа, ногти впились в ладонь до боли, до крови – но расслабить их нет никакой возможности – так велик страх выпустить из рук эту величайшую драгоценность, дар западного Холма, частичку моей осени.

Тихо вокруг – только поскрипывает приоткрытая дверь. Щеку холодит гладкий каменный пол, от сквозняка начинает трясти как в лихорадке – но сил на то, чтобы встать, у меня не осталось.

Ощущение чьего-то присутствия, тяжелый взгляд, скользящий по затылку как невидимая ладонь, – и бархатная тьма с сиреневыми искорками, затопившая сознание...

Мне снилась черная вода.

Теплое подземное озеро, невозмутимое, спокойное, заключенное в тиски каменных берегов. Аметистовые друзы, проросшие сквозь скалу, как причудливые цветы, прячущие в своей сердцевине крошечную сиреневую искорку. Чье-то невидимое присутствие под сводом пещеры – я слышу биение его сердца как частые равномерные удары молота по телу скалы, слышу его ровное размеренное дыхание.

Кто ты? Где ты?

Тьма, обступившая меня, молчит, но наступившую тишину вдруг разрывает громовой раскат ...

Такой реальный, ощутимый, что я вздрагиваю – и просыпаюсь в чужой жесткой постели. Вспышка молнии осветила погруженную в сумерки комнату через окно, забранное мозаичным стеклом, – и выхватила из темноты сидящего рядом со мной на краешке постели мужчину, от которого веяло прохладным ветром, живо напомнившим о замеченном первым снегом поле, о сером небе и тоскливом волчьем вое, доносящимся со стороны черной кромки елового леса.

– Габриэль? – Голос у меня тихий, чужой, хриплый, будто бы сорванный долгим криком в никуда. Мужчина, сидящий на краю постели, шевельнулся, блеснула золотистая искра – и на фитильке тонкой оплывшей свечи затрепетал робкий лепесток пламени, осветивший лицо, склонившееся надо мной.

Тонкие темно-серые брови вразлет, похожие на узкий ивовый листок, обманчиво-хрупкие, резкие черты лица, четко очерченные губы и острый подбородок. Глаза – как небо, затянутое грозовыми тучами, не то серые, не то сиреневые с темным кольцом по краю радужки. Небрежно заплетенные в длинную косу волосы кажутся присыпанными пеплом – странный переливчато-стальной цвет, который бывает только у фазриэ или их потомков.

Движение, которым он осторожно убрал с моего лица прядь волос, было плавным, текучим – человеку или ши-дани такая грация недоступна, так может двигаться лишь тот, кто больше ожившее проявление стихии, чем существо из плоти и крови.

– Кем бы ни был твой Габриэль, я – совершенно точно не он. – Мужчина отодвинулся и скользнул кончиками длинных, гибких пальцев по моим распущенным волосам, приподнял густую прядь – и прижался к ней щекой, прикрыв глаза. – Ты пахнешь осенью, хмельным медом и родным домом, которого у меня никогда не было. В твои волосы хочется зарыться лицом, как в шелковое покрывало, как в осеннюю листву... Из какого ты Холма, маленькая ши-дани, если даже в *чужой* Сезон приносишь свою магию?

– Из Алгорского... – Я приподнялась на локте и только сейчас осознала, что под тонким шерстяным одеялом я совершенно обнажена, поэтому никак не могла согреться в прохладной комнате. – Ты раздел меня, пока я была без сознания?

– И без сил, смею заметить. – Он выпрямился, расправил плечи, на которые было наброшено что-то вроде шелковой рубашки с широкими рукавами. – Ты была подобна человеку, которого вытащили из ледяной воды в ноябре месяце – холодная, в промокшей

насквозь одежде, исцарапанная осколками разбитого зеркала. Тебя нужно было согреть, но я, к сожалению, знаю только два способа – снять мокрую одежду и либо завернуть в покрывало, либо поделиться теплом собственного тела. Второй метод более действенный, но мне показалось, что вначале нужно спросить твоего разрешения.

Я кивнула и попыталась плотнее завернуться в кажущееся слишком тонким и легким одеяло. Быть может, для фаэриэ, которые не слишком чувствительны как к жаре, так и к холоду, оно было в самый раз, но мне сейчас нужно было еще одно-два таких же, чтобы прийти в себя и попытаться заснуть, не проваливаясь в беспамятство от упадка сил.

– Тебе все еще холодно? – Он приподнялся, выскальзывая из рубашки одним плавным, нарочито неторопливым движением, пододвинулся ближе, проводя ладонью над моим плечом, не касаясь кожи. – Я могу согреть тебя прямо сейчас.

Лихорадочный жар, исходящий от его ладони, жгучим ветром прокатился по моей руке, окутал невидимым одеялом, под которым стало не просто тепло – жарко, будто бы меня обняла летняя ночь, сопровождаемая далекими громовыми раскатами.

Фаэриэ взял меня за руку – и я остро ощутила скрытую внутри его тела магию. Дикую, неукротимую, как буря, что стремительно разворачивалась над замком у берега океана, неистовую, как ветер, который играючи ломает мачты кораблей, свивается в тугую петлю-воронку и безумным смерчем танцует над темными волнами с белоснежными барашками пены на гребне. Живая стихия, насильно запечатанная в кажущемся хрупким человеческом теле, ярилась в выстроенной неизвестно кем аметистовой клетке, бурлила, как океанская вода в окруженной острыми скалами бухте, пыталась вырваться наружу – и раз за разом разбивалась о стену заклинания, бессильно завывая от тоски и злости. Сейчас, когда соблюдались Условия, магия внутри фаэриэ рвалась на волю, как никогда, сотрясала аметистовые «прутья» волшебной клетки с множеством связывающих «петель», пыталась проскользнуть в еле заметные ячейки – и отступала, отражаясь сиреневыми огоньками в глубине изумленно расширившихся глаз.

Крепко, до боли, переплетенные пальцы рук.

Пронизывающий взгляд глаза в глаза.

Я смотрела на фаэриэ с великолепной бурей во взгляде – и видела пойманную стихию, наконец-то заметившую мое присутствие и с безумной надеждой потянувшуюся ко мне.

Руки, свитые из порывов ветра... Ливень, пролившийся над бурлящим океаном – как долго сдерживаемые слезы. Беззвучный вопль-мольба в вое шторма и раскатах грома...

Выпусти меня! Выпусти!!!

С треском распахнулось окно в прохладной комнате, цветным стеклянным дождем осыпались осколки витража. Я вздрогнула, очнувшись от наваждения, но не перестала ощущать бурю внутри фаэриэ, отчаянно прижимавшего меня к груди.

– Ты не сон... – Сдавленный, хриплый шепот над ухом, лихорадочно-горячие губы, скользнувшие по щеке. – Ты не можешь быть сном... не должна быть...

Поцелуй с привкусом слез, вначале почти неосязаемый, опасливый – а затем крепкий, отбирающий дыхание, и рывком затягивающий в омут магии фаэриэ, в «глаз бури» внутри величественного урагана, вокруг которого танцевали изломанные стрелы молний.

Вой ветра и неистовство бури остались где-то за стенами выстроенной вокруг меня воздушной крепости из океанского шторма, громовых раскатов и ослепительно-ярких молний, а внутри было невероятно уютно и легко. Потoki воздуха – как тысячи пальцев, бережно ласкающих обнаженную кожу, капельки соленой воды, принесенных ураганом, – как поцелуи, спускающиеся по телу от макушки до ступней. Теплые и прохладные, легкие и оставляющие свой след, такие разные и вместе с тем – часть чего-то большего.

Сумерки и буря соткались в призрак человека, отделившийся от потоков неистового ветра, – увиденное после пробуждения в свете свечи лицо, темно-серые пряди волос, плавно перетекающие в дождевые капли, срывающиеся вниз, в пенящийся океан, и гибкие, сильные руки, заключившие меня в объятия. Краткий миг, на время которого живая стихия с трудом удерживала хрупкий, кажущийся нереальным облик человека – а потом я приняла ее в себя,

как бесконечно долго ожидаемого в одиночестве возлюбленного...

Аметистовая клетка не выдержала стремительно разворачивающегося внутри ее совершенно нового, прекрасного мира, в котором буйные краски осени перемешались с густо-сиреневыми сумерками грозового вечера, где ветер был совершенно свободен, а столь долго удерживаемая стихия наконец-то хлынула сквозь расшатавшиеся, дребезжащие, как перетянутая струна, «прутья» сдерживающего заклинания. Еще немного – и оно будет разрушено, сломано, потому что было неспособно удержать в себе шторм, наконец-то нашедший свое небо...

Тонкие, легкие пряди волос, щекочущие лицо...

Шум стихающей за окном грозы, грохот волн, бьющихся о скалы...

Сквозняк, холодящий обнаженное тело...

Я пришла в себя на скомканных, сбитых во время порыва страсти горячих простынях, чувствуя, как фаэриэ в моих объятиях крепко прижимается ко мне всем телом. Нависает надо мной, удерживая вес на локтях, а в его широко распахнутых глазах отражается тот самый новый мир, который мы вместе построили всего минуту назад.

– Прошу... тебя... – Голос, пронизанный отзвуками грома, дрогнул, по щеке медленно стекла одинокая слеза, упавшая мне на шею. – Я больше не могу... не могу оставаться один...

– Не останешься... – Говорить трудно, новый мир, рожденный во вспышке природной силы, распирает изнутри, проливается наружу слезами радости от обретения чего-то невыразимо прекрасного, ранее никогда не существовавшего. – Я буду с тобой...

Фаэриэ тихо, почти беззвучно, рассмеялся, перекаtywаясь на бок и не размыкая объятий – лишь на миг он отодвинулся, чтобы укрыть нас обоих одеялом.

– Спи, бесценная осень... я буду охранять твой покой...

Меня даже не удивило то, насколько безоговорочно я ему поверила...

Тук. Тук-тук. Тук-тук...

Биение чужого сердца совсем рядом – ровное, размеренное, такое четкое, что мое сердце невольно подстраивается под навязанный ритм даже сквозь чуткий утренний сон. Я глубоко вздохнула, шевельнулась, просыпаясь, и сразу же чужой ритм ускорился, стал чаще, сильнее, а по плечу скользнула теплая ладонь.

– Наверное, сейчас мне следует сказать «Доброе утро», да?

Я открыла глаза и приподнялась на локте, рассматривая мужчину, на груди которого так сладко проспала всю ночь, сквозь кудрявую прядку, упавшую на лицо. Серые брови чуть нахмурены, темные глаза напоминают застывший в лютую стужу лед, холодный, блестящий, губы сжаты в тонкую полоску. Фаэриэ смотрел на меня так, будто бы пытался осознать, реальна я – или же видение, случайно посетившее его ночью и готовое вот-вот растаять, как туман в лучах утреннего солнца. Я попыталась сесть – на миг его руки, обнимавшие меня, обратились в тугое стальное кольцо, жесткое, как оковы, но при этом осторожное, не причиняющее боли. Короткая вспышка страха-тревоги, промелькнувшая в серо-сиреневых дымчатых глазах, почти моментально скрылась за нарочитой расслабленностью во взгляде.

– Наверное. Доброе утро... между прочим, вчера я так и не спросила, как тебя зовут.

– По-моему, нам было немного не до того. – Он улыбнулся, размыкая объятия, и ласково провел кончиками пальцев по моим кудряшкам, отводя взлохмаченные волосы от лица. – Зови меня Рей.

– Фиорэ Аиллан с Алгорских холмов. – Я привстала с кровати, оглядывая комнату, заставленную вычурной старинной мебелью, кое-где изуродованной косыми зарубками – словно когда-то по комнате прошелся вихрь, вооруженный острым мечом, в бессильной ярости крушивший массивное дерево и разбивающий зеркала. Одно, висевшее напротив кровати, было покрыто тонкой сетью трещин, но стекло тем не менее не вывалилось из старинной рамы, продолжая отражать часть комнаты и сидящего на постели Рея.

– «Цветок осени», значит... – Он пропустил меж пальцев прядь моих волос – Знаешь, я рад, что некоторые цветы цветут, несмотря на не самые подходящие времена года.

– И не самое подходящее место... – Я поднялась с разворошенного ложа и подошла к креслу, на котором была аккуратно сложена моя одежда, уже высушенная и разглаженная. Потянувшись за нижней рубашкой из светло-коричневого льна и ненароком смахнула на пол лежавшую на широком подлокотнике полупустую сумку.

С тонким металлическим звоном выпал на мраморную плитку алый, с темными прожилками-травлением, недлинный нож, поймав солнечный луч в золотой янтарь оголовья. Я ахнула, кинулась поднимать – но Рей, в мгновение ока очутившийся на ногах, успел раньше меня. Плавным, текучим движением поднял он волшебный дар сердца Холма с пола, взвесил в ладони и посмотрел на меня.

– А цветок-то зубастенький... – Восхитился фаэриэ, проводя лезвием ножа по тыльной стороне запястья. – Интересно, а зачем цветкам такие зубки? Расскажешь, маленькая ши-дани?

– Отдай, пожалуйста. – Я протянула руку, чтобы забрать дар Холма, который даже на расстоянии слегка покалывал ладонь остренькими иголочками скрытой силы. – Это кусочек моей осени, который всегда со мной.

– Вот, значит, как... – Он задумчиво покрутил нож в руке, а затем вернул его мне рукоятью вперед. – Значит, вот что позволяет этим цветам цвести, несмотря на Сезоны... Они как бы и не выходят из дома. – Фаэриэ замолчал, будто о чем-то задумался. – А ты покажешь мне свой дом, моя маленькая ши-дани?

Тянущиеся к моей шее тонкие пальцы-веточки суме речного призрака, скривленный в беззвучном вопле рот, лицо – искаженная пародия на облик дриад. Пронизывающий притихший лес волчий вой Ильен, туман, стекающий над озером Керрех ...

Листовидное лезвие больно оцарапало пальцы, я вздрогнула, поспешно убрала нож обратно в сумку и принялась одеваться.

Очень хочу надеяться на то, что нимф с изнанки Сумерек интересовала только я, а не моя зимняя сестра, что вышла в мир людей в волчьем облике. Не могу припомнить ни одного случая, чтобы сумеречные призраки нападали на лесного зверя, предпочитая питаться людьми, но... раньше они не появлялись на склонах Алгорских холмов, не подбирались так близко к водам озера Керрех.

– Мой дом далеко, да и путь мой лежит совсем в другую сторону. – Холодной змеей скользнуло вдоль спины нехорошее предчувствие, и я, путаясь в длинном подоле платья, подошла к разбитому окну, выглядывая наружу.

До самого горизонта раскинулась безмятежная сапфирово-синяя водная гладь, тихим шелестом отзывались волны, набегающие на небольшую песчаную косу где-то далеко внизу, у подножия скалистого берега. Наверняка во время прилива она полностью скрывается под водой, а буря превращает эту уютную бухточку в бурлящий котлован...

– Океан... неужели меня так далеко занесло... – еле слышно шепнула я, опираясь на усыпанный битой стеклянной крошкой подоконник и почти не чувствуя боли от врезавшихся в кожу кусочков витража.

Мои плечи почувствовали тяжесть рук фаэриэ, остановившегося у меня за спиной. Он потерся щекой о мои волосы, прижал к груди так, словно боялся, что я вскочу на подоконник и попытаюсь лететь без крыльев.

– Завораживающее зрелище, не так ли? Если видеть его слишком часто, может показаться, что океан зовет в свои глубины, а в шелесте волн чудятся голоса морских русалок. Впрочем, на поверхность они поднимаются лишь во время бури, как та, что была вчера ночью. – Рей скользнул ладонью по моей руке – горячие, сильные пальцы сомкнулись на моем запястье, медленно поднимая его к губам фаэриэ. – Ты порезалась, маленькая ши-дани... и твоя кровь такая же красная, как у меня... – Кончик его языка скользнул по свежей царапине, оставленной неосторожным обращением с даром Холма. – И такая же соленая... Скажи мне, кто тот Габриэль, именем которого ты назвала меня ночью?

– Еще один житель Холма. Сосед, можно сказать.

– Твой любовник? – Фаэриэ скользнул губами по моему запястью, чуть прикусил кожу,

осторожно, бережно, будто бы пробовал меня на вкус.

– Нет. – Я попыталась отнять запястье, и фаэриэ неохотно выпустил мою руку, приобнимая меня под грудью и не желая отстраняться. – Мы никогда не спали вместе. Он считал, что это нам обоим не нужно. Что он нашел во мне что-то другое, нежели женщину для любовного ложа.

– В таком случае, он просто глупец. Или, быть может, ши-дани твоего Холма не могут испытать с тобой то же самое, что я испытал сегодня ночью...

Наша с Габриэлем Игра на двоих в канун Самайна всегда была восхитительно-странной, наполненной жаром в крови из-за ощущения шутилой погони, кото рая на самом деле была всерьез. Поцелуи холодного ветра на лице, снежная пыль, что прокатывалась по разгоряченному неистовым бегом телу, как обрывки нежнейшего покрывала, волчий вой, что становился прекрасной песней во славу луны, жизни и близкой зимы. И король Самайна, что тенью следовал за мной, призра ком появлялся среди оголенных осенью деревьев, зелены ми огнями волчьих глаз выглядывал до тех пор, пока не наступал момент, когда я становилась Его осенью, Его миром. Сам Габриэль переставал быть ши-дани, ста новясь живым неистовым снежным вихрем, что на бе лых сияющих крыльях взмывал в густо-синие небеса, к ледяным звездам, бриллиантами рассыпанным на бар хате ночного неба. Миг, когда двое становятся одним целым, когда небо тянет руки к земле, а магия Холма заполняет собой Самайн, как вода, прохладная и живо творящая ...

– Он ши-дани лишь наполовину. – Я поежилась не столько от прохладного морского бриза, скользящего по лицу, сколько от голоса фаэриэ, который едва заметно подрагивал от скрытого волнения. – Рей, а где находится твой замок?

– А ты разве не помнишь, как добралась до него? Ведь нельзя прийти на мыс Иглы просто так, не заметив ничего вокруг, – ответил он вопросом на вопрос, увлекая меня за собой прочь от разбитого окна. – Тогда как же ты попала сюда из своих родных Холмов, которые далеко на востоке?

Фаэриэ улыбнулся, и улыбка эта была ни теплой, ни холодной – так, наверное, могла бы улыбнуться зарождающаяся высоко в небесах буря... или выступающие из густой ночной тени Сумерки. Интерес, который возникает к тому, чего ты можешь или не можешь сделать, а вовсе не к тому, чем ты являешься или хочешь казаться.

– Говорят, что ши-дани могут появляться и исчезать по своему желанию, обратиться в лесного зверя или призрачный болотный огонек. Что под длинной юбкой прекрасные девы прячут козлиные ноги, и любое, даже самое крохотное зеркальце может являться для них дорогой куда угодно. – Рей принялся одеваться, сидя на разворошенной постели, не отрывая от меня пристального взгляда дымчатых глаз. – Столько легенд о вас сложили люди... Ты расскажешь мне, где правда, а где всего лишь красивая сказка, маленькая: ши-дани?

– В каждой сказке есть доля правды, но она обычно невелика. – Я отвернулась, с интересом разглядывая комнату, в которой оказалась.

Странная спальня, где красивая старинная мебель покрыта неглубокими порезами, словно по комнате гулял вихрь, вооруженный мечом или саблей. Зеркало, висящее напротив кровати, покрытое частой сетью тонких трещин, как паутинкой. Кресло, на котором были разложены мои вещи, красовалось изорванной обивкой, а на мраморной плитке на полу темнели сколы и трещины.

Похоже, что фаэриэ не слишком-то волновала окружающая обстановка, раз он спокойно существует в таком беспорядке...

– Ты давно здесь живешь? – поинтересовалась я, подбирая с кресла высушенный плащ, приятно пахнувший розмарином и еловой хвоей. Интересно, кто так заботливо разгладил тонкую шерсть, кто высушил и привел в порядок, аккуратно сложил всю мою одежду? Рей, кажется, говорил, что он живет один.

– Достаточно давно, чтобы желать некоторых перемен. – Он оказался у меня за спиной так быстро, что я даже испугаться не успела, обнял меня за плечи и легонько скользнул губами по моей щеке. – Позволишь проводить тебя, Фиорэ? Как я понял, ты оказалась

слишком далеко от дома, чтобы знать, куда идти теперь. И, как мне кажется, мир за стенами моего замка тебя беспокоит... если не сказать – пугает. Я прав, маленькая ши-дани?

Прав настолько, что признаться стыдно. Мир людей вне Алгорского холма всегда представлялся мне не слишком-то гостеприимным местом, мрачноватым, настороженным – как дикий зверь, не единожды попадавший в ловушку, расставленную охотником, и выбиравшийся оттуда с перебитой лапой или ободранный до крови острыми железными прутьями тесной клетки, и потому озлобленный, недоверчивый. А уж об обычаях людей я могла судить только по рассказам, услышанным от слуг ши-дани, причем зачастую узнанные таким образом обычаи противоречили друг другу или ставили чужеземца в положение, когда на чашах весов оказываются совесть и придуманные людьми законы. А законы эти странные, зачастую несправедливые, позволяющие отобрать последнюю корову в уплату за проживание на испокон веков «ничейной» земле, казнить за охоту в лесах, когда сырое, дождливое лето после малоснежной зимы приводит к голоду, или же отдавать дочь за сосватанного еще во младенчестве нелюбимого мужа, не считаясь с такими «мелочами», как чувства и мнение девушки.

– Рей, ты знаешь, как добраться до города Вортигерна?

Он ненадолго задумался, машинально пощипывая кончиками пальцев подбородок, но лотом все же уверенно кивнул.

– Направление знаю, а дорогу... Дорогу и спросить можно, особенно если знать, кого и как спрашивать. Дойдем, маленькая ши-дани. Правда, не могу сказать, сколько времени займет путь – я, знаешь ли, редко добирался куда-то пешком, но... – Он улыбнулся и вновь легко коснулся губами моей щеки. – Мы что-нибудь придумаем, чтобы не слишком задерживаться.

Придумаем...

Сборы заняли на удивление мало времени – Рей торопился и в дорогу взял только сумку, в которую кинул смену одежды, мешочек с монетами и какими-то украшениями да сверток с едой. Лишь у резных двустворчатых дверей он ненадолго задержался, словно раздумывая – и вынул из низкого сундука недлинную, чуть изогнутую саблю с отполированной костяной рукоятью да тяжелый нож в ножнах, украшенных серебром и перламутром.

Жаркое яркое солнце на миг ослепило меня, когда мы вышли из замка в неухоженный двор, заросший плющом и ярко-красными кладбищенскими розами. Десятки мраморных статуй, которые когда-то блистали на солнце белизной камня, сейчас посерели и заросли травой и кустарником, а красивый фонтан, выложенный розоватой плиткой, был засыпан облетевшей прошлогодней листвой и мелким мусором, приносимым бурями на побережье.

Створки ворот, ведущих со двора к заметенной мелким песком дороге, были слегка приоткрыты – как раз при должной сноровке можно с грехом пополам протиснуться через образовавшуюся щель. Рей подошел к вросшей в утопанную землю створке, пару раз дернул ее на себя так, что дверь протестующе скрипнула, но не поддалась, и виновато улыбнулся:

– Похоже, петли заржавели. Придется пробираться как есть. – Он отодвинулся от ворот и изящно поклонился, как в причудливом танце. – Я был бы никудышным спутником, если бы не пропустил тебя вперед.

Я лишь пожала плечами и скользнула через узкий проем, умудрившись даже не задеть потемневшего от времени мореного дуба, окованного ржавым железом, а вот Рей замялся, на удивление неловко поворачиваясь и цепляясь за створку ворот ножами сабли, висевшей на поясе.

– Фиорэ, не поможешь? Я, кажется, слегка застрял.

Его пальцы сильно, до боли, вцепились в мою протянутую руку, словно я помогала фазриэ не переступить через порог ворот замка, не протиснуться в узкую щель между приоткрытыми створками – а вытаскивала из глубокого омута, из которого ему самому было никак не выбраться. Что-то зазвенело, словно лопнула туго натянутая струна, прокатилось

приливной волной по моей руке, заставив вздрогнуть всем телом – и пропало, а Рей подался вперед одним длинным, текучим движением, которое не позволяло заметить, как именно он шагнул вперед. Он просто очутился рядом со мной, крепко стискивая мои пальцы в ставшей ледяной ладони, и не мигая смотрел в синее небо с белыми перьями облаков.

– Неужели... свободен...

Фаэриэ выпустил мою руку, быстро вытянул длинный, покрытый тонким узором-травлением нож из ножен на поясе – и резко провел остро отточенным лезвием по своим волосам, срезая длинную, почти до колен отросшую косу чуть выше плеч. Тряхнул головой, позволяя криво обрезанным прядям свободно полоскаться на ветру, и широко, радостно улыбнулся, вешая косу мне на шею как ожерелье.

– Не представляешь, как она мне надоела... Как весь этот замок, этот мыс мне надоел! – Он рассмеялся, наблюдая за тем, как озадаченно-беспомощно я смотрю на него, как непонимающе оглаживаю кончиками пальцев длинную шелковистую косу, которая кажется удивительно легкой, несмотря на немалую толщину. – Не смотри на меня так, маленькая ши-дани. Я не стал более сумасшедшим, чем нынешней ночью, просто в самом деле слишком долго пробыл на одном месте.

Тихо звякнул, падая на дорогу, мешочек с золотом. Рядом аккуратно примостился сверток с едой, который Рей взял из замка.

– Тебе туда. – Он указал в сторону широкой дороги, ведущей куда-то вниз, в небольшое поселение, где дома из желтоватого известняка поблескивали на солнце гладко отполированными, потемневшими от времени и непогоды, крышами. – А мне – совсем в другую сторону. Видишь ли, у меня есть дела, которые я и так слишком долго откладывал. Не заблудишься. Деньги на первое время у тебя есть, тебе достаточно нанять провожатого или купить коня и карту.

Он поклонился, и аметистовая подвеска выскользнула из-за ворота его рубашки, поймала солнечный лучик в глубину камня, вспыхнула сиреневой искрой, крошечной звездой, пойманной в кулак.

Невольно вспомнилась еще одна такая же «звезда», которая искрилась и сияла в руке Мэбвэн, Королевы Мечей, что привела с собой Сумерки в мир людей. Вспомнилась буря, развернувшаяся над ее головой, то, как дождь, попадая на ее платье, скатывался на примятую пожухлую траву конца октября кровавыми тяжелыми каплями.

Я смотрела в неторопливо удаляющуюся спину фаэриэ, что был заточен в замке на берегу океана, а видела грозу, что ранила склоны Алгорских холмов стрелами молний, срывала холодным вихрем разноцветную листву с деревьев и вливалась мощью в руки своей госпожи.

Проклятая буря, ненавистная буря. Фаэриэ, который по слову и знаку своей госпожи укрывал Мэбвэн от чужой магии, перерождался в стихию, чтобы пройти смерчем по полю битвы, и умирал, возвращаясь в хрупкое человеческое тело, чтобы клинком из холодного железа добить тех, кто мог противостоять вызванной им грозе.

Фаэриэ, прозвище которому было Грозовой Сумрак, ибо таковы были Условия, полученные им при рождении...

– Рейалл!

Имя, которое даже в Холме знали немногие, да и те предпочитали не произносить его лишний раз вслух. Имя, которое, сказывают, может подарить власть над Грозовым Сумраком, если иметь достаточно сильную волю и хорошую магическую поддержку. Имя фаэриэ, которое тот услышит, даже если произнести его шепотом, потому что оно отзовется в его теле, как звон колокола, как удар сердца, как слишком глубокий вздох.

Он оказался рядом со мной так быстро, что я не успела ни испугаться, ни отшатнуться.

– А ты много знаешь... Моя маленькая ши-дани. – Прошипел он и, схватив за кончики срезанной косы, с силой потянул вверх так, что я вынуждена была приподняться на цыпочки, чтобы гладкая шелковистая «веревка» не превратилась в удавку.

Ярким бликом мелькнул длинный нож, которым Рей срезал волосы, почти коснулся

моей шеи. Я почувствовала одновременно нестерпимый жар и ледяной холод, незримым потоком изливающийся от широкого узорчатого лезвия, – холодное железо, металл, которым можно убить любого ши-дани, даже если это король Самайна. Раны, нанесенные им, почти не заживают, а без правильного лечения разрастаются вглубь и вширь, убивая неторопливо и очень мучительно. Я застыла, казалось, забыв о том, что надо дышать – и лишь смотрела перед собой, боясь лишней раз шевельнуться, чтобы кожи моей не коснулся проклятый металл. Ведь даже мимолетное прикосновение оставит мне на память медленно заживающий ожог, след от которого не сойдет еще очень и очень долго.

– Меня всегда интересовало, почему людская поговорка про то, что молчание – золото, так часто игнорируется? Может быть, потому, что блеск холодного металла ослепляет далеко не всех людей? И уж точно безразличен ши-дани. Им может быть важно лишь холодное железо... Запомни, моя маленькая ши-дани. Раз и навсегда запомни. В тех случаях, когда молчание не золото, оно – жизнь. А как ты ее проживешь – это уже твои заботы...

Лезвие медленно скользнуло по косе, перерезая шелковистые волосы и приближаясь к моей шее все ближе с каждым движением. Я взглянула на небо, ярко-синее, хрустально-прозрачное и такое глубокое, что казалось, будто и не небо это вовсе, а чаша из синего стекла, наполненная водой.

Если хотя бы часть того, что я слышала о Рейалле, – правда, он меня убьет. За то, что имела неосторожность произнести его полное имя вслух, за неосмотрительность. Слишком я привыкла называть вещи своими именами, слишком разбалована странным отношением Габриэля.

Я едва заметно улыбнулась, прикрывая глаза.

Я вернусь в Холмы... я все же вернусь... И дерево королей примет меня обратно, спрятав искру, горевшую во мне, в один из своих листьев, чтобы рано или поздно поместить ее в новорожденного ши-дани Осенней рощи.

Вернусь домой...

Неожиданно для меня коса распалась надвое, и я, пошатнувшись, едва не упала, с трудом удержав равновесие. Фэриэ спокойно вернул нож обратно на пояс, поудобнее перехватил сумку и нехорошо, некрасиво, холодно улыбнулся:

– Надеюсь, что ты запомнила урок, моя маленькая ши-дани, и не будешь попусту растрачивать драгоценные монеты своей жизни. Мне кажется, что ты спешила в Вортигерн? Думаю, что теперь тебе точно пора в дорогу.

И теперь злая насмешка в его голосе совершенно не соответствовала моментально изменившемуся нейтральному, почти доброжелательному выражению лица. Как же легко фэриэ удастся выразить лицом то, чем они хотят казаться, словно они меняют превосходно сделанные маски одну за другой. И не понять, где правда, а где ложь, и есть вообще под этой маской какие-нибудь чувства-ощущения.

Рейалл Грозовой Сумрак набросил на голову глубокий капюшон легкого темно-синего плаща и быстрым шагом направился прочь от замка, оставив меня в одиночестве посреди чуждого, непонятного и пугающего мира людей, в котором нельзя и шагу ступить, чтобы не нарушить какое-нибудь выдуманное правило.

Яркое летнее солнце золотило тихо позванивающие флюгеры на шпилях замка на краю утеса, ветер доносил соленый запах океана и водорослей. В росших вдоль дороги кустах негромко пели какие-то птицы, а краем глаза я заметила местную дриаду, поспешно скрывшуюся в листе.

Надо идти. Все равно дорога предстоит долгая, а помощи ждать неоткуда.

Я подобрала с дороги тяжелый мешочек с деньгами и сверток с едой, прощальный подарок Грозового Сумрака, и медленно направилась в сторону деревни.

Боюсь, что те, кто когда-то давно заточил Рейалла в замок, уже знают о том, что охранное заклинание было разрушено, и узник выбрался на свободу. Я чуяла, как на моей правой ладони холодным огнем разгорается невидимая метка, след лопнувшей «струны» запирающего заклятия.

Одна надежда, что она пропадет раньше, чем я столкнусь с кем-нибудь из людей, обремененных Условиями...

ГЛАВА 6

Теплая земля, поросшая душистым луговым клевером и упругой травой, приятно пружинит под ногами, вольный ветер, в котором нет даже намека на солоноватую океанскую свежесть, обдувает лицо, отбрасывает назад коротко обрезанные волосы, тени, что становятся длиннее с каждой минутой, обещают скорые сумерки, а вместе с ними – и частичную свободу от навязанных миром людей Условий.

Рейалл, уже давно свернувший с северного тракта в ближайший подлесок, уселся под молодой березой, тонкой белой свечой тянущейся к летнему небу, и прикрыл глаза, всей кожей ощущая живую тишину, мир, не ограниченный стенами проклятого замка. Свобода, так неожиданно-негаданно явившаяся к нему в тюрьму в образе напуганной осенницы с глубокими, как холодные северные озера, глазами, сейчас вызвала смутное беспокойство, почти страх. Сколько лет прошло с того дня, когда объединенная магия людей, ши-дани и фаэриэ заточила его в замок на берегу океана, словно в издевку запечатала его в доме, где когда-то проживала его прекрасная королева, ночная госпожа, в голосе которой даже в наиболее интимные моменты жизни звучал лязг металла?

Трудный вопрос, он давно перестал считать время. В замке с его жалким подобием жизни время шло иначе – быстрее, когда фаэриэ, в очередной раз поддавшись безумию, калечил себя в отчаянной попытке выбраться, разрушить телесную оболочку, куда аметистовая клеть заклинания заточила ночной шторм, громовые раскаты и ослепительные стрелы молний, и почти стояло на месте, когда Рейалл приходил в себя после очередной попытки самоубийства. Совершенно здоровый, целый и невредимый – благодаря проклятию его не брало ни холодное железо, ни огонь, ни волны, ни острые камни у подножия замковой стены, не принимала ни смерть, ни породившая его стихия. Время шло, и попытки освободиться через самоуничтожение сменились каким-то болезненным интересом, проверкой на прочность себя и заклинания, боль и отчаяние стали единственным «развлечением» после того, как все остальные перестали отвлекать разум от мысли о заключении.

Минуты текут, как морской песок сквозь пальцы. Тени все длиннее и гуще, ослепительно-яркий солнечный свет все меньше раздражает привыкшие к прохладному освещению замка глаза, все ближе долгожданные сумерки, первый вечер на свободе, под открытым небом. Ветер стихает, его прохладные пальцы легонько касаются лица, напоминая о тонких, хрупких пальчиках-веточках осенницы, которые он сжимал прошедшей ночью, цепляясь за маленькую ши-дани как за спасительную веревку, удерживающую его над пропастью. Теплая улыбка внешнего мира, глаза, в которых он не нашел ненависти и страха, даже когда она все-таки распознала, кого вывела на свободу из зачарованного замка на мысе Иглы, когда холодное железо плавно скользило на волосок от ее горла. В ее глазах отражалась осень, робкий лепесток свечи, свет окон дома, где ее ждали с радостью и нетерпением, а не желание бороться за свою жизнь, уничтожить врага или хотя бы доставить ему неудобство перед смертью.

Хрупкая опора, тонкая янтарная спица, поддерживающая мир внутри его...

Сентиментальность, достойная саркастической, злой усмешки.

Фаэриэ глубоко вздохнул, по привычке скользнул кончиками пальцев по аметистовой подвеске на шее. Символ Договора с прекрасной госпожой, силе которой подчинялся любой клинок, рожденный в кузнечном горне, со временем превратился в весьма хорошее напоминание о предательстве, об утраченной свободе и нежелании заключать подобное соглашение в дальнейшем. Счастье, что когда-то давно он, еще молодой, полный сил и глупых надежд, все-таки обозначил одно-единственное Условие Договора со своей госпожой.

«Пока мы верны друг другу». По правде говоря, Рейалл был до сих пор не уверен в том, как ночная королева пользовалась его силой в то время, когда ее Условия не позволяли сотворить что-нибудь более-менее впечатляющее. Как не был уверен в том, что большая часть ночных кошмаров, привидевшихся на одинокой жесткой постели – всего лишь сны воспаленного разума, а не воспоминания.

Небо, медленно темнеющее, с быстро бегущими по воле ветра облаками, высокое, прозрачное, в которое хочется взлететь, отбросив в сторону оболочку из плоти и крови, как слишком тесную одежду, стать неистовым вихрем, что мчится над землей, пригибая деревья, как луговую траву, рассмеяться – и услышать, как в ответ раскатисто грохочет гром. Протянуть невидимые пальцы к звездам – и попытаться дотянуться до этих прекраснейших из бриллиантов, коснуться белых, зеленых и голубых искорок, что рассыпаны по темно-сиреневому, медленно чернеющему бархату ночного неба.

Быть собой. Быть свободным.

Высшее желание фаэриэ, то, ради чего они живут, к чему стремятся с каждым вздохом, с каждым ударом сердца, Именно на этом стремлении и сыграла когда-то прекрасная королева Мэв, предложив Рейаллу свободу от Условий в обмен на служение, на возможность взаимно брать его силу, его дар, ни словом не обмолвившись о том, что служение это сделает из фаэриэ оружие, не имеющее ни воли, ни мыслей, ни голоса.

Рей поднялся с земли, аккуратно, нарочито медленно снял плащ, положил его на стоящую у корней дерева сумку и глубоко вздохнул, поднимая лицо к небу и закрывая глаза. Вечерние сумерки уже спустились на подлесок, сиреневыми тенями улеглись в прогалинах, холодной росой усыпали густую траву, сомкнули венчики мелких полевых цветов.

Так просто – позволить ветру свободно проходить сквозь тело, не встречая преграды, увлечь за собой в неторопливый поначалу полет, оставив на земле такие ненужные, неважные вещи, как одежду и украшения. Сделать глубокий вдох, почувствовать, как кончики пальцев черпают сумерки как призрачную воду, осознать, что нет больше аметистовой клетки, запирающей внутри замковых стен...

Только воля натывается на новую стену, еще более прочную и нерушимую, которая поселилась глубоко внутри, в сердце, зажимая ночной ветер в еще более тесную клетку, избавиться от которой еще труднее, еще невозможней. Потому что из тюрьмы, что окружает со всех сторон, выбраться можно, но как сломать преграду, сжавшуюся до размеров собственного сердца?

Неясная тревога, ставшая страхом, а затем – ужасом.

Что, если он больше *не может* стать дождем и ветром, стать бурей, ломающей корабельные сосны, как хрупкие промерзшие веточки? Если его Условия во время заключения изменились или расширились, и теперь не темнота и не падающий с неба дождь служат толчком к высвобождению?

Тихий, истеричный смех сотрясает тело фаэриэ, неспособное стать чем-то большим, стать собой. Скрежет железного клинка, выскальзывающего из ножен. Хруст древесины, а затем – треск веток и шум падающего дерева.

Черная пелена ярости застилает глаза, сабля из холодного железа становится продолжением руки, которая в бессильной злобе пытается сокрушить все вокруг, все, до чего дотянется сверкающий в последних отблесках заходящего солнца клинок.

Отчаянный танец на остром лезвии ножа, на самом краешке глубочайшей пропасти, имя которой – безумие. Холодное, как воды оута, затягивающее, как болотная трясина, опасное, как бешеный, загнанный в угол зверь. Оно манит, как лживый блуждающий огонек, притягивает, как бездна, зовет тысячами ушедших и никогда не существующих голосов, обещает покой, которого не может дать, свободу, которой нет.

Тонкая золотая спица, протянувшаяся над бездной, сверкающая нить, пронизывающая мрак, хрупкая и одновременно нерушимая опора – зов о помощи, пришедший издалека. Повевало хмельным осенним медом, теплым ветром и запахом ночного костра, в котором вместе с палой листвой сгорают беды и несчастья. Металлический привкус меди на кончике

языка, гладкий окатыш янтаря в судорожно сжатой ладони, тонкие пальцы-веточки, удержавшие на самом краю – и потянувшие назад, подальше от ядовито ухмыляющейся бездны...

Рейалл пришел в себя на коленях посреди поляны, по которой словно ураган прошелся, – обломанные ветки, усеявшие землю, несколько срезанных начисто молодых березок, изрубленные стволы деревьев постарше и покрепче, истекающие душистой смолой, прозрачной кровью, тягучими слезами.

Маленькая осенняя ши-дани все еще ощущалась, как птица, прильнувшая к самому сердцу, как крошечная искорка, разогнавшая мрак, как рука, приоткрывшая дверцу аметистовой клетки. Чувствовался ее страх, не дающий покоя, ранящее, тревожное беспокойство, которое стало его беспокойством, его страхом.

Почудилось, что еще немного – и случится нечто непоправимое, и тонкий мост, удерживающий его над бездной, разрушится, погаснет ревниво оберегаемый огонек, оставив во мраке безумия, которое страшнее окружающих каменных стен, хуже давящего могильной плитой заклатья.

Черным крылом взвился в воздухе заброшенный на плечи шелковый плащ, блеском молнии сверкнуло изогнутое лезвие сабли, костяная рукоять с тонким узором кажется теплой, почти горячей. Запел-засвистел ветер в волосах, кратчайшая дорога к пугливо дрожащему золотисто-рыжему огоньку осенней шидани развернулась под ногами широким ровным полотном.

Фаэриэ – всегда фаэриэ, живая стихия, даже запертая, никогда не станет человеком, потому и бег Рейалла сквозь ночь напоминал больше полет ветра, течение стремительной горной реки, несущееся в небесах грозное облако, которое вот-вот прольется ливнем или ударит в землю ослепительной стрелой молнии. Момент «почти свободы», когда кажется, что ноги не касаются земли, а препятствия огибаются легко и быстро – либо уничтожаются клинком из холодного железа...

Рокот надвигающейся с юга грозы в ставшем густым и тяжелым воздухе, редкие взблески молний где-то высоко в небе выхватывали из темноты деревья, узкую звериную тропу, а потом – и полянку недалеко от дороги, кое-как освещенную наспех разведенным костерком.

Появление Рейалла ознаменовалось громовым раскатом, который практически заглушил испуганный вскрик осенней ши-дани, когда один из находящихся на поляне людей грубо рванул тонкий лен платья – и толкнул девушку к приятелю, который ухватил слабо сопротивляющуюся ши-дани под грудью, запуская руку в разорванный ворот.

Отчаянный крик осенницы – как осколком стекла по сердцу, радостно трепещущему в преддверии близкой грозы. Ринуться вперед, мимо теплящегося костра, у которого сидел кто-то, с интересом пересчитывающий золото, найденное в перевернутой сумке Фиорэ, ненавязчиво, почти лениво отмахнуться саблей, нарисовав широкую кровавую ухмылку на горле разбойника, которого и человеком-то назвать трудно, – просто одичавшее бешеное зверье. Гроза очищает землю, смывая с ее лица всяческий сор. Расчистить дорогу – и можно будет безбоязненно отпустить на волю ши-дани, давшую обещание быть рядом с Грозным Сумраком, не боясь, что ее обидит зверь в человеческой шкуре.

Перехватить маленькую, запуганную осенницу с глазами, полными непролитых слез, скользнуть с ней в сторону, прижимая к себе, как в причудливом стремительно-плавном танце, чувствуя, как по разгоряченному бегом лицу стекают первые капли прохладного дождя. Встряхнуть Фиорэ, провести кончиками пальцев по ее щеке – только чтобы она поняла, кто перед ней. Улыбнуться, не обращая внимания на возмущенно-испуганные крики двуногих зверей, которые вместо того, чтобы благоразумно убежать, решили схватиться за грубое подобие оружия, да к тому же еще и плохо заточенное.

– Тебе лучше закрыть глаза, милая.

Счастье – скользить под теплым летним дождем, чувствуя, как отдельные капли разбиваются о пляшущее лезвие сабли, будто хрустальные льдинки, как глухо рокочет гром,

сопровождая быстро уходящую в сторону короткую летнюю грозу. Состояние, когда душа рвется из тисков аметистовой клетки, почти высвобождаясь, трепеща на грани свободы-вседозволенности. Так близко – надо сделать лишь шаг, пока гроза не ушла в сторону, чтобы не пришлось догонять дождь и ветер, но нельзя, не сейчас, когда за спиной, тяжело привалившись к старому, раздвоенному молнией клену, стоит его маленькая ши-дани, послушно закрывшая глаза узкими хрупкими ладошками.

А звери – всего лишь звери. Помеха, убрать которую так же легко, как скосить острым лезвием упругую луговую траву.

Разве что трава не брызжет алым горячим соком, не оседает с глухим предсмертным хрипом на землю и не пытается проклясть напоследок, впрочем, все равно впустую.

И сразу становится тихо-тихо. Только гром приглушенно рокочет вслед удаляющейся на север грозе...

– Я принес твои вещи.

Порядком разворошенная сумка шлепнулась передо мной на землю, а фазриэ, не задерживаясь ни на секунду у едва теплящегося костра, вновь скользнул в густую ночную тьму, оставляя после себя острый запах железа и свежесть ушедшей грозы. Я молчала, поначалу не решаясь дотронуться до сумки, ремешок которой был испачкан чем-то липким и темным, но потом все же слезла с импровизированной лежанки – охапки еловых лап, укрытых плотным плащом Рейалла, – и принялась разбирать нехитрое имущество. Флейта, моток прочных ниток с воткнутой в него толстой штопальной иглой, смена одежды, зеркальце, костяной гребешок...

Бесполезные, ненужные вещи!

Я перевернула сумку вверх дном, вываливая содержимое на лежанку, лихорадочно водя ладонями по предметам в густых сумерках, с которыми никак не мог справиться робкий костерок.

Самого ценного, самого дорогого – не было!

Пропал дар осеннего Холма, рубиновый лист древа королей, росчерк пламенеющего заката, мой нож, кусочек моей осени, без которого я ощутила себя оторванной от привычного мира, который защищал и оберегал меня надежней человеческого колдовства!

– Это ищешь?

Фазриэ, бесшумно возникший из ниоткуда, протянул замаранный чужой кровью длинный лист-нож. Не дождался, пока я соизволю справиться со страхом, и небрежно уронил дар Холма на измятую льняную рубашку, вытащенную из сумки.

– Можешь не благодарить.

Затрещали сухие ветки, аккуратно подкладываемые Рейаллом в костер, затрепетали яркие оранжевые язычки пламени, разрастающиеся на древесной коре, запахло горьковатым дымом. Фазриэ взглянул на меня поверх стремительно разгорающегося огня – странный, кажущийся пустым взгляд. Так могло бы на меня посмотреть небо, затянутое грозowymi тучами, готовое вот-вот пролиться дождем – взгляд заинтересованный и одновременно холодно-равнодушный, зрачки – как пятна тьмы на фоне темно-серых облаков. Взгляд давящий, как могильная плита, пугающий, как обратная сторона тени, которую люди опрометчиво называли Сумерками, но одновременно притягивающий подобно вспышке молнии, на краткий миг соединяющей небо и землю ослепительным тонким мостом... – Ты меня боишься?

Голос, ставший низким, бархатистым, упавший почти до интимного шепота. Таким голосом надо разговаривать в спальне, на горячих сбившихся простынях, глядя глаза в глаза, когда дыхание скользит по лицу теплым облачком, а поцелуй можно ощутить за мгновение до того, как губы любовников все-таки соприкоснутся.

Я медленно кивнула, все еще сжимая в ставшей влажной от пота ладони рукоять алого ножа, боясь выпустить эту драгоценность, утратить зыбкую связь с Холмом, с возможностью изменить хоть что-то... Хотя какой мне толк здесь и сейчас от умения вызвать проливной дождь или заставить плоды созреть на пару месяцев раньше срока? Здесь нет достаточно

большого зеркала или водоема со стоячей водой, чтобы я могла сбежать, нет «живых» деревьев, которые могли бы прийти на помощь ши-дани, воззавшей к матери-земле, питающей их корни. Так что я смогу сделать ненароком вызволенному из заточения Грозному Сумраку, если даже от разбойников отбиться не получилось?

Правильно, ничего. Разве что рассмешить.

Сухо треснула, переламываясь в длинных гибких пальцах фазриэ, толстая ветка – будто бы кость сломалась. Я вздрогнула, отвела взгляд, выпуская наконец-то нож из сведенных напряжением пальцев, и нарочито медленно принялась складывать вещи в сумку.

– Кажется, я снова начинаю разговаривать сам с собой. Совсем как во времена, которые я почти счел благополучно ушедшими. – Ветка отправилась в костер, а Рейалл, убрав от лица криво обрезанные темно-серые пряди, извлек ярко сверкнувшую в свете рыжего огня саблю и принялся оттирать лезвие пучком травы, все еще влажной после прошедшего дождя и выпавшей росы. – Похоже, урок о молчании ты усвоила гораздо лучше, чем я думал, маленькая ши-дани.

Я подняла на него взгляд, наблюдая за тем, как его сильная, крепкая ладонь бережно лежит на рукояти сабли, к которой я никогда не прикоснулась бы по доброй воле. Да и не всякий приказ заставил бы взять меня в руки холодное железо – сожгла бы ладони до мяса, до костей, а вдали от Холма и вовсе осталась бы калекой, несмотря на Сезон.

Странное дело, волосы Рейалла, несмотря на то что казались тонкими и легкими, сохли очень медленно и неохотно даже вблизи костра. Тяжелые, влажные пряди то и дело соскальзывали по щеке, мешались, лезли в глаза, и фазриэ приходилось постоянно убирать их обратно. Непокорные, как и их хозяин...

В моей руке еще был зажат тонкий плетеный шнур из полосок кожи, которым я подвязывала одну из кос, я поднялась с лежанки, обошла костер и остановилась в шаге от фазриэ, молча протягивая ему «ленту».

Казалось, что заметил он меня далеко не сразу – еще некоторое время его рука, сменившая пучок травы на обрывок ткани, скользила вдоль клинка, и без того отполированного до зеркального блеска, а потом фазриэ поднял на меня взгляд, по-прежнему тяжелый и давящий.

– Благодарю тебя. – Он осторожно взял шнур из моих рук, откладывая саблю в сторону. – Поможешь завязать?

Я покачала головой, отступая назад и машинально зажимая разорванный ворот нижнего платья. Блеск холодного железа резал глаза, и даже на расстоянии ощущался жар и холод этого металла... зимняя вьюга и кузнечный жар, сплавленные воедино в узком лезвии клинка, верная смерть как для ши-дани, так и для сумеречных существ.

– Мне казалось, что ты отложила свой страх в сторону. Или я ошибся? – Он взглянул мне в глаза, а затем снова взял в руки клинок. – Ты боишься моей «прекрасной девы» из холодного железа?

– И ее... тоже... – Я отступила на шаг, не отрывая взгляда от блика на светлом лезвии, от оранжевых отблесков-искр, пляшущих на узорах гравировки.

Свист воздуха, рассекаемого мгновенно подхваченным с колен клинком, яркий блик перед глазами, скользнувший холодком по виску порыв ветра... Движение быстрое, стремительное, которое трудно уловить взглядом, – и сабля оказывается брошенной на землю, а Рейалл – стоящим рядом со мной, возвышающимся надо мной почти так же, как Габриэль.

– Значит, ты боишься и меня...

Он протянул ладонь к моей щеке, почти коснулся кончиками пальцев кожи – и небрежно смахнул с моего плеча две аккуратные половинки чего-то, напоминающего большого паука с человеческой головой. Я вздрогнула, а он улыбнулся.

– Так кого ты боишься больше? Меня или того мира, что сейчас тебя окружает?

– Не знаю. – Первое, чему когда-то научил меня король Самайна во время общения с ним в его времени, – не говори фазриэ о размерах своего страха. Никогда не угадаешь, как он

захочет этим воспользоваться, и лучше не знать, что будет, если фаэриэ сочтет, что твой страх по отношению к нему недостаточно велик.

Мой ответ, по крайней мере, был честным.

– Тебе стоило бы определиться побыстрее, моя маленькая ши-дани. Ты ведь помнишь, что обещала не оставлять меня?

– Рей, почему ты вернулся?

Вот так просто. Ответить вопросом на вопрос, глядя ему в глаза, в которых на долю секунды мелькнуло что-то темное, живое, настоящее. Какая-то эмоция, которую я не успела уловить или осознать, нечто такое, что пробилося даже сквозь тщательно удерживаемую маску на лице фаэриэ.

– Мне так захотелось. – Холодное, обманчивое спокойствие затянутого тучами неба. Предгрозовая тишина, наполненная сухим, горячим ветром. – И если продолжить тему желаний... Фиорэ, сделай что-нибудь со своим платьем, пока я не подумал, что ты нарочно соблазняешь меня тем, что мелькает в чересчур углубленном вырезе. Не забывай – я тоже мужчина, хоть и держу себя в руках намного лучше тех, кто пытается взять желаемое без спросу.

Тихо щелкнула ветка в костре, выбросив на траву затухающий уголек. Над раскидистой лещиной танцевали крошечные ярко-зеленые огоньки – не то светлячки, не то весенние «феи», выбравшиеся в мир людей из янтарного дворца, построенного под землей.

Невольно вспомнился Кармайкл, человеческий маг с солнечным, горячим сердцем, что изливало из себя тепло, подобно ярко горящему в холодной ночи костру, вспомнились глаза цвета родниковой воды, улыбка, которая расцвела на его лице в момент, когда я вручила ему сверкающий подобно лунному лучу Рог. Проклятый дар, который в обмен за силу может потребовать слишком многое, злая шутка Габриэля, который пожелал чужими руками, чужой смертью разорвать когда-то заключенный договор с Холмом.

Далеко ли до Вортигерна? В деревне, которую я прошла, почти не задерживаясь, сказали, что месяц пешком, если непогода не закрутит по пути, не превратит наезженную телегами торговую дорогу в размытое болото грязи.

Сколько времени у Кармайкла? Ровно до того момента, пока он не сочтет, что сумеречных тварей расплодилось слишком много, что слишком близко они подобрались к людским жилищам. Пока не выйдет на самый высокий холм или не поднимется на одну из башен Вортигерна, чтобы сыграть на Роге, превращая волю в силу и неумолимый приказ.

Мне нельзя опоздать. Алгорские холмы устоят против Сумерек даже без Рога, люди защитят свои дома холодным железом и омелой, но Кармайкла предупредить и уберечь кроме меня некому...

Я отступила к своей лежанке, стянула через голову платье, кутаясь в сброшенный плащ, нащупала в сумке моток ниток и штопальную иглу и принялась зашивать разорванный ворот аккуратными незаметными стежками. Если бы у меня было чуть больше времени и чуть больше сил, волшебная ткань моего платья сама срастила бы разорванные края, совсем как живая плоть заживает нанесенные раны, и не пришлось сейчас бы накладывать швы на коричневый лен, превращая простую штопку в тонкий узор.

Мягко засветился золотистый янтарь в оголовье лежащего рядом ножа, повеяло теплым ветром, несущим с собой свежесть осеннего утра и запах тумана, поднимающегося над озером. На миг мне почудилось, будто бы я оказалась внутри Холма, а толстая штопальная игла превращается в тонкую, как волосок, острую иголку, выкованную мастерами Летнего сада из жаркого солнечного лучика. Да и грубоватая льняная нитка обращается в отблеск луны на водной глади, в хрупкую серебристую паутинку, связывающую небо и землю, в тонкую струну, натянутую на зеленой арфе, что поет в искусных руках великого музыканта, живущего в хрустальном дворце майской королевы.

– Красиво вышиваешь.

Я вздрогнула, золотая иголочка-волосок больно уколола палец до крови и почти сразу же превратилась в обычную штопальную иглу, а тонкая шелковая нитка – в крученый лен.

Причудливая веточка-узор так и осталась незаконченной, лишь на ноготок не перекрывая частый шов, стянувший разорванные разбойником края ткани.

– Извини. – Рей опустил на одно колено рядом со мной, осторожно взял мою руку, снимая поцелуем багряную капельку крови с подушечки пальца. – Я успел забыть о том, что волшебным мастерам нельзя говорить под руку.

– Никакому мастеру не следует говорить под руку, – улыбнулась я, высвобождая ладонь и обрезаю красноватым лезвием ножа льняной «хвостик». – Особенно когда подкрадываешься незаметно и заглядываешь через плечо.

– Не мог удержаться, маленькая ши-дани. – Фаэриэ скользнул кончиками пальцев по моему плечу, прикрытому тонким плащом, и едва заметно улыбнулся, почувствовав, как я сжалась от его прикосновения. – Не бойся меня. Ты дала обещание, что я не буду больше один, я же в свою очередь пообещаю, что не причиню тебе вреда. Так тебе будет легче справиться хотя бы с частью своих опасений, и, возможно, я буду пугать тебя все же меньше, чем мир людей, в котором ты оказалась.

Рейалл поднялся и, подхватив с земли холодно блеснувшую в свете костра саблю, направился к чернеющим в ночных сумерках деревьям. Ненадолго замер, словно прислушиваясь к притихшему лесу, а потом скользнул в темноту так легко и бесшумно, словно сам был частью этой тьмы, этих безопасных все еще сумерек, оставив меня в одиночестве у ярко горящего костра.

Похоже, что у Грозного Сумрака, как и у Габриэля, есть привычка уходить не прощаясь...

Утренняя роса почти моментально промочила тонкие туфельки, отяжелила подол длинного платья, жесткая трава царапала лодыжки, не раз и не два по нежной коже скользили жгучие крапивные стебли, а Рейалл по-прежнему шел впереди меня, пробираясь через густой подлесок с легкостью мерно текущей воды. Никогда не думала, что так трудно – быть лишенной большей части своих сил и умений, оставив лишь жалкую часть «на крайний случай», что ши-дани настолько беспомощны, оказавшись вне Холма в чужой Сезон, да еще и там, где обратиться за помощью не к кому. Или это только я такая беспомощная? Рейалл уже больше двух веков лишен своей силы, но это не мешает ему быть гибким, как ивовый прут, быстрым, как штормовой ветер, и огибать препятствия подобно горной реке.

Как говорил Габриэль, рассказывая о Грозном Сумраке? Фаэриэ – всегда фаэриэ. Неважно, становится он частью зимнего шторма, приливной волны или лесного пожара, заперт в замке или превращается в слепое орудие в руках более сильного... И еще фаэриэ – это всегда отражение Сумерек, вместо искры они прячут в сердце густую тень, а выражение лица меняют так же легко, как облака свою форму высоко в небесах. Поэтому любое обещание, данное им, превращается в Договор, расторгнуть который сможет далеко не каждый, а уж сдержат ли они сами данное слово – никогда не угадаешь.

Я остановилась, устало присаживаясь на поваленный древесный ствол, уже высохший и поросший мхом. Интересно, Рейалл вообще заметит мое отсутствие или же продолжит свой путь, радуясь избавлению от ненужного груза в виде осенней ши-дани, которая не умеет с легкостью природного духа пробираться через лес?

Странная здесь царит тишина. Какая-то вязкая, густая, окутывающая, как невидимый туман. Птицы почти не поют – изредка где-то чирикнет незаметная среди листвы пичужка и сразу же испуганно замолчит, затаится в древесной кроне. После Холмов мир людей кажется мне тусклым, словно вылинявшая застиранная одежда, каким-то неживым, ненастоящим, утратившим искорку волшебства, маленького природного чуда. Словно окружающий мир, когда-то бывший воздушным и сверкающим всеми красками радуги, заостенел, выцвел, стал неповоротливым и ленивым, как река, втиснутая в каменные берега и перекрытая плотиной. Неуютно здесь, неловко, словно невидимая ладонь давит на плечи, заставляя горбиться и опускать голову все ниже и ниже.

– Если ты устала, то лучше говорить об этом сразу, а не ждать, пока я замечу твое

отсутствие.

Я медленно подняла голову, без особого энтузиазма глядя на фаэриэ, насмешливо улыбающегося, сложившего руки на груди и выглядящего донельзя довольным. Как кот, наконец-то добравшийся до плохо накрытого крышкой жбана со сметаной, оставленного без присмотра нерадивой хозяйкой.

– Ты не наслаждаешься прогулкой по чудесному солнечному лесу, маленькая моя ши-дани? – Рейалл ярко улыбнулся, блеснули белые, чуть заостренные зубы. Само очарование. Только кажется таким же фальшивым, как отражение лунного диска на поверхности озера. Вроде бы как настоящее – а на самом деле всего лишь иллюзия на черной воде, холодной, глубокой.

– За тобой трудно угнаться. – Я приподняла подол платья, рассматривая исцарапанные, обожженные крапивой лодыжки.

Сейчас бы подорожника нарвать, растереть листья в кашицу да приложить к ногам – разом стало бы легче. Зря я никаких лекарств с собой взять не сообразила, поторопилась выбраться из Холма, позабыв начисто о том, что в моих силах было перехватить Кармайкла еще весной, достаточно было лишь на поклон к Майской королеве сходить, принести с собой в дар трепетно сохраняемое солнечное золото, полученное от человеческого мага в ту единственную ночь, что мы провели вдвоем. Ведь в каждом Холме свои ценности, своя плата за услугу или одолжение. Там, где осенние возьмут каплей крови, Майская королева попросит счастливое мгновение. Одно-единственное, но яркое, согревающее даже в зимнюю стужу. Золотое зернышко, из которого вырастает добрая память или надежда, алмазная песчинка, не дающая сердцу сорваться в пропасть отчаяния.

Слишком дороги оказались мне воспоминания о Кармайкле, с чьих губ я пила жаркое пламя костра, как хмельное подогретое вино, сладкое, с едва заметной горчинкой, пожалела я отдать это золотое зернышко холодной Майской королеве, рядом с которой всегда находится человек с зеленой арфой, что играет музыку льда и воды. И пусть вода – это шустрый весенний ручеек, а лед уже подтаявший и роняющий прозрачные слезы на выступающую из-под снега черную землю, все равно тепла в них нет совсем – только обещание жаркого лета.

– Просто твои туфельки, которые так хороши для прогулок по волшебному Холму, совершенно не подходят для дальней дороги. – Фаэриэ сел на корточки у моих ног, скользнул кончиками пальцев по тонким царапинам, памятке о том, как пришлось пролезать через густую лещину. – Почему ты не купила себе сапоги в деревне?

А голос мягкий, вкрадчивый. Так разговаривают с маленьким уставшим ребенком или же с девушкой-несмышленищем, которая сама рада поверить сладким словам и красивой улыбке. Я недовольно поморщилась:

– Они показались слишком грубыми.

– Маленькая моя ши-дани, для твоих прекрасных ножек любая обувь, сделанная человеческими руками, будет казаться грубой и неудобной. Придется потерпеть, если действительно хочешь добраться до Вортигерна. Туфельки твои развалятся, а босиком ты по этим дорогам и вовсе не дойдешь.

Он поднялся, в глубине дымчатых глаз затеплился сиреневый огонек, призрачный, неверный, как светлячок, кружащийся в тумане над болотной кочкой. Заманит такой «светлячок» за собой туда, где ни вешек, ни твердой земли – только зыбкая, затянутая травой грязь, топь – провалишься и сгинешь, словно не было тебя на свете.

– Ты сегодня совсем другой. – Я нахмурилась, неловко слезла с казавшегося невероятно удобным древесного ствола, отряхнула мелкий сор с подола плаща. Жарко становится, словно солнце с каждой минутой греет все сильнее и сильнее, а ведь еще даже не полдень. Как в сапогах-то ходить, если еще немного – и в туфлях неуютно станет?

– Я такой, чтобы ты перестала меня бояться. – Рей взял меня за руку, легонько провел кончиками пальцев по моей ладони. – И ты перестаешь.

– Но ведь ты сейчас притворяешься...

– Притворяюсь. Как и ты. – Он рывком притянул меня к себе, заламывая руку за спину, сильно, резко, так, что я охнула от боли и невольно привстала на цыпочки, чтобы не так было больно вывернутому плечу.

Ласковое, искреннее, выражение его лица словно рукавом смахнуло – оно пропало моментально, как солнечный блик на воде, оставив после себя лишь воспоминание. Теперь глаза Рейалла напоминали застывшую на мгновение бурю, лед холодного северного моря с прорубью зрачка.

– Так тебе нравится больше, маленькая моя ши-дани? – тихо поинтересовался он, приблизив лицо почти вплотную к моему так, что я чувствовала его дыхание, как теплое облачко, коснувшееся кожи. – Таким я лучше соответствую твоим представлениям о настоящем облике фаэриэ? Или...

Он вдруг разжал пальцы, высвобождая мое запястье из цепкого захвата – и коснулся моих губ поцелуем. Нежно, бережно, почти неощутимо – как касание крыла бабочки, как ласка теплого весеннего ветра.

– Ты так усердно притворяешься человеком, маленькая моя ши-дани, пусть даже против своей воли, что и отличить нельзя. Если не присматриваться. Ты замерзаешь по ночам, твои царапины не исчезают, подобно ряби на воде, ты не скользишь сквозь лес, как привыкла это делать в Холмах. И я притворяюсь человеком. Потому что у настоящего меня нет ни рук, ни лица, ни голоса – только тугая плоть смерча, раскаты грома в ночном поднебесье, капли дождя вместо слез. Для тебя, маленькая ши-дани, я хотел побыть более приятным в общении. – Рейалл разжал объятия и отступил на шаг, чуть склонив голову. – Идем, здесь недалеко есть поселение – в воздухе пахнет печным дымом.

Фаэриэ пришлось потянуть меня за рукав платья, чтобы я сдвинулась с места и покорно поплелась следом за ним к невидимому пока за стеной деревьев селению. Я была сбита с толку, растеряна, но почему-то сильнее всего боялась, что он оставит меня в одиночестве, что сочтет меня слишком большой обузой, ускорит шаг, оставив меня позади, как тогда, на дороге перед замком, много лет бывшим его персональной тюрьмой, аметистовой клеткой, лопнувшие прутья которой оставили осязаемый след на моей правой руке, невидимую печать взломщика заклинания.

Страшнее людской погони, которая наверняка будет отправлена на поиски сбежавшего Грозового Сумрака, страшнее самого Рейалла, славного дурным, скорым на расправу характером и мечом из холодного железа был мир людей, встречавший любого пришельца неприветливым оскалом.

Кто сильнее – тот и прав.

Первый урок, который преподали мне люди, повстречавшиеся в деревне рядом с мысом Иглы.

Не поленились выследить меня, по глупости заплатившую золотом за нехитрые вещи на базаре, а поняв, что защитить меня некому, захотели взять не только ярко-желтые монеты, с которыми я была готова расстаться без малейшего сожаления, но и меня саму. Если бы не фаэриэ, с которым я провела ночь в замке, внезапно появившийся с приходом грозы, – мне пришлось бы на себе познать то, о чем изредка плакали девушки, приходившие на северный Холм в надежде на защиту у мудрых снежных зверей. Серебро, приносимое ими на каменный алтарь, украшенный хрустальными друзьями, до первого снега постепенно чернело от проливаемых небом дождей, ветра и непогоды, а потом пропадало, словно кто-то из зимних все-таки принимал подношение.

А с наступлением тепла в Весенних ручьях появлялась новая история, рассказываемая шепотом в тусклом свете одинокой свечи. О том, как снежные волки настигали обидчика суровой зимней ночью, и нипочем им было холодное железо, висевшее над окнами дома – тогда от лютой стужи трескали толстые бревенчатые стены, злой ветер сдувал крышу, вымораживал сени так, что поутру трескалась бочка с водой, превратившейся в лед. Мороз и голод рано или поздно вынуждали человека выйти из дома для того, чтобы навеки сгинуть в пугливо затихших под белым снежным покрывалом охотничьих угодьях. Впереди наметился

меж деревьев просвет, узкая извилистая тропка расширилась, превратилась в нахоженную лесную дорогу, которая вскоре вывела нас к небольшой, всего на восемь домов, деревеньке, окруженной хлипким, потемневшим от времени и непогоды, забором. Белые дымные струйки вяло поднимались над печными трубами, где-то мерно стучал топор, раскалывающий деревянные полешки на неровные колышки, которые пойдут на растопку очага в человеческом жилище. Слева от деревни под порывами ветра колыхалось травяное море, пересеченное тропками, – судя по пугалу с битым горшком вместо головы, посевам, которые осенью дадут урожай. Если, конечно, лето здесь не окажется чересчур дождливым или засушливым.

Ржавые петли мучительно, противно заскрипели, когда Рейалл открывал вросшую в засохшую грязь побитую непогодой створку ворот. Где-то хлопнули ставни, залаяла собака. Из-за невысокого тына перед домом с прибитой над дверным косяком лошадиной подковой выглянула пожилая женщина в цветном шерстяном платке, наброшенном на плечи. Окинула нас с Реем усталым, чуточку испуганным взглядом и поторопилась скрыться в доме, так и не сказав ни слова.

– Похоже, чужакам здесь не очень-то и рады, – улыбнулся фаэриэ, взяв меня за руку и почти силой заводя в деревню. – Не пугайся, милая. Здесь нет никого, кто мог бы тебе навредить.

С треском захлопнулась за моей спиной разошедшаяся створка, прищемив краешек плаща, эхом прокатился тонкий хрустальный звон, словно ударились друг о друга стеклянные крылья, разбиваясь на тысячи мелких осколков, превращаясь в сверкающую пыль, в колкий нetaющий снег. Я ахнула, вздернула подбородок, оглядываясь вокруг.

Ничего и никого – та же летняя небесная синева над головой, пышущее золотым жаром солнце, больно резанувшее по глазам слишком ярким лучом, тихие перешептывания ветра с кронами деревьев. Только в ушах все еще стоял стеклянный звон, болезненно ныло нехорошее предчувствие в груди – как будто в ней засела тонкая иголочка-спица, неосязаемая почти, но мешающая вздохнуть полной грудью.

Что-то нависало над этой крошечной деревенькой словно душное плотное облако, накрывало дома серой, едва заметной среди солнечного дня, тенью. Неуютное что-то, беспокойное, тревожащее.

– Фиорэ? – Рейалл тронул меня за плечо, разбивая сгустившуюся вокруг меня подобно туманному облаку зыбкую тишину.

– Мне... неуютно как-то. – Я оглянулась вокруг, замечая, что из соседних домов выходят люди, рассматривая нас со смесью недоверия, тоски и, как мне показалось, жалости.

– Неудивительно – здесь над входом каждого дома холодное железо висит, – усмехнулся фаэриэ, беря меня за руку. – Не бойся, ложись на меня.

Легко ему говорить.

Рейалл сильнее сжал мою ладонь, потянул к людям, вышедшим на дорогу. Он приближался к ним и менялся с каждым шагом, становясь все более неуклюжим, более... человекоподобным. Пропала, скрылась в глубине тела текучая грация и неестественная плавность движений, легкие, развевающиеся при малейшем дуновении ветра волосы, прижатые ко лбу тонким кожаным обручем-плетенкой, отяжелели, утратили аметистовый отблеск и посветлели, разом переставая напоминать сгустившееся грозное облако – теперь это была просто ранняя седина, не тающим снегом запорошившая когда-то черные пряди.

Я шла рядом с человеком, уже перешагнувшим тридцатилетний рубеж, красивым благородной, но уже увядающей красотой. Такой мог быть кем угодно – и рыцарем, оставившим свою службу, и незаконнорожденным сыном высокопоставленного господина, но не фаэриэ, не живой стихией, вынужденной ютиться в тесной и неудобной оболочке из плоти и крови.

Право слово, даже я не могла бы так легко и непринужденно «очеловечить» себя всего за те несколько мгновений, что Рейалл потратил, чтобы подойти к жителям этой маленькой, потихоньку вымирающей, деревеньки в стороне от наезженного торгового пути. Я молчала и

жалась к фаэриэ, пока тот кланялся в пояс солидному мужчине в льняной рубаше, подпоясанной широким кожаным поясом, на котором висел тяжелый охотничий нож с деревянной рукоятью.

– День пригожий, добрые люди. – Рей поклонился, неуклюже, скованно, словно тяжело ему было сгибать спину из-за застарелой раны или болезни. – Пустите ли на постоя до завтрашнего утра? Мы с женой отстали от торгового каравана, что шел на север, и попали в разбойничью засаду...

Мой спутник заливался соловьем, рассказывая на ходу придуманную легенду так складно и прочувствованно, что я сама была готова поверить в то, как тяжело было моему «мужу» уходить от погони через ночной лес, и, если бы не дождь, смывший наши следы, вряд ли удалось нам скрыться. Перечисление тягот, которые выпали на мою женскую долю, вообще были мне непонятны, поэтому я молчала, изредка кивая и во все глаза глядя на Рейалла, втайне ожидая, когда же жители деревни поспешат избавиться от столь болтливых и надоедливых гостей.

Как оказалось – я слишком плохо знала людей.

Всего за несколько минут фаэриэ добился приглашения на ночлег и всеобщего сочувствия, а еще через полчаса мы сидели за выскобленным добела массивным столом, с грубоватой, отполированной временем резьбой и наблюдали за хлопотами суетливой пышнотелой хозяйки. Горьковатый запах сушеной полыни, висящей над каждым окном, едва ощущался за ароматами сытной пищи, готовящейся над добротным сложенным из грубо обтесанных камней очагом.

Интересно, какой нечисти здесь так бояться, если над каждым косяком и дверным ставнем висит оберег, а хозяева украдкой косятся на прибитую под потолком железную подкову?

Фаэриэ глуховато, раскатисто рассмеялся в ответ на какую-то шутку хозяина дома и ненавязчиво приобнял меня за талию кажушимся привычным собственническим жестом. Я вздрогнула, опустила глаза.

Не умею я разыгрывать из себя человека, а уж то, чем является «жена», – и подавно. Знаю только, что такая женщина должна побольше молчать и ухаживать за мужем и хозяйством, забывая о собственных желаниях и предпочтениях. Преподать урок молчания Рейалл мне уже успел, но насчет всего остального я сильно сомневалась, равно как не понимала, почему фаэриэ представил меня именно в таком образе. Насколько проще мне было бы прикинуться случайной попутчицей, с которой просто оказалась одна дорога в нужном направлении, но... Слово уже сказано, и оставалось только отмалчиваться в ответ на все расспросы, надеясь, что рано или поздно мы с Реем останемся наедине и он соизволит рассказать о причине такого странного для меня выбора.

Где-то за приоткрытыми ставнями глухо стукнула калитка, звонко залаяла собака. В узкую щель между оконными створками скользнул ледяной порыв ветра, в котором слышался перезвон бьющихся стеклянных крыльев, а затем словно лопнула тонкая струна, кончики которой свились в тугую спираль, да так и застыли. Краем глаза я уловила движение, словно тень на стене на миг ожила, шевельнулась, но почти сразу же замерла, будто бы боясь выдать себя раньше времени.

Словно хищник, поджидающий неосторожную добычу.

ГЛАВА 7

Мой сон был тяжелым, как гранитная плита, вязким, как болото, и душным, как летняя ночь в маленькой тесной комнатухе с закрытыми ставнями. Я часто просыпалась, с тревогой оглядывалась по сторонам – и снова падала на неудобный тюфяк, набитый сухой травой и брошенный прямо на пол. Прохладный ветерок проникал в щель между неплотно прикрытыми ставнями, ласково перебирал спутанные кудри, осторожно оглаживал призрачными пальцами лицо, развеивал беспокойство, поселившееся во снах. К сожалению,

ненадолго.

Сны становились все тяжелее, затягивали в омут кошмара все сильнее и дальше, а рядом не было никого, кто мог бы разбудить, провести теплой ласковой ладонью по лицу, отгоняя ночные страхи. Никого, за чье прикосновение или тихий голос можно было бы ухватиться как за спасительную веревку – и высвободиться из серого паучьего кокона тревожного сна, который у ши-дани зачастую становится если не пророческим, то предвещающим беду.

Бесконечные коридоры, из которых нет выхода, где приходится пробираться на ощупь, водя пальцами по сырým стенам, покрытым скользкими наростами, куда не проникает солнечный свет, а воздух кажется все бо лее сырým и спертým. Тишина, залепляющая уши. Тон кие паутинные нити, опускающиеся откуда-то сверху, липнущие к волосам и лицу, затягивающиеся на руках, подобно шелковым струнам, обвивающие шею, как причудливое ожерелье ... Только вот ожерелье это затяги вается, как петля висельника, безжалостно сдавливает горло так, что нельзя ни вскрикнуть, ни позвать на по мощь. Остается только медленно задышаться, чувст вую, как белесая, едва заметно светящаяся во мраке па утина сжимает все туже и туже ...

Золотая искорка в темноте – как свет далекого ма яка, как лепесток свечи.

Огонек такой теплый, настоящий, живой, что хо чется взять его в руки, обогреть озябшие пальцы и со хранить эту хрупкую искорку, сберечь от порывов хо лдного ветра, место которому лишь в могильном скле пе.

Я хочу проснуться ...

Огонек вспыхивает ярче полуденного солнца – и сон разлетается на куски, как хрустальная чаша, в сердцах разбитая о каменный пол ...

Темнота, на этот раз реальная, наваливается перегретым на солнце тяжелым войлочным пологом, перед глазами тускло мерцают алые огоньки-точки. Ладонь холодит гладкая рукоять дареного Холмом ножа, пальцы ощущают узорчатую поверхность лезвия, тонкие прожилки-выемки.

Хочется спать, веки становятся все тяжелее. Алые огоньки приближаются, маячат перед лицом – и я ощущаю тяжесть на груди, сухую узкую ладонь, давящую на горло. Страх моментально вытягивает меня на поверхность из зыбкой трясины сна, я машинально сжимаю ладонь на рукояти ножа, неловко, неумело – и потому острое лезвие раскраивает надвое подушечку мизинца...

Золотом вспыхнул янтарь в оголовье, озарил половину комнаты и существо из Сумерек, что устроилось у меня на груди, склонив уродливую старушечью голову к моему лицу.

Бруха, ведьма, Отбирающая Жизни.

Пр-р-рочь!

Взмах рукой, удерживающей светящийся алым нож в форме вытянутого листа.

Брызнувшая на лицо холодная, жгущая как щелок кровь... От визга сумеречной закладывает уши, мороз по коже пробирает, но сухая ладонь отдергивается от моей шеи, и существо оказывается на потолке, цепляясь за струганные доски крошечными коготками на кончиках трехпалых паучьих лап.

С треском распахнувшаяся дверь, порыв студеного ветра, скользнувший по лицу, взмах длинной, чуть изогнутой сабли, от которой веет кузнечным жаром и морозным дыханием лютой зимы. Холодное железо, отогнавшее бруху куда лучше, чем мое слабое колдовство...

– Ты в порядке?!

Рейаллу пришлось повторить вопрос еще раз, а для верности еще и встряхнуть меня за плечи, чтобы я перестала сверлить взглядом окно, через которое выпрыгнула бруха, таща за собой неровный шлейф из серой паутины, обрывки которого опаленными на кончиках шелковыми нитями свисали с моей шеи.

– Да.

– Не слышу, повтори!

– Да, да, в порядке. – Я принялась обирать с волос и одежды клейкую паутину, которая таяла у меня в руках, обращаясь в туман, пропадая без следа, истаявая, как снег под жаркими лучами весеннего солнца.

– У тебя на лице кровь. – Теплые пальцы фаэриэ скользнули по моей щеке, стирая темные, пахнущие почему-то болотной тиной капли.

– Это не моя.

– Разумеется, не твоя. Кровь ши-дани не воняет сыростью подземелий и холодной трясиной. Она жаркая, алая и сладко пахнет железом. – Рейалл тихо усмехнулся, подошел к окну, выглядывая в постепенно светлеющую летнюю ночь. – Далеко бруха не уйдет. Она, похоже, много лет кормится у этой деревни, значит, и логово ее где-нибудь рядом. Бояться ей здесь некого, вот и обнаглела донельзя, каждого приезжего старается пометить как свою добычу. А за подобную наглость рано или поздно приходит расплата.

– Рей, ты куда собрался? – Я шагнула к нему, коснулась рукава расстегнутой на груди рубашки. – Не уходи, она до рассвета не вернется, а днем и подавно не покажется.

– Разумеется, не вернется. Но я очень хочу поразмяться, – Рей наклонился, его неровно остриженные волосы прикосновением перышка защекотали мою шею. – Ложись спать, милая. Я все улажу.

Шелест выскользнувшего из кожаных ножен на поясе широкого охотничьего ножа, светлое лезвие, едва заметно светящееся в серой предрассветной мгле, глубоко вошедшее в рассохшееся дерево подоконника так, что можно было и не думать о том, чтобы вылезти через небольшое окно, не задев оружия. Я ахнула, невольно отступая от пышущего жаром и стылым холодом лезвия, растеряннo глядя на фаэриэ.

– Это чтобы тебе было спокойнее, маленькая ши-дани. И мне заодно.

Он вышел за дверь раньше, чем я успела последовать за ним, а очнулась я лишь после того, как стукнул, опускаясь, деревянный засов с той стороны.

– Рей?

Тишина в ответ.

Я подбежала к двери, дернула за грубо обтесанную деревянную ручку. Он что, запер меня?! Решил отправиться в одиночку за проклятой ведьмой, что боится солнечного света и оказалась ослаблена в доме, где было холодное железо? Но ведь на воле она станет гораздо опасней, тем более что наступает «волчий час» перед самым рассветом, когда сумеречные твари наиболее сильны, а некоторые могут продолжать нападать, не чуя боли от прижженных холодным железом ран и опасаясь смертоносного металла не больше, чем обычной стали, закаленной в кузнечном горне.

– Рейалл!

Сумерки вокруг меня сгустились, холодный ветер, скользнувший в окно, досадливо хлопнул ставнем, словно напоминая о недавнем предупреждении, об уроке молчания, за который я заплатила страхом остаться в одиночестве в мире людей, пугающем гораздо сильнее ножа, скользящего на волосок от моего горла. Не догнать мне фаэриэ, который чует сумеречных так же хорошо, как я – духов леса в осенний Сезон, того, кто, несмотря на заточение в тюрьме из плоти и крови, может быть быстрее ветра, гибче озерного тростника и сильнее горного потока, с грохотом переворачивающего камни и раскалывающего скалы в поисках нового русла.

Не догнать... Но можно попытаться прийти вовремя.

Я торопливо накинула поверх зашитой сорочки верхнее платье, застегнула узорчатый пояс с маленьким кошельком, где лежала моя золоченая флейта с вьющимся, как побеги плюща, узором на тонких тростниковых трубочках, скрепленных воском. Подхватила с лавки полупустую сумку, куда положила бритвенно-острый дар Холма, и с плащом в руках подошла к воткнутому в подоконник охотничьему ножу.

Страшно даже дотронуться до него, приблизиться так, чтобы подрагивающие пальцы ощутили жар и холод смертоносного металла. И плотная ткань плаща, захваченного из Осенней рощи, уже не кажется надежной защитой для моих рук. Но я не могу ждать рассвета

здесь, в безопасности, пока Рей ищет в предрассветной мгле хищную, голодную и обозленную легкой раной сумеречную тварь.

Ведь я обещала, что он не будет один.

Руки обожгло болью даже через несколько слоев ткани, когда я взялась за рукоять крепко вбитого в подоконник охотничьего ножа...

Как легко понять тех, кто по доброй воле присоединяется к Дикой Охоте, раз в году проносящейся над миром людей! Кто вливается в вереницу павших воинов и призванных волей самого страшного, самого безжалостного в своем холодном безразличии ши-дани не из-за страха перед участью жертвы, а из-за стремления самому стать охотником. Почувствовать сладость погони, жар, разливающийся по телу во время неистового бега, экстаз в момент, когда Охота настигает выбранную жертву, и каждому из свиты достается капля крови и глоток чужого страха.

Фаэриэ несясь сквозь тишину летнего леса, сквозь холодную предрассветную дымку, мельчайшими капельками оседавшую на лице и волосах. Кровавый след, оставленный брухой, вел его так же уверенно, как светящаяся дорожка, проложенная через чащу. Запах болотной тины, влажного, холодного тумана, поднимающегося над трясинной. Запах разложения, едва ощутимый, почти перебивающийся лесной свежестью и ароматом примятой травы. И земляники, спелой, душистой, прячущейся под невидимыми в темноте круглыми зубчатыми листочками.

Рейалл улыбнулся, замедляя шаг и оглядываясь по сторонам. Сердце билось пока еще ровно, неторопливо, но уже чувствовалось сладостное, почти забытое ощущение охоты за намеченной жертвой. Его ночная госпожа, Королева рожденных в кузнечном горне Мечей, иногда отправляла своего любовника в ночные сумерки, чтобы он возвращался под утро на ее ложе, покрытый чужой кровью, неважно, холодной ли, пахнущей тинной, или теплой, уже остывающей, темно-красной, оставляющей привкус меди на ее четко очерченных губах.

Прекрасная Мэв любила жестокие игры...

Бруха прыгнула откуда-то сверху, но острые коготки на длинных паучьих лапах лишь распорили воздух там, где мгновение назад стоял фаэриэ. Тихий шелест выскользнувшей из ножен сабли, резкий взмах тускло светящимся в темноте лезвием снизу вверх – и пронзительный визг сумеречной старухи, лишившейся одной из конечностей.

Слишком легкая охота не приносит ни радости, ни удовлетворения.

– И это все?

Зашипели, испаряясь со светлого лезвия, потеки холодной крови. Алые точки-зрачки полыхнули злым потусторонним пламенем, ночная ведьма качнулась назад – и вдруг провалилась в густую тьму, окутывающую корни вековых деревьев, скользнула в родные сумерки, на изнанку тени, где не достать ее ни фаэриэ, ни ши-дани. Только люди, одаренные бессмертной искрой-душой, могут проникнуть следом за сумеречными тварями в их прибежище или же вынудить покинуть его раньше времени, до того, как первый солнечный луч до вечера запечатает прибежище проклятой нечисти.

Собственная тень окатила плечи Рейалла леденящим холодом, вгрызлась в спину бешеной собакой, пуская по коже горячие ручейки крови, навалилась стылой могильной плитой, пригибая к земле непомерной тяжестью.

Обжигающий, соленый вкус крови во рту. Вдох, с хрипом вырвавшийся из пробитой насквозь длинной тонкой паучьей лапой груди.

Фаэриэ улыбнулся. Широко, открыто.

Радостно.

– Уже лучше.

Прошло то время, когда Грозового Сумрака можно было напугать болью или стремительно утекающей вместе с багряной кровью жизнью, из своего ли тела, чужого ли – какая разница? Проклятый замок, завернувший линию его жизни в острое, поросшее стальными иглами и стеклянными осколками, кольцо, вытравил из фаэриэ страх перед смертью и перед болью. И, словно в насмешку, привил тягу к проверке того предела,

насколько близко позволяло тело из плоти и крови подобраться к грани, за которой начиналось небытие.

Звонкой, поющей железной лентой взлетела разом отяжелевшая сабля, одним ударом срезала со спины сумеречную ведьму, «паучью смерть». Конвульсивно дернулась глубоко засевшая в теле бледная холодная лапа, запахло болотной тиной и раскаленным до золотого сияния белого блеска металлом, опущенным в ледяную воду.

Больно. Холодно.

Но тело переполняет пьянящая, жестокая радость. Если при каждом вздохе грудь пронизывает острая режущая боль – то он еще жив. Еще есть возможность вступить в поединок, вернуть себе позабытое ощущение неуязвимости. Или умереть, если окажешься слабее. По-настоящему умереть, не мечась по безвременью в тисках аметистовой клетки, не просыпаться невредимым с ненавистной мыслью о заключении.

Стать свободным, свободней ветра, подняться выше неба, к самым звездам, что холодными бриллиантами горят где-то в вышине, скрытые за тяжелым плащом седых облаков.

Треск тоненьких веток кустарника, через который пробирались неумело и явно вслепую... Негромкий, горестный стон, так не похожий на крики, издаваемые брухой...

Ши-дани ... Глупая ... Моя ...

Вспышка золотистого солнечного света, больно резанувшая привыкшие к предрассветной мгле глаза, заставившая зажмуриться и отвернуться. Поплывший по лесу аромат ранней осени, пропитанной дождем палой листвы и жарко горящего костра.

Запах свежего хлеба, яблочного вина и напоенного летним теплом позднего меда.

Запах георгинов, пчелиного воска и родного дома... Бруха жалобно ныла, уткнувшись искаженным лицом в мягкий лесной мох, словно пытаясь зарыться в землю или скрыться в густой тени, отбрасываемой поваленным древесным стволом, но полуденный солнечный свет, неведь откуда появившийся за полчаса до рассвета, приковал ночную ведьму к месту куда надежней деревянного кола, вбитого промеж лопаток.

Ши-дани стояла в небольшой прогалине, и над ее головой висел в воздухе красноватый нож в форме ивового листа, на лезвии которого запеклась свежая кровь. Расплавленным золотом сияла капля янтаря в оголовье, ее отблески скользили по растрепанным каштановым косам Фиорэ, превращая их в солнечно-рыжие, в медно-красные пряди, стирая с лица девушки простоватую человеческую маску и высвобождая то, что люди легкомысленно называли «феей Холма».

Осенняя королева, душа той солнечной Роши, что разноцветной стеной встала за спиной Фиорэ, такая реальная, осязаемая, словно стоит сделать шаг вперед, протянуть руку – и окажешься на волшебном Холме, где нет ограничений, нет Условий колдовства, кроме тех, что поставит воля хозяина или хозяйки перед гостем.

– Вы действительно... не покидаете... своего дома...

Красным цветком развернулась плотная ткань плаща в руках ши-дани, стальным блеском сверкнула в свете полуденного солнца сердцевина, синей звездой вспыхнул на острие тяжелого охотничьего ножа золотистый луч.

Легкая улыбка тронула потрескавшиеся, залитые липкой подсыхающей кровью губы фазриэ.

Не удержало маленькую ши-дани холодное железо, преграждающее путь, не остановило глубоко засевшее в деревянном подоконнике лезвие, не испугала боль от прикосновения. Ведь наверняка жжется рукоять, несмотря на обернутые плащом ладони, больно жжется, оставляя следы на нежной коже, – и все равно она держит его, едва заметно морщась и поджимая четко очерченные губы.

За спиной высокой, статной ши-дани взвилась тугая плеть ветра, завернувшая падающие листья в причудливую спираль, в неистовый танец, кольцом надежных объятий окруживший осеннюю королеву. Несколько ярких кленовых звездочек выскользнули из сверкающего полуденным солнцем кокона, плавно опустились в шаг от упавшего на колени

фаэриэ. Блеснула золотая пыль, покрывающая тонкие прожилки, лунным камнем почудилась прозрачная роса на волшебных листьях.

Рейалл закашлялся, выплюнул на окрасившуюся багрянцем траву черные сгустки крови, качнулся вперед, ударяя наискось по шее ночной ведьмы, отсекая низко опущенную голову начисто.

Солнечный свет, танцующий вокруг Фиорэ, разом погас, густая тьма моментально ослепила, навалилась тяжелым душным одеялом.

Шелест травы, треск разорванной ткани.

– Сядь, я не дотянусь!

Голос звонкий, высокий, почти срывается на крик, дрожит от непролитых слез, от боязни. Маленькая ладонь с силой давит на здоровое плечо, заставляет усесться прямо на скользкую, липкую, холодную траву.

– Ты не могла... хотя бы отвести меня в сторону? – Усмешка все-таки скользнула в голосе, ши-дани замирает, обиженно, непонимающе, морщится, словно он спросил какую-то несусветную, неуместную глупость.

– Сейчас это имеет значение?

– Теперь – уже нет.

Пропитанная кровью рубашка с трудом отклеивается от кожи, бережит края раны, уже подживающей, срастающейся с отсеченной конечностью брухи. Фиорэ сдавленно ахнула, подалась назад, растерянно опуская испачканные кровью руки.

– Тебе придется вытащить из меня этот подарочек Сумерек, милая. – Рей улыбнулся, широко, открыто, чувствуя, как трескается на губах засохшая кровяная корка. – Не бойся, я не умру. Проверял.

– Не позволю, не надейся.

– Вот и чудесно...

Ее руки сжались на обрубленной конечности, сильно дернули, извлекая прощальный «подарочек» брухи из раны...

... Слепящий после ночных сумерек свет пропадает, растворяется в седой, медленно тающей пелене густого тумана, окружающего со всех сторон. Небо над головой – высокое, далекое, прозрачно-зеленое, ледяное. Звезды – зыбкие, неуверенные, грозящие вот-вот погаснуть, словно искорки затухающего костра. Призрачное сияние в небесах переливается всеми цветами радуги, как волшебное полотнище, сотканное руками древних богов для невесты Луны, для будущей царицы ночного неба, для юной покровительницы влюбленных, отчаявшихся и тоскующих по чему-то безвозвратно ушедшему или несбыточной мечте.

Мелодичный перезвон серебряных колокольчиков, тающие в стылом воздухе переливы тонких, туго натянутых струн арфы, музыка льда и воды, музыка хрустальных осколков сплелась вокруг него тугим завораживающим коконом, разбила хрупкую аметистовую клетку, позвала за собой в заметенные снегом ледяные пустоши.

Что еще нужно ветру, кроме бесконечной равнины, над которой можно лететь, не встречая препятствий, наслаждаясь абсолютной свободой? Чего еще желать фаэриэ кроме свободы быть собой, свободы быть открытым перед собой и пронзительно-ярким небом, свободы не подчиняться никому и ничему, существовать в своем истинном облике и в сумерках, и в свете солнца, позабыв о навязанных невест кем Условиях?

Ничего не надо. И никого.

Рейалл сделал несколько шагов вниз по заметенной колким хрустящим снегом тропе, ведущей вниз, в расстилающуюся перед ним долину, похожую на огромную хрустальную друзу, на сказочную пещеру, заполненную сокровищами, где вместо низкого сводчатого потолка – светло-зеленое северное небо. И каждый шаг был все быстрее и быстрее, а на белом снегу оставались тусклые сиреневые обломки, остатки аметистовой клетки заклинания, удерживающего его вначале в замке, а потом и внутри опостылевшей человеческой оболочки. Если бы маленькая ши-дани не расшатала эту клетку всего за одну ночь любви без оглядки...

Воспоминание кольнуло внутри острой раскаленной иглой. Фаэриэ замедлил шаг, а потом и вовсе остановился, задумчиво глядя на мертвую долину, по-прежнему манящую алмазным отблеском снежных дюн, широким простором и холодной безмятежностью.

Маленькая ши-дани... Имени не вспомнить, не оглянуться назад, не вернуться туда, откуда пришел – внезапно поднявшаяся вьюга замечает следы, скрывает обломки аметистов под слоем колкого крупитчатого снега, больно хлещет по глазам невидимой холодной ладонью.

В ледяные пустоши, что лежат на пути фаэриэ к *пос лесмертию*, очень легко прийти, но выбраться из них самому уже невозможно. Только если не позовет кто-то, оставшийся по ту сторону роковой черты, если не протянется ниточка из мира живых. А где взять эту ниточку, золотую паутинку, коли накопившийся за долгие годы груз чужих проклятий мечет в лицо пригоршни снега, толкает в мертвые равнины порывами ветра, ледяными кандалами сковывает ноги, не давая вернуться назад?

Струны призрачной арфы зазвенели еще громче, еще звонче, почти заглушая песню ветра, тонкую, хрупкую ноту, выводимую далекой флейтой. Даже не ноту – отзвук ноты, призрачное эхо, доносящееся из-за горного хребта. Робкая мелодия, выводимая высушенными на солнце коленцами косо срезанного тростника, принесла с собой теплое дыхание пряного осеннего ветра, каким-то чудом пробившегося сквозь ледяной зимний буран. Пронзительно-яркое воспоминание о рассыпавшихся по белой подушке каштановых кудрях с горьковатым ароматом осеннего костра, в котором жгут в середине осени палую листву, запах последних цветов и позднего густого меда, спелых яблок и свежее выпеченного хлеба. Рейалл!

Флейта запела громче, уверенней, ведя за собой вверх по склону, через слабеющую зимнюю бурю, прочь от ледяных бесплодных пустошей под зеленым небом, от долины мертвых, которая держит куда прочнее аметистовых оков. Музыка теперь не просто просила вернуться – приказывала, притягивая произнесенным когда-то вслух тайным именем, маня обещанием солнечного тепла и обретением родного дома, где будут рады даже бывшему узнику проклятого замка на мысе Иглы.

«Слушай мою флейту, что выведет тебя из страны мертвых, иди на ее голос, следуй за ней как за проводником, что крепко держит твою руку, доверься этой песне, даже если тебе покажется, что ты бродишь вслепую по заколдованному кругу...»

Маленькая ши-дани?

Фиорэ!

Рейалл поднялся на вершину холма – и тропа оборвалась, поглощенная густым белесым туманом, клубы которого свивались в причудливые завитки и спирали, танцевали в воздухе, рождая миражи, призраков, среди которых было так легко затеряться, сбиться с пути, даже если проводником является тростниковая флейта в руках ши-дани.

Где-то далеко в глубине туманного моря заблестел крошечный рыжий огонек, такой яркий, что свет его пробился даже сквозь стылую туманную мглу, протянул золотую путеводную ниточку к фаэриэ. Крошечный маяк, зовущий к солнечному рассвету среди ледяных сумерек.

«Для тебя я зажигаю свечу на окне, чтобы не сбили тебя с пути ни буря, ни снег, ни туман, ни чужое колдовство. Дикими травами закляну я твою дорогу, чтобы она привела тебя к дому, где ждут тебя, узника замка с мыса Иглы».

Туман внезапно отхлынул, как океанский прибой, отступил назад, впитался в землю, усыпанную ярким лиственным ковром, растаял без следа перед полыхающим посреди маленькой лесной полянки костром.

Хрупкая мелодия флейты смолкла, девушка, сидевшая в опасной близости от огня, подняла кудрявую голову, увенчанную пышным венком из кленовых листьев, плодов кроваво-красного боярышника и золотых пшеничных колосьев. Улыбнулась так, как улыбалась его маленькая ши-дани во сне на скомканных белоснежных простынях.

Осенняя королева, чьи глаза стали отражением теплого высокого неба, волосы словно

вобрали в себя краски осенних листьев, а сжимающие золоченую тонкоголосую флейту руки – хрупкие, тонкие, нереальные, как у предутренней грезы о единственной возлюбленной. Серая шаль, согревающая изящные узкие плечи – как шлейф осеннего тумана над рекой, улыбка – солнечный луч, скользнувший по лицу в пасмурный день.

– Я ждала тебя, Рейалл.

Судорожно сжатые пальцы, неуверенный шаг вперед, к костру, к теплу девичьих рук осенней королевы.

– Зачем?

Она поднялась с земли, лунно-белое платье зашелестело, будто бы порыв ветра скользнул по яблоневым верхушкам, потревожив цветные листья.

– Ты мне нужен...

И соприкосновение пальцев – как долгожданное тепло родного дома, встретившее после тяжелого пути сквозь холод и ненастье...

– Сыграй мне еще... на своей золотой флейте.

Я вздрогнула, резко приподнялась на локте, вглядываясь в бледное, с темными кругами под глазами, с перемазанным кровью подбородком лицо Рейалла. Взгляд все еще замутненный, но уже осмысленный, в нем уже не отражается зимний холод другой стороны, где так легко заблудиться и не найти дороги назад, пустого ледяного безвременья, пробирающего мелкой боязливой дрожью спину.

Живой, вернулся...

– Сыграю. – Я ласково скользнула ладонью по его спутанным, слипшимся от пота волосам, улыбнулась, отстраняясь и пытаясь отколупнуть намертво приставшую к коже кровавую корку. Бесполезно, без хорошей щетки и мыла даже пытаться не стоит.

– Ты жестока, маленькая ши-дани. – Рей протянул ко мне вымазанную красновато-коричневым руку, сильным движением привлек меня к себе, зарываясь лицом в растрепанные кудряшки. – Ты лежишь рядом со мной обнаженной как раз тогда, когда моих сил слишком мало, чтобы воздать должное твоей красоте.

Теплые пальцы, покрытые шероховатой корочкой засохшей крови, скользнули по моей спине вдоль позвоночника, огладили бедро, чуть щекоचा кожу.

– Не думал, что тебя возбуждает мужчина с дырой в груди, покрытый своей и чужой кровью. – Его голос понизился до шепота, тихого, с шипящими змеиными нотками, с рокошущими отзвуками далекой грозы. – Что твое сердце можно заставить сладостно трепетать подобным зрелищем. Я ведь наивно думал, что ты нежный и хрупкий цветочек, выросший в теплице под волшебным Холмом, а оказалось, что я принял за безобидное растение... Что, Фиорэ? Поделись, раз уж мы с тобой так близки друг к другу? Чего я не знаю о «добрых феях»?

– Пусти, Рей! – Я попыталась отодвинуться, но рука фаэриэ напряглась чуть сильнее, так, что мне почудилось, будто бы под гладкой незагорелой кожей скрываются стальные прутья, железные пластины, а не жилы и мышцы. – Больно же!

– О, по сравнению с моими ощущениями этой ночью, твои нынешние переживания просто смешны. – Он слегка ослабил «объятие», ровно настолько, чтобы я смогла приподняться на локте и заглянуть ему в лицо, и улыбнулся «дружелюбным» оскалом Сумерек, усмешкой бездны, перечеркнутой изломанными стрелами молний. Я лишь покачала головой и осторожно высвободила из-под плаща, которым мы были укрыты, левую руку, покрытую сетью уже подживающих глубоких порезов от запястья до локтя.

– Не будь так самоуверен. Ведь выводить фаэриэ с порога страны мертвых – не самая легкая задача. В какой-то момент начинаешь чувствовать слишком многое, и приходится наносить себе рану за раной, чтобы боль удержала в мире живых. Раз за разом, стоило только сердцу сбиться с общего ритма. – Ладонь фаэриэ бессильно соскользнула с моей талии, и я кое-как села, не стесняясь своей наготы. – Если бы мои возможности не были ограничены Сезоном, я исцелила бы тебя за несколько минут, но... сейчас я слишком слаба, и единственное, что могла сделать, – не дать тебе уйти в ледяные пустоши, пока твое тело

исцеляется само по себе.

– Иногда даже этого «немного» оказывается более чем достаточно.

Рей медленно сел, осторожно расправил плечи, скользнул кончиками пальцев по тоненькой гладкой коже на месте сквозной раны в груди, недоверчиво покосился на меня, шурясь от лучей яркого летнего солнца, пробивающихся сквозь густую листву и золотистыми пятнами света лежащими на бледную, чуть отливающую перламутром кожу фаэриэ. Я смотрела на него во все глаза, с трудом удерживаясь, чтобы не дотронуться до этой мерцающей отблесками драгоценных камней красоты, – ведь даже перемазанный засохшей кровью, измученный пребыванием в ледяных пустошах, Рейалл оставался живой стихией, скрытой внутри оболочки из плоти и крови. С текучей грацией движений, с клубящимися в глубине радужек грозowymi свинцово-сиреневыми облаками, с аметистовым отблеском на спутанных, неровно обрезанных лезвием ножа темно-серых волосах.

– Я хотела бы увидеть, каким ты можешь быть свободным...

Тихий восторженный шепот, сорвавшийся с губ.

Рей вздрогнул, резко обернулся, волосы взметнулись в воздухе косо срезанным веером – и опали на плечи тонкими прядками-лезвиями цвета седых облаков.

– Тогда освободи меня, маленькая ши-дани.

Где-то запела птица, зашелестела листва под порывами летнего ветерка.

Напряженная тишина в ожидании ответа – как перед первым раскатом грома в затянутых темными грозowymi тучами небесах. Я покачала головой, отвернулась, ища в ворохе сброшенной одежды нижнюю рубашку. Где-то негромко журчал ручеек – стоит попробовать умыться и хоть как-то соскрести с себя засохшую кровь, чтобы не пугать встречный народ до ближайшей реки или мало-мальски чистого пруда.

– Я не знаю как.

– Знаешь, – возразил он, хватая меня за плечи и разворачивая лицом к себе. – Но можешь не понимать. Ты уже освободила меня однажды.

– Полагаешь, этого недостаточно? Я не Королева Мечей и не могу обещать тебе свободы от Условий. Хотя бы потому, что никогда не смогу выполнить такое обещание.

Мне почудилось, что пальцы фаэриэ на моих плечах превратились в стальные прутья, глубоко, до боли, вдавившиеся в плоть, так сильно, что еще немного – и кровь потечет из-под глубоко впившихся в кожу ногтей. Дымчатые глаза Рея потемнели, стали цвета аметистового шарика, что мерцал сиреневым огоньком в серебряной оправе.

– Моя маленькая ши-дани, твой прелестный язычок порой является твоим злейшим врагом. Я. Не хочу. Повторения. Той истории. – Он чеканил каждое слово, как маленький удар грома, как резкий удар клинка. – И я говорю о другом... – Он резко прижал меня к себе, задирая мою голову к небу, к солнечным пятнам, пробивающимся сквозь густую листву. – Ты столь невинна, что не понимаешь этого?

– Не понимаю. Не хочу понимать! – Свет жег глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки, выбивал непрошеные слезы, горячими капельками стекающие по щекам. Невольно вспомнилась бешеная гроза, плясавшая в небесах над западным Холмом двести с лишним лет назад, вспомнилась неровная прореха, заполненная непроглядной тьмой, ожившей бездной.

Холодные плети ливня, безжалостно хлещущие ши-дани, слепящие росчерки молний в грозowych облаках, платье Мэбвэн, пропитанное кровью...

И багряные капли на пожухлой траве, величественные зимние звери, снежными сугробами лежащие на земле, зажатая в кулаке Королевы Мечей сиреневая звезда, оброненная где-то на склоне Холма в ночь Самайна...

Такая же, как та, что висела на груди Рейалла.

– Я вспомнила тебя. Я тебя уже видела, ты был той грозой, что роняла на склоны осеннего Холма слепящие молнии... А у нее в руке была аметистовая звезда в серебряной клетке... и платье, пропитанное кровью... как краской... Отпусти! – Я ударила по его плечу пораненной рукой, боль стрельнула в порезах, разъяренным зверем вцепилась в плоть,

отрезвляя лучше холодной воды, с размаху выплеснутой в лицо. – Пожалуйста... – уже тише попросила я.

– Нет, – возразил он, ловя мою руку и прижимаясь к ней губами. А затем – кусая ее, легонько, словно зверь, предупреждающий о том, что дальше все будет еще серьезнее и больнее. – Нет. Трижды нет. Похоже, что ты знаешь больше, чем знаю я сам, Фиорэ... А знаниями, как и всем хорошим, нужно делиться. Особенно если тебя очень просят. Я – прошу... поделись со мной. Освободи меня хотя бы от незнания?

– Я видела только то, что показал мне король Самайна в свое время, и знаю только то, что он соизволил мне рассказать. Твое имя я тоже когда-то давно узнала от него – и, честно говоря, уже жалею, что ему иногда хотелось поболтать со мной на запретные темы. – Я покачала головой, утыкаясь лицом в жесткое плечо фаэриэ, чувствуя, как его пальцы стискивают мое запястье стальной хваткой. – Ни одно стоящее знание не дается просто так, Рей.

– Да. И что ты хочешь за это знание? – спросил он, касаясь губами моей кожи. – Король Самайна вряд ли рассказывал тебе все это просто так...

– Он рассказывал только то, что сам хотел рассказать. – Я улыбнулась, вспоминая темные холодные вечера, проведенные у жарко горящего камина в охотничьем доме Габриэля. – От меня требовалось только слушать... только быть рядом... Сидеть по другую сторону жаркого костра или в плетеном кресле у камина и просто слушать его рассказы. Чувствовать прикосновения ветра. Как снежинки тают на губах, как капли дождя скользят по щекам. И принимать его руку, когда он провожал меня по тропинке в солнечную середину осени. Не больше – но и не меньше...

А еще танцевать с ним на заметенной снегом и палой листвой поляне, бежать наперегонки с ветром в черном, оголенном Самайном лесу, протягивать к нему руки через снежный вихрь – только чтобы найти его в прозрачно-синем звездном небе, в последнем луче заходящего солнца, в зеленых волчьих глазах...

Габриэль...

Почему ты позволил мне вручить Кармайклу верную смерть под видом спасения?

– Он играет тобой, маленькая ши-дани, – ответил Рей, чуть отстраняясь. – Но в этом он не прав... – Не закончив фразы, он поцеловал меня в уголок губ. – Совсем.

Рейалл замолчал, взяв мое лицо в чашу ладоней, жестких, шершавых, и рассматривая меня, как будто впервые увидев. Серьезно. Сосредоточенно. Так смотрят в зеркало, стремясь отыскать изъяны в собственном отражении, оценить изменившиеся за годы черты, поймать выражение глаз. Взглянуть на себя со стороны.

А потом он просто поцеловал меня. Крепко. По-настоящему.

Привкус крови на языке – соленый, металлический. Я словно пила его жизнь через этот поцелуй, жаркую, настоящую, молодую и порывистую, трепещущую от нетерпения в преддверии свободы, и это меня пугало и одновременно притягивало. Как некоторых людей тянет под открытое небо во время грозы или отправиться в море перед началом бури, несмотря на извечный страх перед молниями и штормом, так и я стремилась к этой неизведанной, непонятной жизни, по ошибке или недосмотру заключенной в тиски почти человеческого тела. Фаэриэ вздрогнул, по его спине пробежала легкая дрожь, кончики пальцев закололо крошечными иголочками, будто бы внутри тела Рея возникла небольшая молния, пока он испивал этот поцелуй до дна как чашу, наполненную хмельным вином.

– Видишь... – Голос его был неожиданно хриплым, чуть дрожащим и очень низким, с рокошущими нотками. – Ты всё можешь, моя маленькая ши-дани. Всё.

– Но я... больше ничего не буду делать... пока ты хотя бы не отмоешься от крови, – с трудом выдохнула я, чувствуя, как колотится сердце Рея под моей ладонью, будто бы едва удерживается от того, чтобы не выпрыгнуть из груди прямо мне в руки. – Мне не нравится вкус крови на губах.

– Как пожелает прекрасная госпожа. – Фаэриэ торопливо разжал руки, поднялся с земли, натягивая изгвазданные темными пятнами от земли, травы и холодной крови брюхи

штаны. – Надеюсь, ты дождешься моего возвращения?

– И куда ты собрался в таком виде? – поинтересовалась я, вытаскивая из сумки небольшой отрез тонкого белого полотна, которое с равным успехом можно было пустить как на бинты, так и на нижнее белье, кое-как откромсала небольшой кусок и направилась к шелестящему под корнями раскидистого дерева ручейку. Хотя бы умоюсь и промою порезы – всяко легче будет.

– За своими вещами. – Рей обулся, затянул широкий кожаный пояс, подхватил с земли узкую саблю и оброненный мною охотничий кинжал. – Не хочется оставлять их в качестве подарка жителям деревни.

– Мог бы хотя бы умыться, не так народ пугать будешь...

– Как сказать... – Фаэриэ сунул нож в ножны, наклонился и поднял отрубленную голову брухи за остатки пегих волос. Улыбнулся жутковатой кривой усмешкой. – Думаю, селяне будут очень рады, что я пришел *только* за оставленным скарбом. Ну и, быть может, за небольшой наградой за освобождение их захудалой деревеньки от персонального страшилища.

Рейалл подмигнул мне и направился по дорожке из примятой травы обратно к деревне, беспечно помахивая отрубленной головой сумеречной твари – как будто не голову нес, а узелок с припасами.

Кстати, о припасах...

Я наклонилась над прозрачным ручейком, ожесточенно растирая кожу холодной водой, счищая подсохшую кровяную корочку лоскутом ткани. Плохо будет, если Рей не догадается попросить что-нибудь из еды, – придется ловить зайцев в лесу или еще какую-нибудь некрупную живность, а сейчас только начало лета, и зверье по большому счету худое, неоткормленное. Хотя, может, удастся наловить рыбы в реке, что протекает где-то неподалеку, но чем ловить – непонятно. Вряд ли мой плащ подойдет в качестве сети, разве что удочку из подручных материалов смастерить...

Похоже, придется последовать за Реем в деревню и напомнить о том, что подвиги подвигами, а кушать хочется не только нежить и людям, но и волшебным существам вроде ши-дани или фаэриэ, особенно сейчас, когда один из нас ослаб от потери крови, а у другой упадок сил после запретного и выматывающего колдовства.

Я обтерла чистое лицо рукавом, наскоро набросила длинную нижнюю сорочку, и, собрав в охапку раскиданные по поляне вещи, побежала догонять своего спутника...

Берег реки был пустынным, мелкий речной песок вперемешку с галькой покрывал отмель, заросшую по краям густой осокой и камышовыми островками. Солнце отражалось на поверхности покрытой мелкой рябью воды так ярко, что глазам было больно смотреть на сверкающую летним золотом водную гладь, а нагретый воздух поднимался над узкой запыленной дорогой душным, жарким маревом.

Рей все-таки вошел в деревню именно в таком виде, в каком грозился – обнаженным по пояс, со свежим розовым шрамом на бледной, незагорелой груди, покрытый пятнами своей и чужой крови. Не скрываясь от испуганных людских взглядов, не пытаясь выдать себя за человека, фаэриэ молча, неторопливо прошел по главной улице к дому, где мы останавливались на ночлег, поднялся на высокий порог, держа в опущенной руке отсеченную голову брухи.

Дверь ему открыли с первого же стука.

О чем Рей говорил с бледным, исходящим холодным потом человеком, я не слышала, но потрепанная сумка и объемный узелок из беленого домотканого льна были выставлены на порог удивительно быстро. Что неудивительно, учитывая трофей в руках фаэриэ, который он, уходя, одним сильным движением насадил на тын перед домом старосты деревни. Не то в напоминание, не то в качестве предупреждения, но, скорей всего, Рейаллу просто захотелось освободить руки для более приятных и нужных вещей.

Когда мы покидали поселение, какая-то женщина, закутанная в слишком теплую для лета вязаную шаль, протянула мне завернутый в полотенце горячий еще, только вынутый из

печи, каравай хлеба и деревянную коробочку с крупной желтоватой солью. Посмотрела на Рея выцветшими от старости, слезящимися не то от яркого света, не то от дорожной пыли, поднятой в воздух порывом ветра, глазами и молча скрылась за покосившимся, потемневшим от времени и непогоды хлипким забором.

Этот каравай с пригоревшими к нижней корочке капустными листьями сейчас мы и доедали по дороге к реке, и, по правде говоря, этот крестьянский хлеб из ржаной муки казался мне вкуснее любого из лакомств волшебного Холма.

– Рей, – я запила очередной кусочек хлеба свежей колодезной водой из небольшой кожаной фляги, отыскавшейся в сумке, – а почему они тебя настолько боялись? Понимаю, что выглядишь ты не очень-то мирно, но охотники на нежить и похуже смотрятся, когда возвращаются с трофеями, а от них не хоронятся за запертыми дверями.

Фаэриэ только промычал что-то неразборчивое, пытаясь одновременно прожевать последнюю горбушку, оставшуюся от каравая, и заодно ответить на мой вопрос. Не вышло – пришлось терпеливо ждать, пока Рей не расправится с уже откушенным куском и не сможет произносить слова более внятно.

– Они боялись, что я верности ради вырежу всю деревню и спалю дома, устроив шикарный погребальный костер этим несчастным, приютившим бруху по доброй воле ради избавления от волчьих стай зимой и разбойников в любое время года.

Я споткнулась на ровном месте и едва не упала.

– Зачем?

Рей с сожалением посмотрел вначале на оставшуюся в руке горбушку, потом на меня. Вздохнул, легонько коснулся моей щеки кончиками пальцев. Улыбнулся:

– Зачем вырезать деревню или зачем заключать договор с сумеречной?

– И то и другое.

– Все очень просто, маленькая ши-дани. – Фаэриэ ускорил шаг, сворачивая с дороги по направлению к сузившейся песчаной косе у излучины реки. – Иногда людям кажется, что заключить договор с сумеречной тварью, предложив часть своей жизни или здоровья в обмен на защиту, – зло меньшее и потому наиболее привлекательное. Плохо только то, что бруха может вернуться даже после смерти в глухой предрассветный час, поселиться в одном из тех, кто кровью заключил с ней договор, и потому обычно, когда ее убивают, – заодно огнем и мечом «чистят» ее «охотничьи уголья». Я не стал уничтожать деревню. Считаешь, я был не прав и мне стоит вернуться и исправить ошибку?

Я только помотала головой, уныло глядя на обгрызенный с краю кусок хлеба, зажатый в ладони. Есть мне больше не хотелось.

– Почему-то я так и думал. – Фаэриэ спустился вниз по тропинке, протоптанной в крутом берегу, покрытом нанесенным во время весеннего паводка илом, к надежно укрытой от посторонних глаз излучине узкой реки с медленным, неторопливым течением. Помог мне спуститься и сбросил на крупный желто-коричневый песок сумку с вещами и скомканный темно-синий шелковый плащ, на котором расплывались въевшиеся в ткань черные пятна. – Ну вот тебе и вода. Отмывайся сколько угодно, я пока осмотрюсь. Надеюсь, у тебя вместе с гребешком кусочек мыла завалился?

– Не уверена, но поискать можно, – пробормотала я, аккуратно кладя на отмель вещи и стягивая через голову платье, оставаясь в тонкой сорочке из белого полотна.

Вода у самого берега – прозрачная, зеленоватая от проросших на илистом дне мелких водорослей. От поверхности реки тянет прохладной сыростью и камышами, чуть дальше от берега видны ярко-желтые венчики кувшинок среди зеленых плавучих островков.

Я воровато оглянулась, убедилась, что фаэриэ куда-то скрылся, и стянула через голову тонкую льняную сорочку, подставляя жаркому летнему солнцу белую спину и плечи. Расплела спутанные косы и торопливо шагнула в реку, дно которой уже в трех шагах от отмели вдруг резко ушло вниз, а я от неожиданности погрузилась в воду с головой. С перепугу изогнулась всем телом, всплыла на поверхность легким пузырьком воздуха, ударила руками по бликующей золотом зеленоватой поверхности, пустив частую рябь.

Резкий сильный гребок вперед – и ноги нащупали илистое дно, покрытое пышным ковром из водорослей. Глубина в местной речке оказалась мне по пояс, только я, как всегда, умудрилась даже в мелкой заводи найти вымытый холодным течением омут.

Намокшие, отяжелевшие волосы облепили грудь и плечи, темными, отливающими медью узорами разрисовали тело, приятно остужая нагретую солнцем кожу. Я невольно улыбнулась, провела по водной глади ладонью, как по спине пугливого, неприрученного зверя, чувствуя ленивую реку как живое существо, неторопливо передвигающееся по тропинке-руслу к океану.

Солнечные блики на воде потускнели, почти погасли, стало чуть холоднее.

Я подняла голову к небу, сощуриив глаза и наблюдая, как темно-серое пушистое облако, напоминающее кошку, бесшумно крадущуюся на мягких лапах, закрывает собой солнце, сияет расплавленным золотом по неровному краю, становится светлым, почти прозрачным, а дневное светило обращается в тусклую серебряную монетку.

Шумный всплеск воды за спиной, сильные, крепкие руки, кровь с которых смывалась красноватыми потеками, обняли меня под грудью, прижали к разгоряченному телу. Я испуганно вскрикнула – и тотчас услышала над ухом знакомый низкий голос фазриэ:

– Извини, не мог удержаться.

– Можно подумать, ты пытался, – пробормотала я, пробуя отстраниться. На удивление, он разжал руки почти сразу же – и, зайдя в воду подальше, принялся смывать с груди коричнево-красную кровяную корочку.

Напрасно он спрашивал о мыле – его кровь, даже высохшая и, как мне казалось, намертво приставшая к коже, смывалась легко и быстро, как краски, которыми человеческие женщины иногда раскрашивают лицо и тело во время больших праздников. Рейалл окунулся с головой, вынырнул, убирая с лица отяжелевшие темно-серые пряди волос, и посмотрел на меня. Пристально, не отводя взгляда ставших сиреневыми глаз.

– Кажется, я уже высказывал свое сожаление о твоей красоте... и твоей жестокости, когда ты демонстрировала свои прелести в неподходящее время. – Он двинулся ко мне сквозь толщу воды, плавно, неторопливо, почти не поднимая ряби на гладкой поверхности. – И у нас остался не законченным разговор, помнишь, маленькая ши-дани?

– Помню...

Он протянул мне руку, и я осторожно, опасливо коснулась его ладони кончиками пальцев, не отрывая взгляда от темнеющих с каждым мгновением глаз. Улыбка тронула тонкие, четко очерченные губы, когда солнце вновь залило золотым светом излучину реки – и вдруг неожиданно хлынул дождь!

Шелестящая стена искрящихся в лучах солнца капель обрушилась на нас летним ливнем, «слезами королевны», пролилась по обнаженным телам теплым потоком, зашепотала тысячами ласковых прикосновений. Я вздрогнула – и радостно рассмеялась, запрокидывая голову, подставляя лицо поцелуям дождя, раскинув руки и ловя отдельные капли, сыплющиеся с небес.

Рей вихрем скользнул вокруг меня, его смех эхом дробился в шелесте падающих, звонко разбивающихся о поверхность реки дождевых капель, пальцы скользили по моему телу так бережно, отрывисто, осторожно, что не понять было, где по коже стекают «слезы королевны», а где касаются руки фазриэ. Казалось, река вокруг нас сошла с ума – волны вздымались по обе стороны от нас в высоту человеческого роста, закручивались спиралью водоворота, водяного смерча, танцующего на вспененном потоке, а Рейалл подхватил меня на руки, закружил в какой-то странной, неистовой пляске.

Поцелуй, жаркий, обжигающий.

Скрученная в тугую спираль водяная плеть, ласкающе огладившая мое тело, капли дождя, щекочущие кожу.

И Грозовой Сумрак, прижимающий меня к себе, ставший со мной единым целым в этом сумасшедшем танце, соединившем небо и водяную гладь сверкающим дождевым шлейфом...

Мир на двоих, молодой, яркий, неистовый в своем желании быть свободным, быть самостоятельным. Мир, где свинцовые грозовые тучи плывут по высокому ночному небу, где ветер живет своей жизнью, заигрывая с разноцветными косами деревьев, голубоватые сети молний расцвечивают облака оттенками аметиста и хрустала, а единственным Условием является определенная гармония. Если бы у нас с Рейаллом было бы чуть больше сил, знаний или стремления – этот мир мог бы стать еще одним волшебным Холмом, живущим вне времени...

Где-то яростно, сильно прогрохотал гром, его отзвуки прокатились над рекой, сливаясь с голосом Рея, с шелестом стремительно стихающего ливня. Река, едва не вышедшая из берегов, успокаивалась, вновь превращаясь из разбуженной стихии в обычную ленивую речку с холодным глубинным течением...

Я медленно приходила в себя, уткнувшись лицом в мокрое жесткое плечо фаэриэ, все еще удерживающего меня на руках, обнимая его так крепко, как только могла. Словно боялась, что, стоит разжать тесные объятия, – и он растает, как грозовое облако, превратится в свободный ветер, в ночную бурю, улетит следом за уходящим в сторону от реки ливнем.

Рей прижался щекой к моему виску, глубоко, судорожно вздохнул, окружая-обнимая меня коконом прохладного воздуха, полного мелкой водяной пыли, подобного сверкающему шлейфу, и создавая вокруг нас небольшую, но очень яркую радугу, младшую сестру той, что широкой дугой раскинулась в пронзительно-синих небесах, умытых дождем.

– Ты больше... не боишься меня, маленькая ши-дани? – Голос очень тихий, хриплый, почти сорванный. Словно тот единственный раскат грома в небесах во время ливня был его криком.

– Не боюсь... – Шепот, больше похожий на шелест ветра в листве. Признание, которое бесценно само по себе.

Фаэриэ обнял меня покрепче и понес к берегу, роняя капельки с кончиков темно-серых волос мне на плечи.

– Я хочу испытать эту чашу единения до дна, маленькая моя ши-дани...

Почему-то это прозвучало как обещание, силы в котором гораздо больше, чем в договоре, заключаемом пролитой кровью...

ГЛАВА 8

Пыль над широкой наезженной дорогой клубилась желтовато-коричневым облаком, никак не желающим оседать в глубоких колеях, проложенных сотнями телег и подвод, направляющихся к Альгасту, торговому городу, построенному на пересечении восточного и северного тракта. Телегу, хозяин которой согласился нас подвезти до городских ворот, немилосердно трясло и подбрасывало на каждом камешке, попадавшем под колеса, – приходилось держаться за плохо ошкуренную обрешетку, сажая занозы в ладонь всякий раз, когда встряхивало особенно сильно. Не прошло и часа, как мне стало казаться, что еще немного – и дорога вместе с душой вытрясет из меня все остальное, превратит меня в побитое бесформенное нечто, которое стыдливо спихнут с телеги в канаву или в ров в двух шагах от городской стены, и поедут дальше, стараясь позабыть о бродяжке, подобранной из жалости на обочине.

Рейалла же, вновь «очеловечившегося» по дороге от реки к торговому тракту и напоминающего бастарда «высоких кровей», ни тряска, ни занозистая обрешетка, ни душное пыльное облако, стоящее над трактом, совершенно не волновали. Он спокойно сидел, привалившись спиной к увязанному грубой веревкой тюку, закрыв глаза, и вроде бы даже дремал, не обращая внимания на жару, палящее солнце и постоянные переругивания возниц – становящиеся особенно громкими и нецензурными, когда кто-нибудь пытался объехать неторопливо катящийся по тракту торговый караван, поднимая тучу мелкой пыли, от которой в груди возникал нестерпимый кашель, а глаза начинали болеть и слезиться.

– Закрой лицо платком, будет легче, – негромко сказал фаэриэ, не открывая глаз, когда

я в очередной раз захлебнулась кашлем после стремительно промчавшегося мимо телеги конного всадника. – У тебя целый отрез ткани на бинты в сумке лежит, только если ты не позабыла его у речки или в лесу.

– Не позабыла, – буркнула я, вытирая лицо рукавом платья, но только размазала получившуюся грязь по лбу и щекам. – А толку-то?

– Ну и кашляй дальше, – лениво отозвался мой спутник, приоткрывая один глаз и наблюдая за невысокой светловолосой девушкой в приметных ярко-зеленых одеждах, машущей руками проезжающим по дороге телегам.

Никто не останавливался на призыв странницы, левая половина лица которой была закрыта густыми прядями волос, выбивавшимися из аккуратно заплетенной тугой косы длиной до колена. Наш возница тоже было поначалу равнодушно проехал мимо, а потом что-то блеснуло в ее поднятой над головой руке. Золотая звездочка с отчеканенным профилем здешнего короля сверкнула пойманным солнечным зайчиком – и сразу же раздался грубоватый мужской окрик, и телега остановилась.

– Ой, спасибо, что все-таки подвезти решили! – Девчушка, которой на вид было лет семнадцать, подбежала к вознице, сунула ему в протянутую ладонь блестящий золотой кругляшок и ловко перебралась через деревянную обрешетку, плюхаясь на какой-то сверток рядом со мной. – Здравствуйте, люди добрые. Попутчиками до самого Альгаста будем?

– Вроде того, – неуверенно пробормотала я, поглядывая в сторону Рея. Тот равнодушно пожал плечами и отвернулся, наблюдая за однообразным пейзажем по обе стороны от дороги – заросшая сорняками и лебедой обочина, широкий луг с розовыми клеверными звездочками в траве, поперек которого как раз и пролегал тракт, за ним – темно-зеленая кромка леса с зубчатыми еловыми макушками.

– В первый раз в большой город едешь, ведь правда? – Девушка рассмеялась, блеснув жемчужно-белыми ровными зубами.

Ярко-зеленый глаз, обрамленный пушистыми темно-русыми ресницами-иглолочками – как прозрачная вода в крохотном лесном ручейке, а волосы, заплетенные в тугую косу с серебряной подвеской на кончике, оттеняли светлую, усыпанную веснушками нежную кожу мягким пшеничным золотом.

Интересно, почему она зачесывает пряди так, что они закрывают всю левую щеку почти до подбородка? Может, на лице родимое пятно или шрам, полученный в детстве? А ведь улыбается девушка так ярко, так заразительно-радостно, что нельзя не улыбнуться в ответ, не проникнуться искренней симпатией к разноцветным искрам ее легкости и веселья, которыми мерцает ее душа. Тут ни отметины на лице не заметишь, ни шрам – просто не обратишь внимания на такую мелочь...

– В первый. – Рей ответил вместо меня, усаживаясь ровнее и пристально глядя на девушку. – Моя жена никогда не была в крупных городах, а я обещал после свадьбы свозить ее в Альгаст, купить лучшие сапожки из всех, что удастся раздобыть.

– Здорово как! А я в город к мужу еду. – Девушка мечтательно зажмурилась, потерла ладошки нетерпеливым жестом. – Уже, с месяц его не видела, соскучилась так – просто сил нет! И тут счастье такое, в Альгасте надолго по делам задержится. А для меня этот город – почитай, дом родной. Родилась и выросла тут неподалеку, а потом замуж вышла. Ох... – Она спохватилась, протянула мне руки. – Совсем заболталась, даже представиться позабыла. Я Гвенни, меня так родители называли в честь белоснежного полотна, преподнесенного мне в дар женщиной, которую отец попросил быть мне крестной матерью. Странное дело, наверное, моя крестная – фея из волшебного Холма, иначе как объяснить, что маленького отреза той чудесной ткани хватило мне и на свадебное платье, и на покрывало, а еще на расшитый рушник для брачного ложа осталось.

– Да уж, не иначе как феей была та женщина, – усмехнулся фаэриэ, искоса поглядывая на меня, словно спрашивая, может ли в самом деле ши-дани сделать такой щедрый подарок смертной и пожелает ли что-то получить взамен. Я отвела взгляд.

Не хотелось объяснять, что кто-то из весенниц в самом деле мог подарить девочке

отрез беленого льна с вплетенными лунными лучами в обмен на вспышку радости, на момент высшего счастья в будущем. И что прекрасное свадебное платье, сверкающее в ночи серебряными искорками, алмазным крошевом, отберет у счастливой невесты сладкий миг счастья даже с самым желанным и любимым мужем, так, что утром она проснется – и не ощутит щемящей душу нежности к мужчине, спящему рядом, не почувствует радости от первой брачной ночи. И, скорее всего, новоиспеченная жена примет это как должное, улыбнется и пойдет растапливать семейный очаг заготовленными с вечера душистыми смолистыми дровами, начисто позабыв о тоскливой пустоте, на миг возникшей в сердце накануне, когда весь трепет и радость от брачного ложа словно рукой сняло.

– ...собираешься, госпожа Фиона? Теплые чуткие пальцы коснулись моей озябшей, несмотря на жару ладони. Я вздрогнула, подняла взгляд на девушку, обеспокоенно глядящую на меня. Помотала головой, словно стряхивая облепившее со всех сторон душное летнее марево, провела ладонью по лбу, пытаюсь сообразить, когда фэриэ успел представить меня чужим, на ходу выдуманном именем и как сам представился на этот раз, разумно не доверяя первому встречному человеку даже короткого варианта своего настоящего имени.

– Выпей, милая, полегчает. – Я машинально отхлебнула из фляги, которую мне протягивал Рей. Кислое молодое вино, разведенное колодезной водой, и в самом деле слегка взбодрило, разогнало муть в мыслях.

– Спасибо...

– Похоже, вам солнышко голову напекло. – Гвенни осторожно коснулась моего лба чуткими, пахнущими сушеной полынью и цветущим вереском пальцами, всмотрелась мне в лицо пристальным, чуть стекленеющим взглядом.

Прозрачная зелень родниковой воды в ее радужке на миг сменилась сочным малахитом, злым змеиным ядом, словно что-то глянуло на меня из черного омута зрачка, что-то чуждое, непонятное, *не-людское*.

Глянуло – и спряталось, как черная кошка в густой тени, отбрасываемой иссушенным старостью деревом в серебристую лунную ночь.

Может, и впрямь голову напекло? Откуда взяться сумеречной нечисти под ярким летним солнцем?

– Гвенни, а расскажи об Альгасте, – негромко попросила я, пытаюсь поудобнее устроиться на постоянно сползающем мешке не то с куделью, не то с паклей. – А то муж отговаривается то усталостью, то занятостью.

Но, скорее всего, Рей сам не знает, каким стал город за прошедшие двести лет. Ведь жизнь людей переменчива, как месяц на небе, непостоянна, как погода в весеннюю распутицу, и за двести лет шумный торговый город, возведенный на перекрестье двух крупных дорог, мог с одинаковым успехом стать как крепостью со строгими порядками, так и «нижним городом», дающим приют людям с нечистой совестью и запачканными кровью руками.

– Ой, госпожа Фиона, Альгаст – самый яркий, самый солнечный город из всех! – Девушка заулыбалась, взмахнула руками так, что ярко-зеленые, расшитые желтыми узорами широкие рукава почудились крыльями волшебной птицы из южного Алгорского холма. – Там главная башня сияет всеми цветами радуги, на ее вершине звенит серебряный флюгер, а дно мраморного фонтана выложено янтарем. Люди... немного странные, чудные, но все равно очень приветливые. У мужа там дом, доставшийся от родителей, его окна выходят на улицу, где работают ткачи. Ох, видали бы вы, какие ткани иногда вывозят оттуда на базар! Яркие, переливаются на солнце, как птичьи перья, а уж какие мягкие да тонкие!словно туманное облачко, паучья паутинка...

Гвенни щебетала без умолку, то и дело оглаживая длинную пшеничную косу, теребя кончиками тонких пальцев узорчатую серебряную подвеску на плетеном кожаном шнурке. По ее рассказам выходило, что Альгаст – едва ли не рай на земле, где все люди добры и совестливы, торговцы честны, а у мастеров золотые руки. Только вот трудно поверить, что в мире людей может существовать такое место. Скорее всего, муж Гвенни просто не позволяет

своей женушке видеть червивую изнанку этого сочного и красивого на вид плода, висящего на золоченой ветке, оберегает ее столь ревностно, что она просто не замечает или же не желает замечать того, что может твориться вокруг. Потому что рассказывала девушка лишь о внешней красоте города, о том, как прекрасны сады, как ярко горят по вечерам факелы на высоких подставках на больших площадях и широких улицах, мощенных булыжниками, и как чудесны товары, созданные руками здешних мастеров. Будто бы повторяла заученный когда-то давно текст, повествующий о великолепии города Альгаста, книжную мудрость, которая далеко не всегда совпадает с действительным положением вещей.

Кажется, под девичий голос я наконец-то задремала, как под соловьиную трель, ночную колыбельную, прикорнула на туго набитых, увязанных веревками тюках, соскользнула в сон, как в глубокий прохладный омут, в котором чудились темно-зеленые глаза на суровом, резком, не улыбочивом лице, перечеркнутом шрамом. Блеснул кроваво-красный янтарь в зубчатой короне из хладного железа, повеяло снежной свежестью, зимним холодом, голос Гвенни обратился в пение вьюги, гонящей поземку над широким полем на окраине испуганно затихшего леса. Пальцы зарылись в пушистую волчью шкуру, покрытую стремительно тающими на ладони снежинками, ощутили скрытое живое тепло, биение чужого сердца – и уже не звериная шуба оказывается под безвольно опущенной рукой, а гладкая кожа, жесткие мышцы.

Я прижимала ладонь к обнаженной под хлесткими порывами ледяного ветра груди короля Самайна, ощущала его стремительно, болезненно бьющееся сердце.

Страшно поднять взгляд – и увидеть его глаза, пронзительно-зеленые, посветлевшие, прочитать в них то, о чем не следует знать, если не хочешь потерять покой на весь отпущенный жизненный срок. Боюсь заглянуть в его глаза – и одновременно хочу это сделать. Так, что сердце колотится, как после долгого бега, как перед грядущим сражением... или перед встречей с единственным, желанным.

«Зеркало мое ...»

И звенит его голос, как натянутая струна, как разбивающиеся об острые камни ледяные сосульки, как осыпающиеся хрустальные осколки, больно ранящие кожу до крови. Холодные жесткие пальцы касаются моего подбородка – и вдруг стремительно теплеют, становятся ласковыми, согревающими, обжигаяще-горячими под порывами стыллой зимней метели.

«Где ты, зеркало мое? Где тебя искать?»

– Эй, господа хорошие! – грубоватый оклик возницы прервал ладно льющийся рассказ девушки, перекрыл ее высокий, звенящий голосок так же надежно и твердо, как крепко сбитая из мореных досок плотина неглубокую шуструю речку, выдернул меня из тягучего сна-яви на поверхность бодрствования. – Альгастовы ворота впереди, теперь уже рукой подать. Слезайте, негоже мне за вас гостевую пошлину платить, сами справитесь.

– И на том спасибо, добрый человек. – Гвенни солнечно улыбнулась, посмотрела на меня и вдруг изумленно приподняла брови: – Госпожа Фиона, у вас будто роса на косах осела... и откуда взялась только. Я машинально провела ладонью по волосам. Не роса это, а растаявшие под жарким летним солнцем снежинки, принесенные из холодного Самайна на грани сна и яви.

Деревянная обрешетка еле слышно закрипела, когда Рей нарочито неуклюже слез с телеги, протянул руки, помогая выбраться мне. Изящные гибкие пальцы скользнули по моей одежде, стряхивая мелкие водяные бисеринки с тонкого льна. Серые глаза на миг потемнели, обратились в дымчато-сиреневые, с расплывчатой нечеткой границей радужки, взгляд стал острым, как лезвие ножа.

– Идем, милая, у нас еще много дел. И в заботливо-мягком голосе мне почудился отзвук отдаленной грозы...

Широкие светлые улицы Верхнего Альгаста и в самом деле удивляли сочетанием изящной резьбы на тяжелых, окованных железом, дубовых дверях и грубого, плохо обработанного камня, из которого были выстроены дома, отчего складывалось впечатление, что идешь не по жилому кварталу, а меж скал, опутанных вьющимися растениями. Нежно-

розовые бутоны вьюнка, белая могильная роза, дикий виноград, не дающий съедобных ягод – каждый дом был украшен по-своему, и, на мой взгляд, подобное украшение было много лучше самой искусной резьбы.

Красивые дома, опрятно одетые люди на улицах только лица холодно-вежливые, пустые, словно город вытянул из жителей все эмоции, оставив безучастную учтивость и фальшивую приветливость. Отрепетированные улыбки, безупречные, но совершенно неискренние. Поцелуи без огня даже у юных парочек, что прогуливались у фонтана на центральной торговой площади.

Альгаст казался великолепной лакированной шкатулкой, искусно созданным механизмом – но бесчувственным, неживым, холодным.

Гвенни, увязавшаяся за нами от городских ворот, выглядела жарким лучиком солнца, пробившимся сквозь серую, унылую завесу осенних облаков, искрящимся ключом на берегу ленивой широкой реки. Ее звонкий голос нарушал монотонно-размеренный гул чужих разговоров, высокой нотой поднимался над степенными, негромкими голосами и, по правде говоря, мне было гораздо приятней слушать ее болтовню, чем любоваться красотами «мертвого» города, где люди словно утратили или променяли свою бессмертную, беспокойную, находящуюся в вечных поисках искру души на тяжелый холодный золотой слиток.

– А вот в этой лавочке мне по осени такие сапоженьки смастерили – просто загляденье! – Девушка ухватила меня за порядком измятый рукав платья, потащила за собой к невысокой массивной двери, над которой висела кованая вывеска-башмачок. – Госпожа Фиона, вы не стесняйтесь, здесь больше положенного не возьмут, зато обувь будет такая, что за много лет не сносить. Вам понравится! А на соседней улочке готовыми платьями да плащами торгуют – ваше-то по подолу совсем излохматилось, даже жалко – больно уж вышивка на груди хороша, тонкая да вычурная...

Звонко тренькнул подвешенный над дверным косяком медный колокольчик, сидевший за широким столом, заваленным обрезками кожи, пожилой мужчина поднял голову от узорчатого красного башмачка, подслеповато сощурился, разглядывая нас:

– Добро пожаловать, господа хорошие. Чего желаете – туфельки на праздники или башмаки на распутицу? Сегодня как раз подходящую кожу ажно из самого Вортигерна доставили, да только всего на три пары сапог хватит. Поторопитесь – лето скоро кончится, а осень в этом году обещают дождливую да холодную.

– Легкой руки мастеру. – Рей выступил вперед, держа меня за руку, склонил голову в приветствии, приветливо, добродушно улыбнулся. – Можешь ли сделать для моей жены сапожки, такие, чтобы и крепкие были, и мягкие?

– Отчего же не сделать, господин хороший. – Мастер отложил в сторону недоделанный башмачок без каблука, встал с низкого, гладко отполированного табурета, указал на потертое кресло с резной спинкой и высокими подлокотниками. – Садитесь, госпожа. Сниму с вас мерки – и через седмицу приходите за готовыми сапожками.

– А до завтрашнего утра не управитесь? – вкрадчиво поинтересовался фазриэ, доставая из потертой сумки туго завязанный мешочек с золотом и подбрасывая его на ладони. – Или, быть может, посоветуете, к кому можно обратиться, чтобы получить желаемое в срок?

– Готовых сапог на базаре полно – может, туда сходите, раз так торопитесь? – Мастер присел на низкую скамеечку у моих ног, осторожно коснулся моих запыленных туфелек, помогая мне разуться. – Хрупкие у вас ножки, госпожа. Ступни мягкие, как у юной принцессы или феи, кожа тонкая, нежная, а вы ведь давно не дитя.

Сапожных дел мастер поднял на меня выпцветшие от приближающейся старости светло-карие глаза, пристально вглядываясь в мое лицо, а его натруженные чуткие пальцы осторожно ощупывали мою туфельку, оглаживали почти незаметные, неощутимые швы, острый мысок, тонкую вышивку. Словно он пытался вспомнить что-то, уже однажды виденное, но давным-давно ушедшее в небытие и оставшееся лишь в смутных воспоминаниях.

Тонкая, как волосок, рыже-медная нить оплетала его искорку-душу неощутимой почти что сетью, частыми трещинками расплзалась по сердцу, привнося в жизнь непонятную тоску. Я смотрела в бывшие некогда яркими, солнечными чистые глаза и видела перед собой человека, когда-то давно на заре юности пришедшего в западный Холм в шумный неистовый праздник урожая, что случился в начале сентября. Тогда на его каштановых кудрях лежал венок из золотых необмолоченных колосьев, на лице не было ни единой морщины, а белозубая улыбка сумела очаровать не только сельских девушек на праздничном торжище.

Сколько лет прошло с той поры, как этот неженатый молодой мужчина взял за руку осеннюю ши-дани, рожденную за месяц и день до меня в один год? Ту, в чьих глазах застыло яркое золото березовой листвы, пряди волос, ниспадавшие до самой земли, казались легчайшими извивами тумана, свадебной накидкой невесты, а на платье из небеленого льна виляла тонкая вышивка шелком, изображавшая перелетных птиц? Два десятка? Три?

Мне трудно считать человеческие годы, они скользят меж пальцев, как песок из разбитых часов, развеиваются на ветру без следа, оставляя после себя лишь воспоминания.

И постаревших слуг, тех, в чьих душах навеки засела тонкая игла тоски-сожаления об утраченных чудесах Холмов и их обитателей.

Дева дождя, прекрасная Бранвейн, что часто зазывала меня к себе в гости полюбоваться на ливень посреди солнечного теплого дня, попробовать спелой кисловато-сладкой ежевики, сыпавшейся в ладонь, стоило лишь дотронуться до колючей веточки...

Я помню твоего спутника-слугу, который шил туфельки из лепестков водяной лилии, лунного луча и полупрозрачных молодых березовых листочков. Его называли Джеки-весельчак, Джек-башмачник, человек с золотыми руками и удивительным мастерством, которое позволило ему создавать изумительные даже для осеннего Холма вещи. Он плел для своей возлюбленной госпожи сандалии из солнечных лучей с нанизанными на тонкие золотые нити янтарными бусинками, украшал красные башмачки медными узорами, воздушным кожаным кружевом. Он улыбался ей, как солнцу и луне, ловил каждое ее слово, каждое касание – как молодое деревце ловит капли долгожданного дождя.

До тех пор, пока его время служения не истекло и Бранвейн не повела его к белоснежному костяному мосту через Алую реку, вручая на память золотую иглу и серебряные нитки, чтобы чудесный дар Джека-башмачника сохранился у него и в мире людей.

Солнечный лучик скользнул в широко распахнутое окно, залил комнату ярким золотистым светом, в котором танцевали искорки-пылинки, а вместе со светом в комнату залетела яркая бабочка из тех, у кого изнанка крылышек неприметного коричневого цвета, а «лицо» медно-рыжее, с сиреневыми «глазками». Я отвела взгляд от лица мастера, подняла руку, протягивая ее раскрытой ладонью вверх.

Бабочка уселась мне на палец, защекотала кожу крошечными лапками. Маленькая «осенница»...

Дрогнула холодная нить-тоска, व्यюном оплетающая душу Джека-башмачника, плеснуло потускневшее от времени солнечное золото, согревающее куда лучше летнего светила. Я вздрогнула, бабочка вспорхнула с моей руки, оставив на ладони искристую медно-красную пыльцу, похожую на смолотый в пыль янтарь.

Мастер смотрел на меня блестящими, разом помолодевшими глазами, словно вспомнив, где и когда он мог видеть меня много лет назад, в беспечной юности, на целых семь лет заполненной волшебством Холма и любовью осенней ши-дани.

– Я сделаю тебе сапожки к завтрашнему полудню, светлая госпожа, – тихо проговорил Джек-башмачник, опуская голову и начиная сноровисто привычно снимать мерки.

Он не сказал больше ни слова. Когда мы уходили, Рей оставил на прилавке мешочек с золотыми монетами, но сапожник даже головы не повернул, доставая откуда-то из-под стола потемневший от времени лакированный ящик.

Звякнул на прощание медный колокольчик, тяжелая дверь глухо стукнулась о добротный косяк. Гвенни сощурилась от яркого солнечного света, потеряла лицо маленьким

хрупким кулачком, улыбнулась:

– Интересно, что было в той шкатулке?

Рейалл только пожал плечами, а я промолчала.

Джек-башмачник хранил в ней бесценное сокровище, когда-то давно полученное от возлюбленной госпожи. Иголку, выкованную из осеннего золота, и моток ниток из лунного серебра.

– Мне пора. – Гвенни легонько коснулась кончиками пальцев моего плеча, неуклюже поклонилась Рею, да так, что тугая коса едва не замела пушистым кончиком уличную пыль. – Муж меня заждался, видимо, свидание-то было на полдень назначено, а день уже к вечеру клонится. Запоздала я маленько, ну да нестрашно. Всего хорошего вам, спасибо, что скрасили дорогу.

– И тебе спасибо, милая. – Фаэриэ поймал тонкую девичью руку, тронул губами гладкую, чуть потемневшую от летнего загара ладонь. Гвенни стыдливо опустила глаза, маковым цветом заалели гладкие щеки – она поспешно высвободила ладонь и едва ли не бегом направилась прочь по широкой улице, почти сразу затерявшись в толпе.

Смутное, непонятное беспокойство тоненькой иголкой кольнуло сердце, зашипала, зачесалась правая ладонь в месте, где лопнувшая «струна» разрушенного запирающего заклęcia оставила свою метку-печать, невидимую, но хорошо ощутимую. Я нахмурилась, потеряла руку о бедро и поспешила следом за фаэриэ, опасаясь упустить его в людском потоке, наводнившем торговую улицу.

Кто-то довольно грубо толкнул меня локтем в бок, отпихнул с дороги, да так, что я налетела на тучного человека в богато разукрашенной одежде, который сразу же разразился потоком брани. Я испуганно отшатнулась, прижала к себе сумку – и вновь получила тычок пониже спины от другого прохожего, с которым умудрилась столкнуться.

– На минуту нельзя с тебя глаз спускать! – Рейалл вырос у меня за спиной как по волшебству, тяжелая ладонь легла мне на плечо, скользнула по рукаву платья, огладила зудящее запястье. Ругающийся, покрасневший от злости толстяк вдруг замолчал, побледнел, будто бы увидел за мной сумеречную тварь, и поспешил убраться восвояси, а фаэриэ наклонился, седые волосы защекотали мне шею тонкими кончиками: – Здесь слишком много народу, маленькая моя... а я хочу кое-что разузнать.

Переулок, заполненный прохладной тенью, узкий, безлюдный.

Поворот за угол.

Городской шум отдаляется, превращается в однообразный гул, в котором не различить уже отдельных голосов, не разобрать ни единого слова.

Стесненное пространство между двумя близко поставленными домами, рукотворное ущелье с гладкими стенами с нависающими высоко над головой черепичными козырьками покатых крыш. Полоска пронзительно-голубого неба резко контрастировала с кажущимися черными острыми краями карнизов, сгустившаяся тень окутала невесомым холодком, призрачными объятиями.

Ладонь фаэриэ на моем плече тяжелеет, становится жесткой, неудобной, холодной. Человеческий облик слетел с Рея, как иссушенная солнцем шелуха, как ставшая ненужной маска, движения стали плавными, текучими – и при этом резкими, как удар меча. Тихий шорох лезвия о ножны, жар и холод, обдавшие лицо неприятной волной, – и тяжелый охотничий нож из хладного железа со звоном вошел в щель каменной кладки, затрепетал, задрожал, как тонкая ветка под порывами ветра.

Я вздрогнула, а Рейалл одним резким движением прижал меня к стене так, что проклятый металл оказался в ладони от моей щеки.

– И зачем это представление с оружием? – тихо, почти шепотом пробормотала я, стараясь смотреть в спокойное невозмутимое лицо своего спутника, в глазах которого мне чудились отблески молний.

– Затем, маленькая моя ши-дани, что я очень хочу задать тебе несколько весьма интересующих меня вопросов и надеюсь, что хотя бы близость холодного железа не

позволит тебе увильнуть от ответов. Начнем, пожалуй, с самого легкого и простого – откуда в твоих волосах появился талый снег посреди лета?

– Это... своего рода напоминание, – выдавила я, отведя взгляд и тупо уставившись на воротник светло-серой рубашки Рея.

– Напоминание о чем, дорогая? Или мне стоит спросить «О ком?» Мне только кажется или ты в самом деле слишком часто зовешь своего знакомого? – Голос фаэриэ упал до шепота, почти интимного, оглаживающего щеку словно меховой рукавичкой. Невольно вспомнилось ощущение жесткой волчьей шкуры под пальцами, мех с которой скатился как вода, обнажив крепкую мужскую грудь, под которой глухо, часто билось сердце.

– Какая тебе разница, кого я вспоминаю и о ком думаю?

– Неправильный ответ, Фиорэ.

Рей встряхнул меня, развернул и почти ткнул лицом в неподвижно застывший в каменной кладке нож. Я зажмурилась, боясь даже отвернуться, чтобы широкое светлое лезвие не коснулось моей щеки.

– Видишь ли, я не просто так интересуюсь. Мне не нравится, когда слишком часто призывают зимнюю стужу и волчий вой, не отдавая себе отчет в том, что на зов рано или поздно *являются*. И мне очень хочется знать, кто явится на твой зов в окружении снега и холода.

Фаэриэ почти прижался губами к моей щеке, тонкие, легкие пряди волос зашевелились шеей и оголившееся плечо.

– Скажи, маленькая ши-дани. Я не хочу делать тебе больно. Но сделаю, если будет необходимо.

Я разлепила пересохшие губы, кашлянула. Назвала не имя – прозвище.

– Король Самайна.

Рей весело улыбнулся, отодвинулся, позволяя мне отдалиться от пышущего кузнечным жаром и морозным холодом светлого лезвия. Запустил пальцы мне в волосы, прихватывая их у корней и заставляя меня запрокинуть голову и смотреть ему в глаза.

– Даже так... Ты совсем не проста, Фиорэ, раз он позволяет тебе звать себя и готов явиться на твой зов. Ты знаешь, что ему надо? И что тогда на самом деле погнало тебя наружу?

– По-моему, это уже совершенно не твое дело. – Я уперлась ладонью в его грудь, чувствуя, как неровно, торопливо бьется его сердце – то затихает, становясь спокойным, размеренным, то глухо колотится, как кузнечный молот. – Королю Самайна не дотянуться до меня из Холма. Он может сколько угодно пробираться в мои сны, но найти меня он сумеет, только если я скажу, где нахожусь и куда направляюсь. Так что можешь не беспокоиться о том, что он вынырнет у тебя из-за спины. Ему дерево королей вряд ли пожертвует еще один дар, а без него он почти бессилен. Он улыбнулся еще шире:

– Фиорэ... Ты всегда недооцениваешь мужчин, находящихся рядом с тобой? Ты не сможешь сказать даже, на что я способен... Но пытаешься предположить, о чем я беспокоюсь и на что на самом деле способен король Самайна... – Рейалл провел подушечкой большого пальца по моим губам, пощекотал подбородок. – Сейчас мы в одной лодке, маленькая ши-дани, и потому знать, что на самом деле тебя гонит, – это мое дело.

Я задумалась. А почему бы нет?

– Недавно я имела глупость вручить в руки одному смертному волшебный Рог, дар Холма королю Самайна. Этот Рог обращает волю играющего на нем в силу, противостоять которой не могут ни Сумерки, ни ши-дани, ни люди, но этот артефакт запросит с Кармайка такую цену, которую он не сможет уплатить и остаться в живых.

Мой зеленоглазый маг, мое солнечное золото, человек, принесший жаркое тепло в прохладную осень... Как я могу допустить, чтобы ты отдал себя в жертву своему великодушию, своему стремлению спасти всех и вся, чтобы ты погиб только для того, чтобы Габриэль стряхнул с себя печать договора с Холмом?

– Я не предупредила об опасности... он не знает, что за оружие оказалось у него в

руках, и не узнает, пока не будет слишком поздно... А я не хочу, чтобы он погиб только потому, что король Самайна не желает на себе нести бремя договора!

– Значит, он нравится тебе... – Голос фаэриэ стал тихим и каким-то... обычным, человеческим. Просто голос уставшего мужчины, человека. – А еще тебе не хочется быть игрушкой в чьих-то руках. Фиорэ, я понял, чего ты не хочешь. А чего ты хочешь... На самом деле?

– Вернуться домой, – не раздумывая ответила я. – Чтобы у беседки по-прежнему цвели пурпурные георгины, моя сестра пела песни, завернувшись в осеннюю шаль у ярко горящего огня. А Кармайкл...

Я запнулась, замолчала. Отвела взгляд.

Пальцы Рейалла выпустили мои волосы, рука бессильно-ласково соскользнула по моей спине.

– Что есть любовь, Фиорэ? – спросил он еле слышно, медленно наклоняясь и едва ощутимо мазнув губами по моему виску. Я промолчала, не зная, что ответить.

Как объяснить, как измерить то, что плохо поддается описанию и измерению? Люди любят странно, по-своему, то щедро выплескивая чувства, вкладывая всю душу и сердце, создавая что-то прекрасное, новое, неповторимое – и в то же время могут держать все в себе, разрушать все вокруг, доставляя объекту этой странной любви боль и страдания.

А ши-дани?

Как можно объяснить то ощущение, которое возникает в момент, когда двое становятся одним целым? Когда посреди зимы распускаются нежные колокольчики и лилии, снежная корона украшает березовые косы жарким летом, а неистовый бег под холодным, бесконечно-высоким ночным небом превращается в полет на крыльях ветра в объятиях вьюги?

Когда вдребезги разлетается аметистовая клетка, и в этом звоне рождается новый мир, молодой, волшебный, пронизанный волей, эмоциями, смеющийся раскатами грома, украшающий себя разноцветием осени, прошивающий сиреневые небеса ослепительно-белыми стрелами молний...

– Не могу... объяснить. – Я прикрыла глаза, силясь оформить каскад ощущений и образов в мысли, в слова. – Это целый мир, в котором ты – это *все*: и небо, и земля, и растения... и все живое. Мир, в котором может быть свободен даже тот, для кого само появление на свет стало залогом несвободы... Слишком мало слов... я не могу сказать точнее...

– И не надо точнее. Я понял и так.

Совсем неделикатное, громкое покашливание нарушило наше уединение, вдребезги раскололо тишину безлюдного переулка. Я вздрогнула, обернулась, глядя на неряшливо, неопрятно одетых людей, приближающихся к нам вальжным прогулочным шагом. Двое, идут спокойно, ничего не боятся. Да и чего бояться-то, если переулок глухой, как подземелье, даже если кричать – никто не услышит, ведь стены домов толстые, хорошо сложены, на совесть, а на оживленной торговой улице все перекрывает городской шум.

– Не обессудьте, голубки, что помешали, но, сами понимаете, голод не тетка. Поделитесь со страждущими богатством – и нам приятно будет, и у вас здоровья не убавится. – Человек демонстративно вытащил короткий меч из ножен, осмотрел со всех сторон тусклое широкое лезвие и улыбнулся мне щербатой улыбкой: – Что смотришь так, красotka, будто не понимаешь, о чем говорю? Впрочем, с тебя я не деньгами взять могу, а лаской. Дешево отделаешься, особенно если язычок за зубами придержишь.

Я попятилась, наступила на уголок собственного плаща и едва не упала под захлебывающийся мужской гогот. Краем глаза увидела еще троих, загородивших выход с другой стороны переулка, – эти были одеты много лучше, и в отличие от петушащихся «заводил» угрюмо молчали, держась на расстоянии. Короткие плащи не скрывали странное, ранее не виданное мной оружие, висящее на поясе, – черненные топоры на изогнутых полированных ручках, а вместо обуха – толстый кованый шип, которым ничего не стоит расколоть голову, как незрелый орех.

– А вот и дружки наши, – усмехнулся щербатый, подходя ближе и лениво похлопывая лезвием меча, обращенным плашмя, по голенищу давно не чищенного, обметанного рыжей грязью сапога. – Разговор окончен. Сумки на землю, а девку я на полчасика прижму в сторонке.

Он протянул ко мне руку, когда воздух коротко и зло свистнул, рассекаемый блестящей лентой остро отточенного лезвия, а в лицо мне брызнула жгучая, остро пахнувшая железом кровь из отсеченного почти по локоть обрубка. Рейалл, застывший на месте, сверлящий стену перед собой пустым, невидящим взглядом, вдруг крутанулся, как волчок, уходя за спину так и не успевшего толком испугаться и осознать происшедшее грабителя.

Сверкнул шлейф, оставляемый чуть изогнутой саблей фаэриэ, – и шею человека опоясывает тонкая пронзительно-алая струна, будто линия, аккуратно нарисованная киноварью. Медленно, как во сне, сползает по сведенным судорогой плечам рассеченный надвое капюшон засаленного плаща, а следом за ним на мостовую скатывается ровно, чисто срезанная, будто косой, голова...

Я ахнула, попятилась, прижимаясь стремительно взмокшей спиной к холодному камню кладки, зажимая рот ладонью, а кровавый поток, льющийся из обрубка шеи, торопливо заполнял выемки между булыжниками мостовой, подбираясь к мыскам моих туфель. Рейалл резким движением стряхнул кровавую пленку с лезвия сабли, едва заметно улыбнулся, обводя грабителей взглядом, в котором не осталось ничего человеческого, лишь клубящееся отражение грозных туч, взблески молний.

– Есть еще желающие?

«Заводила» попятился, а люди в коротких плащах, похожие друг на друга, как родные братья, одновременно вытащили из-за поясов боевые топоры и шагнули вперед. Фаэриэ переступил через остывающий труп, зацепив краем длинного плаща расплывающуюся вокруг тела кровавую лужу, и усмехнулся уже открыто, почти радостно.

– Я рад, что среди людских отбросов не перевелись еще отчаянные самоубийцы.

Этот «бой», превратившийся в бойню, перестал быть красивым в первые же мгновения.

Рейалл словно мстил неудавшимся грабителям за свое вынужденное заключение в замке, вымещая на людях накопившуюся злость и раздражение, ускользая из-под резких ударов топора с легкостью птичьего перышка и нанося противникам не смертельные, но весьма болезненные раны. Точно выверенные касания остро заточенной сабли из хладного железа перерезали сухожилия, отчего противник падал, роняя оружие и даже не пытаясь отползти в сторону, или взрезали кожу на лбу так, что обильно кровоточащий пласт отслаивался и повисал, закрывая глаза.

Свист-скрежет-вскрик. Глухой звук падения, плеск крови, толчками вытекающей на грязную, ставшую скользкой мостовую.

Зазвенел топорик, выпавшей из руки с перерезанным сухожилием, человек упал, пытаясь зажать фонтанирующий алой кровью глубокий порез. Бесполезно – сабля фаэриэ отворила слишком крупный сосуд, а с надрезанными, непослушными запястьями невозможно сдвинуть бедро с достаточной силой.

Меня замутило, я отвернулась, спрятала лицо в ладони.

Не хочу это видеть, не могу видеть!

Чья-то рука грубо ухватила меня за косу, резко дернула, запрокидывая голову назад, а горло неприятно заохлодило острое лезвие короткого разбойничьего ножа в дрожащей, едва не ходуном ходящей ладони.

– Прекрати сейчас же! – Мужской голос сорвался на визг, в нос ударил запах застарелого пота, перемешанный с запахом крови и отхожего места. – Я прирежу девку как свинью!!!

Я часто задышала ртом, сглатывая ставшую вязкой и кислой слюну. Не могу. Не могу!

– Ну и что? – Голос Рейалла спокойный, прохладный, невозмутимый. – Ты всерьез считаешь, что этим спасешь свою никчемную жизнь?

– Я ее убью!!!

Крик на грани отчаяния, в ответ – только резкий свист рассекаемого воздуха, оборвавший стоны раненых. Рука бандита дернулась, нож скользнул по шее, взрезая кожу и пуская по горлу тоненькую горячую струйку.

Я ощутила, как меня обдал порыв ветра, а потом острый шип на обухе боевого топорика, подобранныго Реєм на окровавленной мостовой, с глухим хрустом вошел аккурат в темечко прикрывающегося мной человека.

Брызнуло что-то густое, липкое, окатило щеку и висок плотными осклизлыми ошметками. Человек медленно оседал, наваливаясь на меня тяжестью еще теплого, но уже мертвого тела, заливая мою шею и правое плечо остро пахнувшей железом обжигающе горячей жидкостью. Мелькнул расколотый череп, треснувший, как кожица переспелого плода, и обнаживший развороченное содержимое. Последнее, что я увидела, теряя сознание, было побелевшее, нахмуренное, но совершенно целое лицо с обиженно выдвинутой вперед челюстью и выпученными глазами...

Мир накренился, смазлся, но удушающая тьма затопила сознание раньше, чем я ощутила удар о залитые липкой киноварью камни мостовой...

ГЛАВА 9

Солнечный лучик пригрелся на моей щеке, скользнул по лицу. Я машинально прикрыла глаза локтем, отворачиваясь от кажущегося слишком ярким света, сонно, лениво повернулась на бок, кончиками пальцев ощущая грубоватую льняную простыню. Запах сушеной полыни, еловых иголок и свежего ветра.

А ведь вчера ветер нес на своих крыльях смерть – жестокую, бессмысленную.

Я вздрогнула, открыла глаза.

Маленькая, уютно обставленная комнатка. Светлый, обшитый березовыми досками потолок, стены завешены плотной шерстяной тканью с вытканым, полинявшим от времени и выгоревшим на солнце узором. Небольшой резной комод, на полочках расставлены деревянные куколки в причудливых разноцветных платьях, крошечные овечки, выкрашенные белой и черной краской, лежат плетеные кружевные салфетки. Круглый столик напротив окна с расписной глиняной вазочкой и начищенным до блеска трехрогим бронзовым подсвечником, две резные табуретки, накрытые полосатыми плетеными ковриками желто-зеленого цвета.

Комната, которая больше подходит девочке или совсем юной девушке, еще не достигшей возраста невесты, но уже заглядывающейся на красивых парней, что проходят мимо, а не заезжим гостям.

Я села, машинально провела по волосам чуть подрагивающими пальцами – ладонь почти сразу же застряла в какой-то склеившей пряди засохшей корочке.

Медленно огладила себя по лицу – кожа чистая, только кажется пересушенной. Кто-то умыл меня, прежде чем уложить в кровать, а вот промывка волос бесчувственной женщины, судя по всему, оказалась делом непростым и потому была отложена на потом.

Еле слышно скрипнула, приоткрываясь, дверь, и на пороге появился Джек-башмачник со сложенным в несколько раз широким банным полотенцем. Устало улыбнулся, оглядывая меня, покачал головой.

– Как чувствуешь себя, госпожа ши-дани? – Он подошел ближе, аккуратно положил принесенное на краешек постели, взглянул на меня пристальным изучающим взглядом. – Ты была залита чужой кровью, долго пребывала в беспомощности, а твой спутник сказал, что тебя не успели обидеть, но сильно напугали... – Он здесь? – Я откинула край тонкого шерстяного одеяла, спустила ноги с кровати, коснувшись босыми ступнями цветной плетеной дорожки на каменном полу.

– Здесь, уже вернулся с новым платьем для тебя. Прости, светлая госпожа, но твою одежду пришлось сжечь.

– Не извиняйся. – Я протянула руку, чтобы коснуться его натруженного крепкого

запястья с отчетливо выступающими жгутиками вен, – Ты укрыл нас, когда мог бы просто не пустить на порог своего дома.

– Не мог, светлая госпожа. – Бывший слуга прекрасной Бранвейн вдруг опустился на колено, покачнулся, но устоял, склонил седую, словно пеплом присыпанную, голову. Тронул кончиками пальцев краешек подола простой полотняной сорочки с женским узором на вороте. – Я не могу забыть свою хозяйку, свою облачную деву, свою прекрасную мечту, выплывающую из туманной пелены подобно белоснежной ладье с лебедиными крыльями... Скажи, вспоминает ли *она* еще обо мне или позабыла о смертном, который был ей игрушкой-слугой? Хоть изредка говорит ли обо мне моя прекрасная королева, своим поцелуем похитившая мое сердце и позабывшая вернуть его обратно?

Я задумалась, вызывая в памяти серебристо-серые длинные волосы, похожие на шлейф осеннего ливня, узкое лицо с неяркими бледными губами и огромными темными глазами, обрамленными угольно-черными ресницами. Тонкие брови вразлет, поднимающиеся к вискам, всегда чуть нахмуренные, отчего выражение лица Бранвейн казалось задумчивым и печальным – но лишь до того момента, пока по ее лицу солнечным лицом не скользила яркая светлая улыбка. В такие моменты Бранвейн преображалась, как преображается мир, омытый дождем и украшенный широкой диадемой радуги.

Вспоминала ли она своего слугу, своего Джека-башмачника, после того как проводила его в верхний мир, оставив ему на память волшебные предметы и удивительный дар мастерового человека?

Не знаю, но до сих пор на ее ногах красуются чудесные башмачки из ивовых листьев, прошитых серебристыми лунными лучиками, украшенные обращенным в нежнейший шелк бутонами черного ириса. Говорят, эти башмачки позволили Бранвейн танцевать на поверхности озерной воды, на зыбкой лунной дорожке даже в верхнем мире людей, а не только в глубине западного Холма, потому и бережет их дева сентябрьского ливня. Значит ли это, что она до сих пор помнит мастера из мира людей?

Трудно сказать...

Но людям лучше не давать повода для ложной надежды, которая со временем может перерасти в непоколебимую веру... и однажды привести в Холмы на правах еще одной души, променявшей спокойствие и право на новую жизнь на призрачное существование рядом с ши-дани.

– Не думаю, Джек. – Я пожала плечами, поднимаясь с измятой постели. – Я не слышала упоминания твоего имени из ее уст после того, как ты покинул Холм и ее время.

– Понимаю, госпожа... – Мастер встал следом за мной, бережно тронул мое плечо кончиками пальцев. – Твой спутник нагревал для тебя воду в большом котле, когда я шел будить тебя. Пойдем, я провожу. Кровь с твоей кожи была смыта, но волосы слиплись в колтуны – похоже, тебе потребуется не одно ведро горячей воды, чтобы промыть косы. – Спасибо...

Последовать за мастером-башмачником оказалось сложнее, чем я думала поначалу. Страх перед фазриэ стискивал горло невидимыми пальцами, сковывал каждый шаг, каждое движение будто цепью.

На лестнице я оступилась, качнулась вперед, хватаясь за перила.

Слипшиеся, растрепанные волосы неровными жгутами соскользнули вперед, закачались перед глазами лаковой темной корочкой пряди. Сразу вспомнилась залитая красным мостовая, темно-серые камни, багровеющие под кровавым дождем, скрывающиеся под ручейками, стремительно заполняющими выемки и щели между булыжниками...

Колени разом ослабели, и я ухватилась за громко скрипнувшие перила лестницы, цепляясь за отполированное дерево, как за спасительную веревку, так крепко, что пальцы заболели, заостенели от напряжения. Боюсь. Страшно.

Торопливые, по-кошачьи мягкие шаги вверх по ступеням. Прохладная рука, ухватившая меня под локоть. Перед глазами закачался густо-фиолетовый аметистовый шарик в серебряной оправе с крохотной призрачной искоркой в глубине камня.

– Я дальше сам справлюсь, мастер. Благодарю за кров для моей госпожи.

Голос Рейалла – удивительно мягкий, вкрадчивый, но все равно сердце болезненно, пугливо сжимается, а пальцы еще сильнее цепляются за перила: – Не пойду.

Висок обдает жаркое дыхание, с волос фаэриэ каплет душистая, пахнущая ландышами вода, оставляющая едва заметные пятнышки на светлой льняной сорочке.

– Я отнесу тебя на руках, если не хочешь идти сама, но перила все-таки отпусти. Не хочу забирать их с собой.

Я упрямо дернула головой. Рей пожал плечами и нарочито ласково, почти ласкающе провел кончиками пальцев по моей напряженной руке, по судорожно вздрагивающей кисти. Сдавил запястье так, что я невольно охнула и отпустила перила, и тотчас подхватил меня на руки, прижимая к груди и быстро спускаясь вниз по лестнице.

Небольшая комнатка с единственным маленьким окошком под самым потолком. Над деревянной лоханью с горячей водой поднимается пар, короткая лавочка у стены заставлена горшочками, какими-то тесками и плетеными коробочками. Фаэриэ быстро занес меня в «купальню», пинком захлопнул приоткрытую дверь и, подойдя вплотную к лохани, спокойно разжал руки, роняя меня в нагретую воду.

– Ожила? – невозмутимо поинтересовался он, когда я все-таки прочихалась от залившейся в нос воды и более-менее ровно села, убрав от лица потяжелевшие намокшие пряди. – В студеной ручей было бы действенной, но туда дальше идти. Лохань оказалась ближе.

Рей поправил сползающее полотенце, обмотанное вокруг бедер, пододвинул ближе скамеечку с глиняными горшочками и принялся распутывать мои косы – дело, судя по всему, нелегкое и кропотливое.

– Ты так легко замыкаешься, что мне в который раз приходится разговаривать с самим собой. – Изящные пальцы скользнули по моему затылку, пощекотали кожу. – Тебе неинтересно, почему ты здесь оказалась? И как ты вообще здесь оказалась? Нет? А я думал рассказать тебе занимательную историю о том, как мне пришлось изучать на ходу местные закоулки, чтобы принести тебя в единственное место, где тебя не побеспокоили хоть какое-то время. Башмачник так удивился, когда нас увидел.

– Что... ты сказал ему? – Я медленно подняла голову, взглянула в спокойное улыбочивое лицо фаэриэ. – Как...

– Как я объяснил, почему ты залита чужой кровью? Очень просто. – Он усмехнулся, продолжая распутывать слипшиеся косы. – Моей госпоже понадобилась защита от вооруженных обидчиков. А *слуга* не позволит причинить своей ши-дани ни малейшего вреда до тех пор, пока он может ее защищать.

Ты назвался моим слугой?! И он поверил?

– У него не было причин не верить мне. – Рей провел кончиками пальцев по моей щеке. – Я не солгал. Я не дам обидеть мою маленькую ши-дани. И поэтому был весьма убедительным и для башмачника, и для обидчиков. Жаль только, что последние не смогут сделать выводов из преподанного урока.

Я вздрогнула, оттолкнула его руку:

– Уйди. Я сама справлюсь. Пусть я не умею разбивать людям головы с одного удара, но помыться без твоей помощи я смогу.

Он отодвинулся, качнул головой, уронив с кончиков волос остывшие капли воды.

– Ты никогда не смывала кровь ни со своего тела, ни с чужого, Фиорэ. Без моей помощи ты можешь и не справиться.

– Если я и дальше буду находиться рядом с тобой, мне придется научиться это делать! – Я едва не сорвалась на крик, едва удержалась, чтобы не ударить спокойно стоящего рядом мужчину чем-нибудь тяжелым, подвернувшемся под руку. Да хоть горшочком с душистым мылом, – *Рейалл, уйди.*

Иногда в имя фаэриэ достаточно вложить совсем немного силы, чтобы оно наполнилось объемным звучанием, и даже произнесенное почти шепотом отразилось от стен

маленькой комнатухи глубоким, гулким эхом.

Еще не приказ, но уже почти принуждение. Почти вызов.

Только попробуй причинить мне боль – и я тебя оттолкну. Раз и навсегда. И все то, что ты получал ранее лаской и по обоюдному желанию, тебе придется забирать с помощью насилия. А это ведь совсем не то, чего ты хочешь, – мне это видно по глазам, ставшим густо-сиреневыми, такими темными, что зрачки пропадают в сочном цвете радужки, расплываются, исчезают, делая взгляд «слепым».

– Тебе станет легче, если я уйду? – спросил он, выпрямляясь и глядя на меня сверху вниз. – Может, объяснишь тогда... чем вызвана твоя немилость, Фиорэ?

– Мне станет легче, когда я вернусь домой. – Я стянула намокшую, липнущую к телу сорочку, бросила ее на влажный дощатый пол. Потянулась за грубой бледно-желтой мочалкой. – Но не рядом с тобой. Ты ничем не лучше их, ты убиваешь, радуясь плещущей на землю крови, радуясь крикам ужаса. Я понимаю, когда приходится убивать ради защиты или спасения, понимаю, когда приходится убивать потому, что голоден. Но не понимаю пыток, наслаждения ими. Удовольствия игры с чужой жизнью, с чужой болью и страхом.

Я отвела взгляд, с ожесточением провела намыленной мочалкой по правому плечу, словно пытаюсь стереть воспоминание липнущей к коже пропитанной кровью одежды.

– Королева Мечей слепила тебя по своему подобию, научила играть с жизнью, которая никогда тебе не принадлежала, ради удовольствия. Странно, что ты не носишь кровавых одежд, как носила твоя госпожа. – Я горько, безрадостно усмехнулась, растирая мочалкой шею и грудь. – Ты был так похож на Мэбвэн в момент, когда был не в своем праве, что я явно увидела, как она проглянула в твоих глазах и улыбке.

– Она. Не моя. Госпожа! – отрезал Рей, стиснув пальцами край бадьи, и каждое слово, произнесенное им четко, раздельно, было подобно удару грома. – Они и так были мертвы, с того самого момента, как напали на тебя. Почему я не мог дать волю своей ярости, утолить ее в их смерти? Буре сложно быть человеком, Фиорэ. Эта маска не может прирасти к лицу... Но ее имя я запомню. Спасибо, моя маленькая ши-дани. – С каждым сказанным словом он успокаивался, как резко налетевший шквал, внезапно превратившийся в легкий весенний ветерок. Вот только я не могла успокоиться так легко и быстро.

– Потому что они не были виноваты в твоём заключении! Не они заточили тебя в замке и в человеческом теле, и не им было расплачиваться за то, что ты не можешь справиться с обстоятельствами, в которых оказался по собственной глупости и недальновидности! – Я взглянула на него, и на миг мне почудилось, что во влажном жарком воздухе нагретой комнатки повеяло осенней свежестью и запахом палой листвы. – Никогда, Рейалл, никогда не заставляй других расплачиваться за свои ошибки, потому что в конечном итоге каждый отвечает только за себя. Даже если ты будешь срывать свою ярость на каждом, кто по глупости или случайности перешел тебе дорогу, это не поможет тебе стряхнуть оковы человеческого тела, а я помогать не стану. И поверь – с каждой подобной «разрядкой» маска будет прирастать к твоему лицу еще крепче, так, что уже никто тебе не поможет, ни ты сам, ни Холмы, ни Сумерки.

– Ты не поняла, что я сказал, моя маленькая ши-дани. – Фаэриэ печально улыбнулся, присаживаясь на краешек бадьи и проводя кончиками пальцев по моим волосам. – Зато я понял, что ты хочешь сказать мне. Ты согласна останавливать меня в тех случаях, когда я... выхожу за те рамки, о которых ты говоришь?

– Каким образом? – горько усмехнулась я, отводя его ладонь и принимаясь намыливать голову. – Как я могу остановить бурю, когда она вооружена холодным железом и совершенно не соображает, что творит?

– Позвав ее, – тихо сказал фаэриэ, вплетая пальцы в мои волосы. – Просто позови меня... по имени.

Долгий взгляд глаза в глаза. Беззвучный разговор без слов.

Я медленно кивнула, принимая очередное Условие:

– Хорошо...

Что-то тоненько зазвенело, будто бы кто-то ущипнул туго натянутую невидимую струну. Витой медный браслет на моем запястье нагрелся и сквозь янтарные бусины словно проросли тонкие, как лунная нить, аметистовые жилки.

Еще один договор, который почти невозможно разорвать.

Рейалл по собственной воле вложил мне в ладони право остановить его, даже если он станет дождем и штормовым ветром, вернуть при необходимости фазриэ в человеческий облик. Право обуздать полуночную бурю. Доверие, которое живые стихии оказывают только тем, кого не хотят терять ни при каких обстоятельствах. Причины у всех свои, а результат один и тот же.

Габриэль тоже позволил мне называть его по имени... в обмен на право прийти на зов куда угодно, если хватит сил. Только пределов силы короля Самайна не знает никто, даже он сам, пока не попробует и не проверит на себе.

Кажется, когда-то давно именно так Габриэль узнал, что может вести за собой Дикую Охоту даже в людские земли...

Фаэриэ скользнул ладонью по моей голове, потянулся за кувшином с горячей водой.

– Я все же помогу тебе?

Я молча кивнула, разглядывая исцарапанные ладони и почему-то чувствуя облегчение. Словно запутанная игра, где фишки постоянно оказывались не там, где надо, наконец-то была объявлена шулерством, и все остались более-менее при своих, толком ничего не выиграв, но и не проиграв.

Одно данное обещание, одно принятое.

Вроде никто ничего никому не должен, но разойтись на перекрестке дорог уже не получится.

Иногда у капризной девы-женщины-старухи под именем Судьба очень некрасивая усмешка...

Золотые солнечные лучи запутались в каштаново-рыжих косах ши-дани, высветили в светло-серых глазах серебристые искорки, темные пятнышки на дне радужек – как камешки под водой. Она постоянно оправляла подол длинной, до колена, рубашки, одергивала штаны и путалась в полах нового летнего плаща – не привыкла ходить в мужском костюме и потому ей мешалось все и сразу. Но, с другой стороны, Рейалл уже не мог наблюдать за тем, как его маленькая ши-дани цепляется длинной юбкой за каждый куст и корягу, а потом шипит разозленной кошкой, когда приходится идти по крапиве, которая растет в здешних лесах едва ли не на каждой тенистой поляне. Надоело поминутно оборачиваться через плечо, чтобы быть уверенным, что девушка идет рядом, а не застряла где-нибудь позади, пытаясь высвободить подол платья от цепкой ежевичной плети или разглядывая очередную царапину на лодыжке.

– Неужели ты не мог достать платье? – вздохнула она, проводя ладонью по поясу, на котором висело ее самое большое сокровище, дар осеннего Холма, надежно укрытый в простеньких ножнах, которые смастерил для ши-дани башмачник вместе с короткими уютными сапожками.

– Увидишь, в штанах путешествовать гораздо удобнее. Еще спасибо мне скажешь. – Рейаллу стоило немалых трудов не улыбнуться, наблюдая за тем, как изменяется выражение ее лица. Недоверие, капризное возмущение, задумчивость. Настроение меняется так же легко и быстро, как небо в осенний день, – то дождь, то солнце, то ни облачка, а то словно из ниоткуда ветер пригонит ливневые тучи.

– Непременно. – Она вздернула нос и отвернулась, глядя куда-то в сторону.

Ей, большую часть жизни прожившей внутри волшебного Холма, интересно было абсолютно все – и каменные дома с резными ставнями и вычурными вывесками над дверью, и уличные менялы, и коробейники, во все горло нахваливавшие свой товар, предназначенный в основном для падких на все яркое и блестящее женщин – зеркала, ленты, гребни. Мелочи, которые обычно весьма привлекательны для слабого пола и совершенно безразличны тем, кому чаще всего приходится расплачиваться за пристрастия своих жен и

подруг. Люди, снующие вдоль торговых рядов, богатые и бедные, красивые и уродливые, с улыбкой на лице или с нахмуренными бровями зачастую привлекали внимание ши-дани сильнее, чем яркие безделушки или дорогие ткани. Фиорэ наблюдала за людьми с каким-то странным, непонятным интересом, подолгу рассматривая то задумчивую девушку, почти девочку, стоящую за прилавком с глиняными игрушками и постоянно держащую ладонь на округлившемся животе, то молодого мужчину, который одаривал богато одетую женщину драгоценностями.

Ши-дани словно смотрелась в искривленное зеркало, хмурилась и пыталась увидеть и понять нечто такое, что не могла осознать или заметить раньше.

Рейалл уже начал терять терпение, когда что-то словно кольнуло затылок ледяной иглой, застыло, прилепилось как клещ. Чья-то поисковая магия, безошибочно нащупавшая оставленную на его теле запирающим заклинанием метку.

Легкая улыбка тронула губы.

Нашли все-таки. Те, кому стало известно о сбежавшем пленнике, кто не забывал о замке на мысе Иглы и о Грозном Сумраке. Странно, что провозились преследователи так долго – ведь для людских поисковых заклинаний он должен был сиять, как огромный костер в безлунной ночи, на свет которого можно безошибочно выйти даже из лесной чащи. А значит, появилась-таки возможность расквитаться хотя бы с орденом человеческих магов, связанных Условиями так же жестко, как и сам фаэриэ, но куда как менее жестоко.

Фиорэ, идущая рядом, звонко рассмеялась, когда встреченный бродячий фокусник выудил из рукава живую птицу, которая, вместо того чтобы сидеть смиренно, вдруг клюнула мужчину в палец и вспорхнула в небо, радостно чирикающая от счастья вновь обретенной свободы.

За себя Рею было совершенно не страшно – за годы заключения он свыкся и со смертью, и с оковами, но вот мысль о том, что в случае его поражения люди не пощадят и осенницу, которая случайно или благодаря очередной шутке судьбы оказалась рядом с ним, холодным камнем легла на сердце. Затопчут в мире людей этот хрупкий цветок осени, несмотря на природное волшебство, сломают и выбросят умирать в пыли на обочине дороги, не пожалев затраченных усилий. Сейчас она смеется, тянется к этому людскому, срединному миру на границе между Холмами и Сумерками. Быстро забывает нанесенные обиды и совершенно не умеет мстить. Странное, по-своему волшебное, создание. Впрочем, разве не такой должна быть осень? Разве природа помнит нанесенные ей плугами и лопатами раны, разве пробует отомстить за разведенный на земле костер или вырубленный лес? Иногда злится, срывает крыши домов ураганным ветром, заливая поля дождями или вымораживает ранним снегом, но все равно любой ветер рано или поздно стихает, снег тает, а вода испаряется под ласковыми солнечными лучами.

Если бы ши-дани были такими же мстительными, как фаэриэ, они давно перекроили бы этот мир под себя, не оставив от обидчиков даже следа. Одно наводнение, река, вышедшая из берегов, или земля, вздрогнувшая или расколотая глубокими трещинами, – и человеческое поселение перестает существовать. А если заставить природу взбунтоваться повсюду?

Легко и просто – ши-дани достаточно лишь захотеть мести в момент, когда они входят в полную силу.

И счастье, что они желают совсем иного...

Рейалл скользнул ладонью по плечу шедшей рядом с ним Фиорэ, прижал девушку к себе одним рывком и остановился, вслушиваясь в гул толпы. Глухо дребезжала натянувшаяся «нить» поискового заклинания, на другом ее конце кто-то торопливо приближался, все быстрее и быстрее. Вряд ли орден пришлет одного обремененного Условиями человека, раньше их всегда было как минимум двое. Можно было бы попробовать сбежать, укрыться в лабиринте переулков, но тогда у врага будет шанс ударить в спину или применить колдовство, на которое далеко не сразу решишься в толпе в разгар базарного дня.

Фаэриэ едва слышно усмехнулся. «Простые люди», которых по идее защищает орден,

станут великолепным щитом против подосланных за Грозовым Сумраком служителей. И пусть ши-дани, тоже почуявшая беду и испуганно жавшаяся к его боку, потом ругается, плачет, грозит уйти – неважно. Главное, чтобы было кому ругать и грозиться...

– Ничего не бойся.

Девушка вздрогнула, вскинула подбородок, заглядывая в лицо фаэриэ. Испуг сменился страхом, тонкие пальцы до боли вцепились в его локоть.

– Только не начинай убивать. Не здесь.

Она не могла не попросить об этом! Ну просто не могла!

Широкая улыбка сама собой появляется на лице фаэриэ. Хочется смеяться в голос, искренне, до слез, но тогда маленькая ши-дани испугается еще сильнее, а вдобавок еще и обидится.

– Хорошо. Без трупов. По крайней мере, на этой площади.

Из толпы выныривает уже знакомая по пути в Альгаст светловолосая девчушка, оглядывается вокруг, торопливо перекатывая в ладони серебристый шарик, опутанный черной паутиной, будто наматывая нитку на клубок. Поворачивается, неотрывно глядя на шарик, а потом поднимает взгляд.

Тонкие пальцы сминают амулет, а лицо становится похожим на гримасу обиженного в лучших чувствах ребенка, обманутого и преданного близкими людьми. Девушка охнула, роняя на мостовую сплюснутый в неровную лепешку шарик, больше похожий на раздавленное насекомое, и прижала ладонь к губам, словно подавляя неуместное восклицание.

– Зря ты пришел в город. – Глубокий мужской голос, пронизанный магией, разносится над заполненной людьми площадью, эхом отражается от стен, прокатывается по спине колючим плодом неспелого каштана. – Отсюда тебе уже не выйти.

Иллюзия, пустышка – но как действует на чернь, благоговейно расступающуюся перед статным магом, одетым в глухой черный костюм для верховой езды, застегнутый до самого горла, несмотря на душный жаркий полдень! Даже семенящий за ним пожилой мужчина с золотой цепью на шее кажется величественным и гордым, настоящий градоправитель, вознамерившийся очистить свой город от существа из страшных легенд и тем самым снискать славу. Похоже, за то время, что Грозовой Сумрак был заточен в замке, люди успели позабыть о полуночной буре, которая поднимала в воздух не только обломанные ветки и побитую черепицу с крыш, но и хорошо заточенные клинки из ближайшей кузни или оружейной лавки.

Позабыли – и потому перестали бояться, сочли легенду приукрашенной выдумкой, а самого Рейалла – лишь фаэриэ, утратившим разум и волю в чужих руках и потому не способного создать ничего страшнее порыва ветра, который разве что шляпу с головы сдует да метнет в глаза пригоршню дорожной пыли.

Просто превосходно!

Задвинуть Фиорэ за спину, улыбнуться, наблюдая за тем, как люди торопливо отступают назад, прячутся в подворотнях, за углами домов – но не уходят, словно не желая пропустить неожиданное представление. Что ж, разочаровать такую широкую публику было бы непростительно.

– Не выйти? – Рей улыбнулся, обвел взглядом площадь. – А как ты собираешься мне помешать, человек? Один будешь со мной драться? Но в таком случае развлечение завершится чересчур быстро и не в твою пользу. Твои фокусы на меня *уже* не подействуют.

– Зачем один? – Маг подошел к пугливо сжавшейся светловолосой девушке, обнявшей себя руками за плечи, скользнул кончиками пальцев по ее открытой щеке. – Гвендолин, не отходи далеко.

– Подставишь жену под удар? Я впечатлен. До такого даже мне опускаться не доводилось.

– Да, в свое время ты боролся до конца за свою госпожу. – Маг взмахнул рукой, люди, оставшиеся на свою беду на площади, отхлынули назад, пропуская небольшой отряд

местной городской стражи – с десятков воинов в кольчугах и прочных кожаных куртках, вооруженных мечами, явно выкованными в одной кузнице по не самому удачному образцу.

Прилив ярости – как порыв горячего душного ветра, обдавшего лица людей, не сообразивших отойти подальше, а то и вовсе сбежать. Хрупкие пальцы ши-дани, предупреждающе сжавшие ладонь фаэриэ.

– Я помню свое обещание, милая. – Голос тихий, очень мягкий, ласкающий бледные щеки Фиорэ призрачными пальцами летнего ветерка. Трупов на этой площади не будет. Но кто сказал, что нельзя сделать так, чтобы оставшиеся в живых позавидовали мертвым, павшим на поле боя?

Два шага назад, к телеге, у которой какой-то крестьянин позабыл цеп[1] с недлинным, в три локтя, держальнем и массивным деревянным билом. Сыромятный ремень, соединявший било с рукоятью, оказался порядком потрепан, а кое-где даже надорван, но и такого оружия будет вполне достаточно против неповоротливого человеческого тела.

– С таким сбродом я даже саблю из ножен доставать не буду, – усмехнулся Рейалл, отодвигая ши-дани к телеге и поудобнее перехватывая отполированный трудолюбивыми крестьянскими руками держалень цепы. – Мне хватит и такого оружия.

И почему наиболее молодые всегда лезут вперед, надеясь напугать противника громким, чуть захлебывающимся криком и торопливым, но бессмысленным размахиванием отполированного до блеска меча?

Шаг в сторону, массивное било взлетело вверх, захлестывая ремнем через руку, удерживающую меч, и ощутимо ударило человека в ухо, отчего тот споткнулся и неловко покачнулся, пытаясь удержать равновесие. Рей пнул человека под коленку, а потом еще добавил нижним концом держальня по затылку так, что стражник рухнул лицом вниз на мостовую и затих.

Острое лезвие свистнуло над головой фаэриэ, шевельнуло растрепанные волосы порывом воздуха, а в следующее мгновение человек уже лежал рядом с напарником в позе зародыша, визгливо подвывая и прижимая руки к паху. Насчет возможного потомства можно уже не беспокоиться – детей там, судя по всему, делать будет уже нечем. О боеспособности в ближайшее время тоже думать не стоит.

– Похоже, здешняя стража не может защитить даже себя.

Перехватить занесенную руку с мечом, отвести взмах в сторону так, что лезвие врубается в незащищенное бедро стоящего рядом стражника, не успевшего отскочить в сторону или задержать удар лезвием собственного клинка. Кровь моментально пропитала штанину, частой каплей пролилась на мостовую. Ранение серьезное, но не смертельное, если вовремя перетянуть ногу и оказать помощь. Если не успеют... что ж, людская медицина во все времена оставляла желать страждущим много лучшего.

– Зачем носят оружие – непонятно! – Хруст сломанного сустава, меч со звоном ударился о булыжники, стражник тонко, по-бабьи, взвизгнул, прижимая к телу руку с неестественно вывернутой кистью, шагнул назад, споткнулся о ноги лежащего на мостовой человека и неуклюже сел на задницу прямо в лужу не успевшей еще остыть крови.

– Еще желающие?

Люди подались назад, отступили, и сразу же над площадью словно раскинулась тонкая невидимая сеть, воздух стал душным, тяжелым, перламутровым маревом затрепетал вокруг фаэриэ – и вдруг сгустился плотным облаком, жалящим кожу крошечными раскаленными иглами. Заклинание обернуло Рея колючей цепью, сдавило грудь, тяжелой могильной плитой пригнуло к мостовой.

Те же ощущения, когда его захватили среди дня посланные орденом маги, то же заклинание подчинения, рассчитанное на живую стихию, на обуздание силы, живущей в каждом фаэриэ. Своего рода Условие, выжигающее волю раскаленной печатью подчинения, оплетающее живущую внутри человеческого тела стихию тонкими сиреневыми щупальцами-побегами, превращающимися в нерушимую магическую клетку.

Держалень треснул и рассыпался тонкой, острой щепой в судорожно стиснутом кулаке.

Рейалл упал на одно колено, пытаясь стряхнуть оковы заклинания, когда в двух шагах у него за спиной зажглось еще одно солнце. Яркое, залившее площадь золотисто-рыжим сиянием, теплое, ласковое, как нежные руки возлюбленной. Живое.

Перед лицом хрупкой маленькой осенницы неподвижно висел ее красноватый нож, янтарь в рукояти которого и сиял пойманной звездочкой так, что глазам было больно смотреть, а по лезвию, направленному острием вниз, расплывалась багряная кровавая пленочка. Ши-дани смотрела вперед, на мага, выставившего перед собой облитые перламутровым сиянием ладони, и стремительно изменялась, становясь такой, какой Рейалл видел ее лишь мельком в ночном лесу да в почти позабытом сне-яви.

Тонкой плетью вьюнка выступил на ее щеке витой причудливый узор, когда Фиорэ взялась окровавленной ладонью за рукоять висевшего в воздухе ножа и начала медленно, с видимым усилием разворачивать его острием вверх.

Мертвая тишина упала на мостовую, накрыла людей невидимыми крыльями, пригвоздила к месту, и в этом безмолвии Рейалл услышал тихий шелест-скрип, будто бы содержимое разбитых песочных часов тонкой струйкой сыпалось на деревянный пол.

Ши-дани разворачивала нож острием к небу, капли крови срывались с ее тонкого запястья и падали на булыжники мостовой, которые тускнели на глазах, покрываясь трещинами.

Сдавленный хрип-вскрик мага разорвал тишину, эхом отразился от каменных стен домов, но он был заглушен голосом Фиорэ, который выводил высокую, странную ноту, песню на одном дыхании, непрерывную, льющуюся как поток воды, болезненно-звонкую, заставляющую трепетать и покорно опускаться на колени со склоненной головой.

Власть ши-дани, о которой многие не знали или не хотели знать, сила, которой они пользуются редко или же не пользуются вообще.

Молодое лицо обремененного Условиями человека покрыла сеть тонких морщин, и чем выше поднималось острие ножа осенницы, тем глубже они прорезали лоб и щеки, горькими складками ложились вокруг рта и под глазами. Маг старел на глазах, будто бы Фиорэ поворачивала его время вперед, подгоняла немощную старость, оставляющую позади силу и привлекательность.

Рей смотрел в неподвижно застывшее холодное лицо осенницы и вдруг понял, что, когда блистающий багрянцем и золотом нож, рассыпающий вокруг янтаря на рукояти колючие рыжие искры, развернется острием к небу, человек, присланный орденом, умрет от глубокой старости. Потому что сейчас из светло-серых глаз осенней ши-дани смотрело безжалостное и неумолимое Время, которое властно над всеми без исключения. Которое не останавливается и не поворачивает вспять – просто идет вперед, иногда быстрее, иногда медленнее, перешагивая через любое препятствие, проникая сквозь любые стены и настигая каждого.

Великая сила, великая власть.

Потому что за ней следует сущность еще более неумолимая и безжалостная, избежать встречи с которой не суждено никому.

За плечом осенницы мелькнула тень, от которой повеяло холодом заброшенной могилы, нерушимым спокойствием и бесстрастным равнодушием. словно натянулась прозрачная, хрупкая нить человеческой жизни, которую так легко перерезать той, которая имеет на это право...

Еще немного... только повернуть лезвие ножа...

– Пощади!!!

Девичий крик почти перекрыл жутковатую, пробирающую до самого нутра звенящую песню ши-дани. Голос осенницы сбился, дрогнул, когда Гвендолин подбежала к ней, упала на колени, обнимая руками запыленные сапоги Фиорэ:

– Остановись!!!

Красноватый нож выпал из ладони ши-дани, не завершив поворот на четверть оборота, зазвенел о камни мостовой. Густую, звенящую тишину словно платком смахнуло, Фиорэ

моргнула, и человеческий облик проступил сквозь черты ши-дани, как земля из-под тающего снега.

Обычная, слегка растрепанная и напуганная женщина, у ног которой навзрыд рыдает светловолосая девчонка в зеленом плаще.

– Что вы стоите... – Вдвое постаревший маг с пепельной сединой в поредевших волосах тяжело оперся на плечо бледного градоправителя, с трудом дышал, хватаясь истончившейся рукой за грудь. – Хватайте... пока они оба ослаблены колдовством.

– Да-да, хватайте, – насмешливо отозвался фаэриэ, подходя к рыдающей Гвендолин и одним рывком вздергивая девушку на ноги. Ухватить за светлые растрепанные волосы, прикрывающие половину лица, отвести назад – и развернуть девушку к столпившемуся в нерешительности народу. – Только вначале взгляните в лицо тех, ради кого умираете!

Кто-то отвернулся, кто-то приглушенно вскрикнул, но большинство разглядывали магичку со знаком ордена, вышитым на уголке воротника, с брезгливым интересом. А посмотреть было на что – левая щека девушки выглядела так, будто кто-то аккуратно срезал с лица кожу, а потом шутки ради зарастил обнажившиеся мышцы и сосуды прозрачной пленкой. Метка Сумерек, след узкой трехпалой ладони, появляющийся, когда люди по глупости или неумелости пытаются вызнать будущее у изнанки тени или стремятся заполучить себе на службу мелкую нечисть. Левое веко оказалось не то срезанным, не то выжженным, а глаз потемнел, белок стал черным, пронизанным едва заметной сеточкой алых сосудов, тогда как зрачок вместе с радужкой обратился в жутковатое бельмо, затянутое зеленоватой пленкой.

Похоже, что когда-то давно Гвендолин слишком тесно пообщалась с Сумерками, наверняка прибегнув к зеркальному гаданию на суженого-ряженого, и по неопытности позабыла оградить себя должным образом, вот и расплатилась меткой на лице, которую не покажешь никому, даже близкому человеку. Слишком страшной делала она миловидное девичье лицо, и хорошо, если люди всего лишь шарахнутся в сторону, а не потащат на костер сжигать отмеченную изнанкой тени девку во избежание «нехорошего».

Рейалл бережно, почти ласково провел пальцами по горлу плачущей, но не смевшей шевельнуться девушки. Хотелось свернуть эту тонкую шею, одним движением, так, чтобы вместе с магичкой погибло то, что наблюдает за миром людей через искалеченный Сумерками глаз. Какое у нее Условие колдовства, если она составляет пару волшебнику, способному к сильному чарованию в солнечный полдень? Полночь? Закат?

Хотелось обезопасить и себя, и ши-дани от того, что может выбраться из этой девочки с наступлением темноты. Раз и навсегда обезопасить. Ведь это так просто – одно движение, и все. Она даже боли не почувствует...

– Проваливайте из нашего города!

Фаэриэ поднял голову, ища взглядом того, кто осмелился выкрикнуть то единственное желание, которое читалось на лицах людей в толпе, за исключением, пожалуй, обремененного Условиями человека и его спутницы с меткой Сумерек на щеке.

Похоже, смертные наконец-то начинают усваивать преподанные уроки.

Стражники, оставшиеся на ногах, торопливо выставили перед собой мечи, но нападать не спешили.

– Уходите. – Градоправитель отступил от «дневного» волшебника, незаметно отряхнул рукав бархатного кафтана. – Я принял решение. Пусть орден разбирается со своими проблемами самостоятельно, без поддержки Альгаста. Вы двое, – он ткнул пальцем в сторону фаэриэ, – уходите из города немедленно. Вам не будут мешать, но проследят, чтобы вы действительно покинули Альгаст. А уважаемым магам я предоставлю уютные комнаты, чтобы они смогли отдохнуть, восстановить силы, и не ранее чем через два часа смогли отправиться в погоню. Если у них, конечно, сохранится подобное желание.

– До чего же приятно встретить хотя бы одного здравомыслящего человека. – Рейалл оттолкнул всхлипывающую девушку в сторону так, что она не удержалась на ногах и упала на булыжную мостовую, в кровь ссадив неловко выставленные ладони, и направился к

сжавшейся в комочек у колеса телеги шидани.

Подобрал разом потускневший, кажущийся чересчур легким красноватый нож, сунул его в ножны на поясе осенницы и бережно провел кончиками пальцев по прохладной щеке. О том, что она сделала, стоит поговорить чуть позже, – о подобных сюрпризах со стороны его маленькой ши-дани хотелось бы знать заранее.

– Идем, милая.

Осенница послушно встала, когда фаэриэ потянул ее за руку, молча направилась к выходу с площади за своим спутником, не обращая внимания ни на людские выкрики, ни на пустые проклятия Гвендолин. Уже на краю площади Рейалл обернулся, снял с пояса небольшой мешочек и бросил его на мостовую. Цветными огоньками заиграли драгоценные камни в широком золотом ожерелье, выскользнувшем из разошедшейся горловины, притянув взгляды окружающих куда сильнее, чем метка Сумерек.

– Вира за покалеченных! Даже фаэриэ чтят людские законы.

– Но здесь слишком много, – неуверенно пробормотал градоправитель, глядя на мешочек с драгоценностями, как бруха на пролитую кровь, с жадностью и вожделением. Рейалл усмехнулся и положил ладонь на плечо ши-дани, увлекая ее за собой прочь с площади.

– Это еще за тех пятерых убитых, что имели глупость пристать к нам накануне.

И до самых городских ворот никто из сопровождавших нас нелюдей стражников не произнес ни слова...

ГЛАВА 10

Вечерние тени постепенно удлинялись, становясь густо-сиреневыми, косые лучи заходящего солнца ложились на изрезанную глубокими колеями от проезжавших телег дорогу, проложенную через лесную просеку. Кое-где в ямках и рытвинах стояла вода от недавно прошедшего дождя, в прохладном воздухе звенела мошकारа, так и норовившая впиться в не защищенную одеждой кожу. Я машинально хлопнула себя по щеке, сбивая окончательно обнаглевшего комара, и устало вздохнула.

С момента, когда нас фактически выставили из Альгаста, Рейалл не произнес ни слова, уводя нас обоих от погони, которую организовала пара заезжих магов из ордена обремененных Условиями людей. Впрочем, разговаривать ему было некогда – фаэриэ бежал со скоростью ветра, держа меня на руках, так быстро и плавно, что казалось, будто бы дорога сама летит ему навстречу, а он всего лишь удерживает равновесие, пытаясь не упасть на стремительно движущейся песчано-желтой ленте.

Рейалл скользил по дороге вместе с потоками ветра, пока город не остался далеко позади, и лишь тогда остановился на какой-то вытоптанной тропе через пшеничное поле, ведущей в еловый подлесок, упал на колени, прижимая меня к груди сведенными от напряжения руками. Говорить он не мог – только с хрипом глотал воздух, как рыба, выброшенная на берег, а напоить его я сумела лишь после того, как фаэриэ отдышался и с трудом разжал руки, позволяя мне соскользнуть на холодную сырую землю.

Буре трудно быть человеком. Не только потому, что приходится носить маску, но и потому, что человеческое тело плохо приспособлено к умениям ночной грозы, к ее скорости и выносливости. У клетки из плоти и крови есть свои пределы, и за возможность скрыться от погони Рейалл расплачивался острой болью при каждом вздохе, непроглядной тьмой в глазах и невозможностью подняться с колен, чтобы продолжить путь.

Впрочем, не прошло и получаса, как фаэриэ встал и медленно, неторопливо побрел через поле по едва заметной тропинке, протоптанной в высокой, почти по пояс, пшенице.

Шаг – вдох, шаг – выдох.

Движения размеренные, плавные и вместе с тем будто бы неживые.

Я пыталась разговаривать его, пробовала забегать вперед или отставать, но Рей ни на миг не сбивался с единожды установленного ритма, ни разу не оступил и не споткнулся, даже

когда я нарочно толкнула его в бок, надеясь вернуть фаэриэ в нормальное состояние.

Бесполезно.

Право слово, мне начало казаться, что Рейалл выложился слишком сильно для того единственного стремительного рывка, когда он уносил меня прочь от города, слишком многое отдал, чтобы вновь не утратить долгожданную свободу – и потому глаза его напоминали пустые, гладко ошлифованные камни, утратившие искорку жизни.

Очнулся он только на вечерней заре, когда вывел нас на наезженную лесную дорогу, уже теряющуюся в сиреневых прохладных сумерках уходящего дня. Впервые обернулся, посмотрел на меня, еле-еле плетущуюся в двух шагах за его спиной, и едва заметно улыбнулся:

– Устала? Понимаю, я тоже. – Он сошел с дороги и совсем неграциозно уселся у корней ближайшего дерева, прислонившись спиной к шершавой, заросшей мхом коре и прикрывая глаза. – Уже закат. В сумерках я чувствую себя значительно лучше и смогу уберечь тебя даже от магии ночной колдуньи, какой бы она ни была.

– Думаешь, они нагонят нас так быстро? – Я неуверенно потопталась на месте, но потом все-таки подошла к Рею, усаживаясь рядом с фаэриэ и прижимаясь гудящим виском к его жесткому плечу.

– После того что ты сделала с тем магом – наверняка приложат все усилия. Только на этот раз мы увидим, на что способна та милая девочка с меткой Сумерек. – Он негромко рассмеялся, словно вспомнил что-то донельзя забавное, веселое. Меня же передернуло, стоило только вспомнить лицо Гвендолин, сочетающее гладкую нежную кожу с одной стороны и обнаженную багрово-красную плоть с тонкой розовой пленкой там, где его коснулась трехпалая лапа сумеречной твари, с другой. – Право слово, мне интересно, как оно будет выглядеть.

– Надеюсь этого не увидеть, – буркнула я, безуспешно пытаюсь устроиться поудобнее. Бесполезно – все тело ныло так, словно за плечами остались по меньшей мере сутки без сна и отдыха. Зря я присела отдохнуть – теперь ведь не заставлю себя подняться, тут и усну, невзирая на прохладный вечер и росу, постепенно скапливающуюся на траве.

– К сожалению, они так просто не отцепятся. Люди – удивительно упрямые создания, особенно когда дело касается личной мести. – Фаэриэ потерся подбородком о мою макушку, глубоко вздохнул. – А если вспомнить о печати Сумерек на красивом личике Гвендолин... Как ты думаешь, сможет ли она простить нам преждевременную старость своего супруга и свое публичное унижение? Даже при твоей наивности, Фиорэ, было бы чересчур надеяться на подобную милость. Кстати... Милая моя ши-дани, почему, если ты способна на такие фокусы, ты не можешь отбиться даже от плохо вооруженного сброда?

– А почему ты не можешь стать ветром в ночном небе? – в тон ответила я и сразу ощутила, как гибкие длинные пальцы Рея, до того осторожно поглаживающие мое плечо, замерли, стали жесткими, как ветки деревьев, чуть вдавились в кожу, словно предупреждая о неудачной теме разговора. Но лучшего сравнения я при всем желании не смогла бы подобрать. – Почему маешься в человеческом облике, не стряхнешь его, став бурей и дождем?

Пауза. Долгая, напряженная тишина.

– Не могу.

Слова настолько тихие, что поначалу мне показалось, будто я ослышалась.

– Не можешь? – Я отодвинулась, чтобы заглянуть ему в глаза, но фаэриэ отвернулся, пряча лицо за водопадом волос, темно-серых, отливающих глубоким фиолетовым отблеском. – Рей?

Молчание. Густое, хоть ложкой черпай.

– Ты просто не знаешь, что можешь, поэтому и не получается. – Я попыталась дотронуться до его лица, но фаэриэ перехватил мою руку прежде, чем кончики пальцев ощутили гладкий шелк его волос – Рей, я тоже не знала, что могу срезать годы с живого существа вне западного Холма. Там, дома, это ощущается совсем иначе, там я становлюсь

своим временем, становлюсь Осенней рощей – и просто делаю шаг вперед или назад, и годы идут вместе со мной. Там есть проторенная тропа, которая тянется сквозь время, зыбкая такая, неясная, туманная, – но я вижу ее так же ясно, как сияющую лунную дорожку на поверхности воды. А здесь... здесь, в мире людей, все иначе. Законы другие, плата другая.

Я накрыла свободной ладонью его одеревеневшие, холодные пальцы, обхватившие мое запястье, ощутила, как фаэриэ еле ощутимо вздрогнул, как по его коже прокатилась скрытая глубоко внутри сила.

Иногда для того, чтобы увидеть спрятанное, надо закрыть глаза.

Ослепительно-белая, изломанная стрела молнии, поделившая надвое суровое грозное небо, разорвавшая густую тьму поднебесья и на миг выхватившая из непроглядного мрака туго свернувшуюся воронку вихря. Величественный огненный змей, полыхающая зарница, заключенная внутри гибкого, как у танцора, тела фаэриэ.

Шелковые плети волос, сиреневые искры глаз, отблеск холодного железа в пальцах ветра.

Запирающее заклинание было смешным донельзя-я разглядела его сверкающее аметистовое зерно, мечущееся в воронке вихря, до которого так просто было дотянуться, стоило лишь оказаться в центре беснующейся от собственного бессилия бури. Нельзя запереть ветер в клетку – но можно заставить его поверить в то, что он заперт раз и навсегда, что и сделало заклинание, возведшими смену Условий Рейалла, наложенное людьми, имевшими силу, фаэриэ, поделившимися знаниями о собственной природе, и ши-дани, в ранг временного закона, который нельзя отменить. Но, как оказалось, можно обойти.

Я вцепилась в руку Рея так, что пальцы заболели. Только бы не потерять ниточку озарения, не отступить назад.

Потому что аметистовое зерно мерцало ярко и призывно, и так близко, что, стоит протянуть руку, – и оно само упадет в ладонь, как переспелая земляника. Забрать последнюю искорку сомнения-закона, чтобы ночная буря наконец-то перестала верить, что превратилась в человека.

Так просто – протянуть ладонь...

Жидкий жар, щекочущий пальцы, металлический запах смешивается с предгрозовой духотой, вечерней прохладой.

Я тянусь вперед, руки проходят через туго свитые плети урагана, не встречая сопротивления, – замершая в ожидании буря не смеет шевельнуть ни единого волоска на моей голове, боится оттолкнуть, напугать.

Ледяной холод – как тысячи иголок. От него немеют пальцы, стынет лицо, покрываются белым инеем ресницы. Аметистовое зернышко вспыхивает морозными отблесками – и вдруг скатывается мне на ладонь зимней слезой, осколком далекой звезды.

Руку простреливает острой болью до самого локтя, но в судорожно зажатом кулаке уже трепещет последняя, почти угасшая искорка временного закона, изменившего Условия Рейалла...

Я очнулась в объятиях Грозового Сумрака, по-прежнему сидящего у корней дерева. Рей прижимал меня к себе так крепко, что я поневоле задумалась о том, что вздохнуть полной грудью в таких стесненных обстоятельствах мне будет очень и очень трудно. Пальцы, сжатые в кулак и накрытые ладонью фаэриэ, немилосердно затекли и болели.

– Фиорэ? – Голос Рейалла был глубоким, сочным и очень низким. Чуть подрагивающим от скрытого напряжения. – Что ты сделала?

– Забрала... твою неуверенность.

Он недоверчиво посмотрел на меня, а потом скользнул окровавленными пальцами по судорожно сжатому кулаку, и он раскрылся наподобие цветка.

На моей ладони, испачканной кровью из незажившего пореза, лежал тусклый аметистовый шарик из подвески фаэриэ, утративший мерцавшую глубоко внутри искорку. Так просто – чуть-чуть поправить Условия приостановленного договора и связать Рея тем, за что он цеплялся сильнее всего во время заключения, – чувствами к прекрасной и пугающей

Королеве Мечей. И пусть всепоглощающая преданность и слепое доверие превратились в обиду покинутого и преданного существа – эмоции оставались по-прежнему сильными и служили прутьями клетки, которую не сломать изнутри.

Я криво улыбнулась – и просто выбросила камешек в траву, покрытую вечерней росой. Подняла взгляд на темнеющее небо в рамке из зубчатых макушек елей, по которому медленно и величаво плыли облака, окрашенные в розовый и алый последними закатными лучами.

Поднявшийся ветер оказался неожиданно теплым и приятным. Он огладил мою щеку, окутал незримым шлейфом, согревающим как бережные объятия. Будто бы летний воздух стал живым оберегающим коконом, внутри которого я впервые со времени ухода из западного Холма почувствовала себя в полной безопасности.

Воздушная крепость, которая может стать дорогим сердцу домом – стоит только пожелать...

– Рей... это ты? Такой?

– Да.

И на этот раз голосом фаэриэ шепнул сам ветер, который сгустился вокруг моих порезов на руках плотным облачком, свернулся тугими кольцами, словно накладывая повязки.

– Когда-то я умел исцелять... Хочу попробовать снова.

Щекотно. Жарко, почти горячо.

Клубящиеся над руками облачка рассеиваются, ветер шаловливо скользнул за ворот рубашки, согревая кожу теплым порывом-дыханием.

Не оставляя на ладонях и следа от глубоких нанесенных порезов...

– Ты самый чудесный лекарь, – тихо шепнула я, прижимаясь к согревающей теплом живого тела груди фаэриэ.

Негромкий радостный смех рассыпался горстью мелкого бисера, звонкой весенней каплей, шелестом летнего дождя. Рейалл поднялся со мной на руках так плавно и легко, что мне почудилось, будто бы он взлетел на невидимых крыльях, приподнялся на ладонь над землей и мягко опустился на лесную дорогу, кажущуюся черной в наступивших летних сумерках.

– Я понесу тебя, маленькая ши-дани. – Шепот-шелест ветра в верхушках деревьев, эхо далекого голоса, отголоски уходящей в сторону грозы. – Впереди река, а погоня приближается в сопровождении тех, от кого отказались и Сумерки, и мир живых.

– А если они нас догонят?

В зрачках Рейалла дважды отразилась молния, невесть с чего прорезавшая кажущееся чистым темно-синее ночное небо.

– Тогда будем надеяться, что пойдет дождь...

Будем. Надеяться.

Тонкой, провисающей в воздухе нитью протянулся над лесом тоскливый переливчатый вой, оборвавшийся хриплым клекотом-кашлем на самой высокой ноте. Меня пробрал мороз по коже, несмотря на теплый ветер, кружащийся вокруг меня как преданный пес.

Те, от кого отказался и мир под солнцем, и изнанка тени.

Не-жить проклятая, неуспокоенная. Загнившие на корню души, обросшие жутковатой, причудливой оболочкой, вызываемые в мир людей через добровольного проводника, угнездившегося в живом человеческом теле.

И наблюдающего за смертными через почерневший, затянутый гниlostным бельмом левый глаз волшебницы Гвендолин...

Лунная дорожка на поверхности широкой и глубокой реки с быстрым течением была прерывистой, яркой, рассыпающейся на отдельные блики-досочки. Как прогнивший до основания мост, который возвышался над водой черными отгрызками когда-то прочных деревянных опор. Середина моста давно переломилась и рухнула в воду, остались только две наиболее прочные секции, соединенные с высоким илистым берегом, поросшим низким

кустарником и жесткой осокой. И не переплыть эту реку никак – снесет течением невесть насколько, а если попадетсЯ водоворот, то и вовсе не выберешься, отправишься на дно развлекать русалок и речных духов в качестве свежего утопленника

– Должно быть, переправу перенесли ниже по течению, – неуверенно, негромко произнес фаэриэ, стоящий рядом со мной и рассматривающий остатки моста, натужно поскрипывающие каждый раз, когда порыв ветра ударялся о гнилые опоры. – Кажется, я слишком понадеялся на свои воспоминания об этой местности, забыв о том, что люди строят уже не так хорошо, как раньше.

– Деревянные мосты вообще стоят недолго, только если за ними не присматривают русалки, – вздохнула я, усаживаясь на берег и пристально наблюдая за рябью на лунной дорожке, за тем, как течение разрезает ее тонкими черными лезвиями, разбивает серебряное полотно на куски, пускает широкие трещины в отражении луны от берега до берега.

Нащупала в небольшом кожаном футляре, висащем на поясе, прохладные тростниковые трубочки резной флейты. Подняла взгляд на луну в небе, сияющую, как начищенная до блеска серебряная монетка, поймавшая лучик солнца на вычурную чеканку.

Весенние ши-дани разделяют лунные лучи на тончайшие спицы, пропуская свет через изумрудно-зеленое птичье перо, превращают их в серебряные нити, которые днем кажутся обыкновенным шелком, а ночью блестят, как подсвеченный изнутри хрусталь. Этими нитками вышиваются узоры-заклинания, узоры-обереги, скрепляются брачные узы, а еще говорят, что из лунных лучей суровые зимники куют волшебное оружие, которое прячут от посторонних глаз в глубине северного Алгорского холма. Так почему нельзя превратить лунную дорожку в настоящий мост, который выдержит двоих?

Можно. Если заручиться поддержкой тех, для кого течение реки становится продолжением рук, кто сам является водой и льдом, спит на дне глубоких омутов и выходит на берег вместе с половодьем.

Водяные духи, русалки, как их прозвали люди. Слабые, вынужденные жить вместе фаэриэ. Ставшие единым целым с рекой, что приютила их. Непокойные, непостоянные создания...

Ветер зашумел в макушках деревьев, принес на своих крыльях безумный, безудержный вскрик-плач, переходящий в звонкий заливистый хохот. Меня передернуло, пальцы сжались на рукояти даренного Холмом ножа. Острый кончик янтарной капельки кольнул ладонь искоркой затаенной силы – болезненно, резко, недовольно. Я застыла, чувствуя, как приливной волной подкатывается к берегу внешне спокойной реки нежить, как эта волна несет с собой удушающий запах тлена, сгнившего савана и ледяной сырости затхлого подземелья, – а у меня нет сил, чтобы дотянуться до Осенней рощи, окунуть замерзшие ладони в благословенное золото солнечных лучей, щедро изливаемое даром древа королей.

Слишком много сил я потратила сегодня, слишком высокой ценой обошелся мне поворот времени для человеческого мага. Всей моей крови не хватит, чтобы оплатить здесь и сейчас еще одну милость беспокойного сердца западного Холма, а другой цены для красного лезвия с рисунком-прожилочками я не знала.

– Фиорэ, нам нужен дождь. – Фаэриэ опустился рядом со мной на колени, неровно остриженные волосы шелестящим водопадом соскользнули вперед, занавешивая узкое лицо с кажущимися бездонными глазами-провалами. Где он потерял плетеную ленту-обруч, что не давала волосам лезть в глаза? Кажется, еще днем она пересекала его лоб, удерживала темно-серые пряди, которые сейчас полоскались на ветру...

– Не могу, – шепот-признание. Я повторяла сказанные совсем недавно Реем слова и впервые была абсолютно уверена, что говорю правду. – Я исчерпала свою меру платы на крови. На сегодня – точно. Потом – не знаю.

– Значит, я вместо тебя станцую сегодня ночью со смертью. – Он улыбнулся, убирая волосы от лица, и вдруг сгреб меня в охапку, обнимая и крепко целуя в губы. Отчаянно. Горячо.

В прохладном ночном воздухе одуряюще пахло свежескошенной травой и водяными

лилиями, послегрозово́й свежестью, а еще почему-то железной окалиной. Тишина, спустившаяся на излучину реки, стала душной и тяжелой, словно кто-то накинул мне на голову плотное стеганое одеяло.

Рейалл отстранился, провел кончиками пальцев по моему лицу, медленно и неторопливо, несмотря на приближающуюся погоню. Словно старался запомнить это ощущение, прежде чем...

– Ты сказал «станцюю»? – вдруг спохватилась я, вскакивая на ноги и глядя на лунную дорогу уже совсем по-другому.

Можно по ней перейти на ту сторону, можно! Только бы не забыться, только бы не сбиться с ритма и суметь навязать свой!

– Рей, помоги мне спуститься к воде! Я сделаю нам мост, на который не сможет ступить ни нежить, ни человек.

Мост для волшебных созданий из Холмов, по которому они могут провести лишь своего слугу или же того, с кем ши-дани связывают узы общего договора. Только бы успеть достучаться до водяных фей, до фээриэ, живущих в глубине этой реки...

Теплая волна плеснула на узенькую илистую косу, замеченную тонкими, резко пахнущими рекой лентами водорослей и подгнившими листьями желтых кувшинок, окатила носки моих сапог. Я торопливо сбросила с плеч легкий походный плащ и принялась раздеваться, укладывая одежду и обувь на расстеленную плотную ткань под невозмутимым взглядом Рейалла.

– Мне тоже раздеться догола? – поинтересовался он, наблюдая за тем, как я увязываю вещи в походный узел, оставляя на себе только широкий кожаный пояс с ножнами и прочным кошельком, где я носила флейту.

– Только снять обувь. По лунной дороге можно пройти лишь босиком, в сапогах уйдешь под воду на первом же шаге.

Я сунула ему в руки получившийся тючок и шагнула вперед, к воде, чувствуя, как ступни щекошет ласковая речная волна, как песчинки, поднятые со дна, оседают на молочно-белой, незагорелой коже. Ветер шевельнул распущенные косы, скользнул по животу прохладным шелковым шлейфом, но я отогнала его ладонью, как верную собаку, лезущую под руку в самый неподходящий момент.

Тростниковая золоченая флейта, извлеченная из футляра на поясе, мягко засияла, подобно зыбкому болотному огоньку, стоило мне только поднести ее к губам и подарить ей звонкий, хрупкий голос своим дыханием. Мелодия-росток, мелодия-нить, хрустальная прозрачная веточка, тянущаяся к черному, усыпанному бриллиантами звезд небу. Она повисла над рекой тонкой струной, зазвенела, запела, начисто перекрывая даже разносящиеся над лесом вопли приближающейся нежити, учуявшей наконец-то желанную добычу.

Лунная ночь замерла, застыла, прислушиваясь к мелодии, услышать которую можно только внутри Алгорского холма, в сердце Осенней рощи, к мелодии, которая тише стука сердца, тише звона крошечной льдинки, разбившейся о выступивший из-под снега по весне камень. К мелодии, которая пронизывает тысячами волшебных поющих струн и становится частью окружающего мира, которая ведет за собой, заставляет плакать и смеяться от звенящей нежности, что сладкой дрожью прокатывается по всему телу от макушки до пяток, заполняет, как кристально чистая родниковая вода – расписной стеклянный сосуд.

Живи! Будь!

Я шагнула на лунную дорожку, и вода упруго прогнулась под моей ступней, окатила пальцы прохладной волной – но не расступилась, удерживая меня на хрупкой посеребренной поверхности, как на перекинутой через реку тонехонькой доске, что вибрирует от каждого шага. Серебряными кольцами разбежались круги по потревоженной поверхности, перекрещиваясь, перебивая друг друга. Они прокатывались по водной глади, тревожа русалок-фээриэ, спящих в свитых из водорослей и кувшинок гнездышках на дне глубокой реки, таяли, как льдинки на весеннем солнце – только для того, чтобы вновь возникнуть от

следующего шага.

Мелодия флейты летит над рекой, как птица, выпущенная из клетки, с шелестом разрезающая воздух могучими крыльями, она зовет за собой, теребит перетянутую струну внутри напряженно зажатого тела, требует не осторожно идти вперед, опасаясь за каждый шаг, а бежать, едва касаясь ступнями лунной дороги, что теперь казалась шире самой реки. Как степь, залитая серебром и украшенная жемчугами росы, осевшей на высокой траве.

И я уступаю этому зову, словно моя флейта обратилась в Рог *Изобилия*, поющую драгоценность, обломок золотого луча. Бегу по мерцающей дорожке, рассыпая вокруг сверкающие звезды-капельки, которые алмазной пылью оседают на моих волосах, холодят обнаженное тело легчайшими прикосновениями, одевают в мантию речной королевы, лунной танцовщицы, которой подпевает хор тонких, призрачных голосов, эхом раздающихся над лентой реки. Чьи-то пальцы касаются моих плеч – и взгляд тонет в насмешливых темно-синих глазах речной фаэриэ, что танцует рядом со мной.

Хрустальная дева, призрачная, изящная, нереально хрупкая, как будто кто-то чудесным колдовством придал сверкающей воде формы женского тела, выковал из нетающего снега тонкое, причудливое кружево не то крыльев, не то шлейфа. Она улыбается, уводя меня в танце лунной дороги на черную, непроглядную тьму водной глади, – но я по-прежнему ощущаю под ступнями мокрую луговую траву, упругую поверхность, а каждый всплеск мелодии лишь укрепляет причудливое плетение заклинания, удерживающего меня на воде.

Мир вокруг изменяется, словно я смотрю на него через частую золотую сеть.

Аметистовый вихрь, пронизанный взблесками молний, в двух шагах от меня неуверенно колеблется над лунной дорогой, медленно, неторопливо пересекает середину реки, но не торопится, словно ожидает меня, боится идти дальше. Я взмахиваю свободной рукой, с которой спускается полупрозрачное полотнище рукава-крыла волшебного платья из нежного белого шелка, – иди, не бойся – и он послушно отступает, но постоянно останавливается, ждет, пока я сделаю шаг к берегу.

К нему.

Комки тьмы, мечущиеся вдоль реки там, откуда мы начинали свой путь, гнилостно-багряные, нездоровые, неживые. Сквозь сетку я вижу бессмысленную, безудержную ярость, не находящую выхода, вижу попытки ступить на воду...

И чувствую, как нежить проваливается в прозрачную глубину реки, как силится доплыть до нас, вцепиться зубами в трепещущую жизнь, выпить ее до дна, как сырое яйцо, оставив после себя лишь хрупкую иссушенную скорлупу.

Грязь, которой не место в этом чистом потоке.

Флейта запела громче, злее, шелковое волшебное платье осыпалось мириадами жемчужных брызг, и в этот же момент течение раскололо реку надвое, обнажив влажное илистое дно с глубокими промоинами-омутами. Вода вспенилась по приказу хрустальной русалки-фаэриэ, вздыбилась белопенным горбом – и с грохотом обрушилась на берег, на узкую косу, где стояли двое – человек, утративший силу с последним лучом солнца, и проводник, через которого нежить изливалась в отвергнувший подобную гниль мир живых.

Лунная дорожка пошла рябью, изогнулась под моими ногами, рассыпалась на блики-монетки – и вдруг мир перевернулся, флейта захлебнулась свинцово-серой водой, а я вдруг поняла, что очутилась с обратной стороны отражения на зеркальной глади.

Истаяла золотая сетка, со всех сторон обступил холодный, давящий мрак, а я смотрела на фаэриэ, что склонялась надо мной по другую сторону водяного зеркала. Наблюдала за тем, как ее черты из хрустально-прозрачных становятся более плотными, более реальными, тогда как моя ладонь, в отчаянии прижатая к непроницаемому «стеклу», истает как мыльная пена.

Страх окатывает ледяной волной, пронизывает насквозь.

Имя – как спасительная соломинка, как тонкая аметистовая спица, пробившая водное зеркало.

Рейалл!!!

Та, другая, шипит, черты прекрасного лица искажаются, обнажая мелкие острые зубы, она резко оборачивается, глядя куда-то в сторону, – и вдруг осыпается частой капелью, хрустальными брызгами, ледяным крошевом, что усеивает застывшую поверхность воды.

Нырнувшее вглубь матово светящееся белым и голубым лезвие ножа вскрыло колдовское зеркало, как материнское чрево, и я ухватила обеими руками за крепкое запястье, потянувшее меня наверх, к вольному ветру, к серебряному глазу луны, к напряженной тишине летней ночи. На берег реки, чистый, заросший душистой, терпко пахнущей травой, что кольнула острыми кончиками колени и ступни, когда фээриэ положил меня на землю.

– Фиорэ?

Жаркие дрожащие руки встряхивают меня за плечи, щеку обжигает несильная пощечина. С трудом удастся приподнять веки, заглянуть в сверкающие аметистовым блеском глаза, страшные, неистовые, прекрасные.

– Ты со мной?!

– Моя... флейта... – Голос у меня шелестящий, еле слышный – как шепот трав, шорох листвы. – Где?...

– Утонула в реке. Пусть. Хорошо, что ты сама там не осталась. – Рейалл обнял меня, прижал к груди, кутая в кажущийся тяжелым плащ, утишая, успокаивая дрожь, которая колотила нас обоих. – Не делай так больше.

– Не чаровать? – негромко усмехнулась я, согреваясь теплом Грозового Сумрака, чувствуя, как усталость все-таки берет свое, как еще немного – и я засну прямо у него на руках, не в силах идти дальше.

– Не исчезать, – серьезно ответил он, касаясь губами моих волос, с которых текла речная вода. – К сожалению, наши преследователи тоже никуда не исчезли, их просто снесло течением.

– Передышка, да?

– Скорее возможность дотянуть до рассвета. Я предпочту сражаться при свете дня с магом, чем в сумерках ночи с нежитью.

Надежда, которая вряд ли оправдается.

Я глубоко вздохнула и теснее прижалась к Рею.

Хоть бы пошел дождь...

На руках у фээриэ спала осень.

Маленькая, изящная женщина, доверчиво прижавшаяся к его груди, комкающая в хрупких кулачках плотный лен рубашки. Под глазами у ши-дани залегли густые тени, уголки губ опустились, а меж тонких бровей нарисовалась четкая складочка-морщинка.

Устала. Совсем устала.

Рейалл осторожно коснулся ее лба губами, легонечко, едва ощущая тепло ее кожи.

Спи, моя печальная королева. Твоя золоченая флейта вывела меня из небытия, перебросила лунный мост через широкую реку и ярким солнечным лучом угнездилась где-то глубоко внутри, там, где раньше было место лишь для пьянящей свободы штормового ветра и звенящей песни хладного железа. От усталости твои скулы заострились, руки напоминают тонкие веточки, а пальцы кажутся и вовсе прозрачными – ты отдала гораздо больше сил, чем я мог представить, но мне нужно твое волшебство, твоя способность творить чудеса одним своим присутствием, еще раз. Это жестоко, но я буду просить, требовать, умолять и, если понадобится, причиню тебе страдания и боль – все что угодно, лишь бы ты вызвала дождь до рассвета, лишь бы небеса заплакали, и чем сильнее, тем лучше. Лишь бы я мог защитить нас обоих, потому что по нашим следам вновь идет погоня, которую я ощущаю как черную зловонную лавину, как рваные клочья ядовитого тумана. Нежити плевать на металл, из которого сделан клинок, ей безразлично, холодное ли это железо, серебро или закаленная сталь – ее не убьешь остро отточенным лезвием, как не убьешь туман или болотную жижу, рассекая ее на части. Огонь, магия или солнечный свет – больше ничего не поможет. Деревянные колья всего лишь задержат то, что черным гноем изливается из проводника

Сумерек, если повезет – то до самого рассвета.

Я буду идти, пробуя выиграть для нас еще час жизни.

И разбужу тебя, когда придет время. А пока спи, моя печальная королева, мое осеннее солнце, моя маленькая ши-дани...

Фаэриэ остановился, прислушиваясь к притихшему лесу.

Взбесившаяся река в одно мгновение смыла парочку магов, на свою беду оказавшихся чересчур самоуверенными – не помогла даже ненавязчивая демонстрация возможностей фаэриэ и ши-дани – и потому продолживших преследование. Печать разрушенного заклинания ощутимо покалывала кожу меж лопаток, как чей-то тяжелый взгляд, неотрывно буравящий спину. Значит, недалеко течение унесло волшебницу с меткой Сумерек и ее постаревшего муженька, а жаль.

Резкий щелчок-треск сухой ветки в ночной тишине – как звук сломанной кости.

Совсем недалеко...

– Фиорэ, проснись.

Девушку пришлось слегка встряхнуть, прежде чем она все-таки разлепила глаза и непонимающе взглянула на фаэриэ.

– Что случилось?

– Нас нашли, милая.

Страх выплеснулся на дно серебристо-серых глаз, как вода из чашки. Ши-дани проснулась моментально, схватила за тонкую рукоять ножа – и ладонь ее бессильно опала, повисла, как крыло подстреленной птицы. Отчаянная беспомощность, для которой сейчас не время и не место.

Мгновения – как песок, тонкими ручейками текущий сквозь пальцы, щекочущий кожу жесткой каменной пудрой, мельчайшими крошками. Хрупкая нить взгляда, дрожащая, вибрирующая, перетянутая, – а треск ломаемых под тяжелой поступью сухих веток все громче, все ближе. Душным, тяжелым одеялом окутывает мрак, черным плащом застилает небо пелена облаков, которые могут пролиться дождем в лучшем случае через сутки.

Только если их не подстегнуть.

Звук, словно кто-то с усилием идет по болоту. Влажное, сытое хлопанье смыкающейся над головой случайной жертвы трясины. Белая рука с тонкими пальцами выскользнула из тени, легла на истекающий душистой смолой древесный ствол – ногти обломаны, кожа испачкана речным илом, на темном рукаве тонкие ленты водорослей, обмотавшиеся вокруг хрупкого запястья.

Торопливо спустить ши-дани на землю, задвигая дрожащую девушку за спину.

Сабля из холодного железа со скрежетом выскальзывает из ножен, светлой полосой поблескивает в сумерках. Пусть это оружие не остановит нежить, но хотя бы задержит до того момента, как перепуганная осенница вызовет дождь. Или погибнет следом за фаэриэ.

– Он утонул... – Хриплый, kloкочущий голос, словно кто-то пытается говорить, когда вода заливает рот и ноздри, заполняет горло. – Он утонул... и вы умрете.

Из мрака выдвинулась тонкая сгорбленная фигурка Гвендолин в промокшей донельзя одежде. С кончиков длинных, измазанных грязью и песком волос капала вода, они облепили лицо тонкими змеящимися лентами, свисали до самой земли белесыми водорослями, побегами древесного мха. Воздух наполнился запахом болотной сырости, гнилой травы и почему-то мокрой звериной шерсти. Девушка подняла лицо – наполовину съеденное гнилью печати Сумерек, оно истекало темным гноем, который скатывался тяжелыми, тягучими каплями по изуродованной щеке, пропадал в чернеющей прогалине у корней дерева.

Не вовремя выглянувшая из-за плеча Рейалла ши-дани ахнула, качнулась обратно, утыкаясь лбом ему между лопаток и неглубоко, прерывисто, задышала, сдерживая тошноту. Проводник, превратившийся в дверь между миром живых и тленным безвременьем, исторгающий из себя нежить, – зрелище отвратительное, пугающее и занимательное одновременно. Хуже всего, что приходится ждать, пока человек не завершит ритуал, иначе его мертвое тело станет широко распахнутой дверью для нежити и останется таковой, пока

огонь не уничтожит плоть, не превратит «врата» в горсть черного жирного пепла и обугленные кости.

– Умрете... умрете... – Магичку согнуло пополам, она упала на колени, уткнувшись лбом в высокую траву, мелко дрожа и цепляясь пальцами за траву, выворачивая куски дерна.

– Вот сейчас и начнется, – вздохнул Рейалл, отступая назад и опуская саблю, чуть покачивая ею из стороны в сторону. Нарочитая расслабленность, позволяющая ударить клинком из любого положения, прочертить четко выверенную сверкающую дугу в воздухе. – Фиорэ, я тебя прошу только об одном – о дожде. Я верю в то, что ты сможешь заставить небеса заплакать, и готов жизнью выкупить необходимое тебе время. Только сделай то, что я прошу.

Усталые больные глаза на бледном осунувшемся лице ши-дани смотрели жалостливо и обреченно, когда Рейалл шагнул к корчащейся на земле волшебнице, исторгшей из своего тела густые тени, стремительно обрастающие плотью поверх оголенных янтарно-желтых костей. Существа неживые, бескровные, с причудливо изломанными конечностями. Неестественно вытянутые трехпалые ладони, кое-как слепленные из темно-бордовых жил, покрытых ошметками подгнивающей кожи, сияющие гниlostным багрянцем точки в глубине пустых глазниц. Широко распахнутые пасти с острыми зубами-иглами в два ряда, изогнутые колесом горбатые спины, покрытые грубыми наростами.

Рейалл успел насчитать четыре тени, прежде чем нежить, почуявшая живую плоть, ринулась в атаку, ведомая одним-единственным безумным желанием – жрать. Трудно представить, что за голод грызет их изнутри в том безвременье, в котором они пребывают до того момента, пока не найдется несчастный, по воле своей или случайно становящийся распахнутой дверью, проводником – но он так силен, что лишает нежить даже намека на инстинкт самосохранения.

Резко, зло засвистела сабля, вспарывающая воздух, рассекающая одну из тварей на куски всего за три удара сердца. Бесконечно долгих три удара.

Лезвие из холодного металла то увязало в дряблой, похожей на скисшее тесто плоти нежити, то скребло по иссохшим костям, разрезая похожие на витые струны сухожилия, не давая ни одной из тварей приблизиться к сжавшейся в комочек ши-дани, которая раскачивалась взад-вперед, стоя на коленях и обхватив себя руками за плечи. Жалкий лепет, которого поначалу не было слышно за хрустом костей и низкими, на грани восприятия, воплями нежити, превратился в бормотание, становившееся все громче и громче.

Передышка. Момент, когда можно стряхнуть липкую темную жижу с запахом гнилой трясины с потускневшего лезвия и осознать, что Фиорэ как помешанная повторяет единственное слово. Имя того, кто обязан был откликнуться на зов. *Габриэль*.

И тот, кто откликнулся, оказался страшнее тварей, что удерживались на расстоянии вытянутого меча лишь благодаря скорости и ловкости фаэриэ. Тучи разошлись, обнажая бледную луну, клонящуюся к закату, не молочно-белую и не желтоватую – розовую, будто бы кто-то плеснул крови в чистое, незамутненное озерцо прозрачной воды. Теплый ветер, выующийся вокруг Рейалла, вдруг стал холодным и злым, переполненным ледяным крошевом и колкими снежинками, словно на небольшую прогалину меж деревьев спустилась суровая зима, обдавшая землю дыханием далеких льдов севера.

Фиорэ подняла заплаканное лицо к небу, раскинула руки – и за спиной у нее в темноте зажглись зеленые волчьи глаза. Две черные тени выскользнули из ниоткуда, из переплетения мрака, с изнанки тени – и бросились на истошно завопившую нежить, на проводницу, чей крик раненой птицей взлетел над притихшим лесом и оборвался под громкий хруст сломанной шеи. Сумеречная тварь, похожая на гончую, вымахавшую до размеров полугодовалого жеребенка, оскалилась и мотнула головой, выдергивая из тела магички кусок плоти и жадно проглатывая его, облизываясь и урча, как обыкновенная охотничья псина, дорвавшаяся до добычи.

– *Зеркало мое ...*

Глухой, рокошущий голос, железным шипастым шариком прокатившийся вдоль

позвоночника. Рейалл обернулся – и увидел, как осенница медленно поднимается с земли, встает и прижимается спиной к груди существа, на две головы выше ее самой, доверчиво тонет в его объятиях, почти полностью скрываясь под складками тяжелого черного плаща. Плечи незнакомца словно замечены снегом, но, присмотревшись, можно понять, что это всего лишь белая волчья шкура, на которой мерцают капельки воды. Или растаявшие снежинки, принесенные из далекого, холодного Самайна.

Зачем ты вызвала *его*, печальная моя королева, неужели ты настолько не доверяешь мне, не веришь в мою защиту? Или я на самом деле пропустил тот момент, когда ты исчерпала все свои силы, заставил тебя сделать невозможное – и для того, чтобы выполнить мою мольбу-просьбу, ты все-таки достучалась до существа, считающего тебя забавой?!

Бледная ладонь с длинными крепкими пальцами скользнула по груди осенницы, медленно легла ей на пояс, на рукоять дареного ножа.

Он что-то спросил, наклонившись к ней так близко, что седые, похожие на серый волчий мех, на ледяной осенний туман волосы короля Самайна скользнули по плечу шидани, а его губы почти коснулись ее уха. Она только кивнула, роняя слезинку с подбородка, – и повернула голову, словно сиюминутно заглянуть ему в глаза.

Кровь обагрила наполовину вытасченное из ножен красноватое лезвие, зажгла золотое солнечное крошево в глубине янтарного оголовья. Король Самайна разжал взрезанную ладонь – и коснулся губ Фиорэ в поцелуе, который сложно было назвать ритуальным или дружеским. Так мужчина целует желанную женщину, ту, которая ему принадлежит... или должна принадлежать. Так целуют, когда хотят утвердить свое право.

Острые когти нежити полоснули бедро фаэриэ, тучи сомкнулись – и в этот момент полыхнула ярчайшая вспышка молнии, на долю секунды выбелившая поляну, где не осталось и следа от короля Самайна и его свиты, оглушающе громыхнул громовой раскат, а за ним стеной хлынул холодный, пробирающий до костей осенний ливень!

Не верится, что такое снова возможно, что хрустальные слезы счастья стекают по лицу вместе с каплями дождя, что тело, до того тяжелое, плотное, мешающее движениям, как слишком тесная рубашка, вдруг становится воздушным и легким, почти невесомым! Чувствовать, как проскальзывает сквозь ставшие прозрачными пальцами клинок из холодного металла, падая на мокрую траву, как одежда медленно оседает на землю ровной горкой, а налетевший вихрь подхватывает, поднимает вверх, все выше и выше! Крик, переполненный счастьем, раскалывающий небеса громом, радостным воплем, от которого содрогается земля, оставшаяся далеко внизу, пригибаются могучие деревья! Свободен! Свободен!

Настолько, что вспышка радости обращается в ветвистую стрелу молнии, ударившую вниз и объявляющую какой-то сухостой оранжевым пламенем, который, впрочем, очень быстро потух под низвергающимся ливнем. Еще одна молния, раздробившая небольшую осинку в мелкую щепу – и неистовый вихрь, подхвативший эти нерукотворные колья, моментально нашипиговавшие нежить, лезущую из распростертого в прогалине тела волшебницы.

Сжечь! Сжечь эту мер-р-р-зость, что гнала меня, нас, по этому лесу, как какую-то шавку, что осмелилась причинить мне боль! Мне!

Ослепительно-белая вспышка ринулась вниз, ударила в раскрытую для нежити дверь, испепелила, оставив на ее месте лишь дымящуюся воронку, наполненную жидкой грязью. Вой нежити перекрыл грохот развернувшейся в небесах бури, которая смеялась, радовалась своему высвобождению из долгого заточения в оковах человеческого тела – и потому играючи сметала все на своем пути, с корнем вырывая деревья, выламывая ветки и с силой пробивая ими скулящих, разбегающихся тварей, стремящихся укрыться от сошедших с ума небес.

Бегите! Все равно вам не укрыться от ветра, раздирающего легкие, от бури, что слишком долго была человеком, пока не...

Холодок осознания, крошечная золотая искорка, кольнувшее то, что могло бы называться душой, сердцем ночной грозы. Тонкая янтарная спица, бесценное сокровище,

едва не оставленное позади, едва не позабытое.

Моя печальная королева, Фиорэ ...

На мгновение усиливающийся гул ветра затих, ради того чтобы возродиться с новой силой, замыкаясь в кольцо. Трепетную и хрупкую фигурку, лежавшую на траве, мягко подняло в воздух, закрыло туманом мелких брызг и непробиваемой броней ветра. Теперь, когда самое важное, самое дорогое укрыто от всего, что может ее обидеть или причинить вред, можно разобраться и с тем, что осталось внизу. Сорвать на них, бездушных, загнивших на корню, не имевших право на жизнь, жестокую ярость пробудившейся стихии.

И одновременно – ласково огладить полупрозрачными пальцами бледную щеку ши-дани, так, чтобы осенница открыла глаза и поняла, что теперь она в безопасности, что ее поддерживают сильные, надежные руки, пусть даже кажется, что они свиты из подсвеченного холодными отблесками молний порывов ветра. Частично «собраться» из воронки смерча так, чтобы можно было улыбнуться своему сокровищу, отдать которое по доброй воле уже не представляется возможным – лучше снова в клетку.

– Чего ты хочешь, осенняя ши-дани? Чем я могу одарить тебя? – Голос с трудом удается сформировать из раскатов грома и гула ветра, но главное, что она слышит. Понимает. И печально качает головой.

– Неужели у тебя не осталось никаких желаний? Проси все что угодно, я все исполню!

Она смотрит, едва ли не плача, разрываясь между необходимостью и тем, что ей действительно желанно, чего она действительно хочет. Только не молчи, моя маленькая ши-дани, только не молчи! Скажи хотя бы шепотом в надежде, что я не услышу, – но ветер слышит все, любой голос, даже самый тихий и далекий, любое слово, а особенно то, что произносят почти неслышно, как молитву к самой Судьбе, правящей переплетением всех дорог, пройденных любым существом, живым или мертвым.

Одно слово, которое шепнула ши-дани, колокольным звоном, серебряной струной, хрустальной каплей отозвалось и в его сердце. Дом...

Иногда, очень редко, самое заветное желание бывает одно на двоих.

О Доме, построить который могут только волшебные существа.

О небольшом Холме, где нет иных законов, кроме тех, что установлены его создателями...

ГЛАВА 11

Чужое сердце глухо бьется под расслабленной ладонью, пальцы чувствуют ритмичную дрожь в глубине груди, ногти чуть царапают гладкую прохладную кожу. Мраморное изваяние, заколдованный принц, живая буря. Мне не хочется открывать глаза, не хочется просыпаться – так уютно лежать, слыша стук сердца, похожий на отголоски громовых раскатов. Сон смешивается с явью, солнечный луч, пригревшийся на затылке, кажется мужской ладонью, оглаживающей волосы легко и невесомо.

Тихо. Безмятежно.

Как в сердце урагана, когда в лицо летит мелкая водяная пыль, а тугие плети воздуха кажутся свитыми из нежнейших шелковых нитей.

– Ты проснулась? – Тихий шепот, похожий на шелест летнего дождя. Сильные пальцы скользнули по моему плечу, оставляя полосу тепла на коже – как невидимый, но хорошо ощутимый след.

– Нет еще. Не хочу.

Негромкий смех, отзывающийся эхом в груди – приглушенно-радостный, искренний.

– Соня. Как осенняя совушка.

– Неправда!

Я неохотно открыла глаза, пытаюсь приподняться на локте, чтобы заглянуть в лицо фаэриэ, на груди которого я так уютно устроилась, – и увиденное меня почти ослепило, словно я посмотрела на солнце, закрытое тончайшей кисеей утреннего тумана.

Рейалл изменился. Еще вчера я наблюдала за фаэриэ, который в общем-то мало чем отличался от человека, по крайней мере, его принадлежность к не-людям была заметна лишь на второй, а то и третий пристальный взгляд, а сегодня рядом со мной лежало существо, которое иначе как волшебным и не назовешь. Будто раньше я смотрела на Рея через серую пыльную занавеску, а теперь этот паутинный полог был сдернут и отброшен в сторону как ненужная тряпка, показав блеск и яркость освобожденной живой стихии во всей красе.

Глаза сияли, как аметисты, поймавшие в тщательно ограненное нутро солнечный луч, разбившие, раздробившие золотую звездочку на десятки разноцветных искорок, прозрачные до самого дна, как горное озерцо. Темный, почти черный ободок, опоясывающий контур радужки – как агатовое кольцо, снятое с пальца. Брови потемнели, из серых стали угольно-черными, черты лица стали мягче, словно все резкие тени были сглажены умелым художником. Пропала суровая складка на переносице, пышная грива свинцово-серых, с фиолетовым отливом волос заметала плечи острыми, неровно обрезанными кончиками. Прямо каскад шелестящих на ветру тонких лезвий, железных спиц, а не волосы.

На меня смотрела живая гроза, невеста как спустившаяся с высокого летнего неба, свободного от туч, на землю. Смотрела – и белозубо улыбалась, широко и искренне, и улыбка эта грела жарким солнечным лучом, пробившимся в прореху в тяжелых, до краев полных дождем облаках. И не спутать ее с человеком. Даже по незнанию.

– Ну что ты смотришь, как будто у меня вторая голова выросла? Между прочим, я был удивлен не меньше, когда впервые увидел тебя без человеческой личины. – Буря с сияющим лицом рассмеялась, обняла меня сильными руками – и вдруг мягко опрокинула на землю, оказавшись сверху. – Скажи, что мне сделать, чтобы ты оттаяла?

Я промолчала, чувствуя прикосновения его пальцев, легкие, нежные – как капельки теплого летнего дождя, скользящие по щекам, как дуновение ветра, что ласково колышет зеленое травяное море на обширных лугах, перебирает невидимой ладонью пряди волос и приносит с собой аромат цветущей весны и медового лета.

– Подумай. Я подожду, маленькая ши-дани.

– Рей, а ты теперь всегда будешь таким? – Наверное, я спросила какую-то несусветную глупость, потому что фаэриэ улыбнулся и звонко чмокнул меня в щеку.

– Нет, конечно. Иначе я буду привлекать слишком много ненужного внимания. Люди не слишком жалуют фаэриэ. Особенно после того, как я разрушил большую часть иллюзий о нашей миролюбивости. Но для тебя, наедине, – можешь не сомневаться, что именно таким и буду. Мне слишком нравится то, с каким восхищением ты на меня смотришь.

Еще один поцелуй, в кончик носа. Я недовольно фыркнула, отвернулась, чем вызвала еще один взрыв сочного, грудного смеха фаэриэ.

– Ты сейчас как лесная зверушка. Милая, забавная и очень пугливая. Между прочим, у меня для тебя есть

хорошая новость – Вортигерн уже совсем недалеко. Нам повезло, что ночная гроза двигалась в нужном направлении, а лететь на крыльях ветра куда быстрее и приятнее, чем идти по земле.

– А где мы сейчас?

Рейалл беспечно пожал плечами и улыбнулся:

– Не знаю, в холмах каких-то. Но, если судить по широкому торговому тракту, пусть даже слегка заросшему, места здесь обжитые, дорогу есть у кого спросить. – Фаэриэ лениво поднялся на ноги, ничуть не стесняясь своей наготы, и с наслаждением потянулся, подставляя светлую, чуть отливающую перламутром кожу поцелуям летнего солнца. – Поднимемся на ближайший холм, а оттуда осмотримся, решим, куда дальше. Согласна?

А что я могла ответить? Согласна, конечно.

– Только сначала тебе все-таки стоит поесть. Мне не хочется, чтобы голодное бурчание твоего желудка взывало к моей совести все то время, что мы будем добираться до ближайшего человеческого поселения. – Рей подошел к небрежно брошенной на землю сумке, с трудом развязывая промокший узел, стянувший горловину. Покопался в ней, извлек

на свет помятый ломоть хлеба, критически осмотрел со всех сторон и протянул мне:

– Извини, когда я становлюсь бурей, то не слишком аккуратен в обращении с предметами, особенно если приходится переносить их с места на место. Чаше всего просто роняю, что ухватил, там, где придется. Хлебушку не очень повезло, но хуже он от этого явно не стал.

– Главное, что мне повезло больше, чем хлебушку, – отозвалась я, взяв из рук Рейалла смятую горбушку и принимаясь за еду.

– Не сомневайся. – Фаэриэ искренне рассмеялся, взъерошив мне волосы. – Уж тебя-то я нес гораздо бережней.

Поросший полевыми цветами холм – как покатаая спина древнего чудовища, дракона, когда-то давно улегшегося спать, да так и не проснувшегося. Ветер свободно гуляет меж высоких трав, пускает по зеленому морю частую рябь, заставляет трепетать нежные круглые листочки крохотной березки, что тонким прутиком выглядывает меж стеблей пастушьей сумки. На розовый венчик клевера, выглядывающий из-под небрежно брошенной на траву рубашки, уселась пчела, немного повозилась, словно устраиваясь поудобней, а потом вдруг улетела с сердитым жужжанием.

Жарко. Не хочется надевать ни льняные штаны, ни сапоги – так и идти босиком по травяному морю, будучи одетой лишь в тонехонькую нижнюю сорочку с неяркой вышивкой у ворота, впитывать летнее тепло каждой клеточкой тела, чувствовать, как при каждом шаге высокие травы обвивают лодыжки гибкими brasлетами. – Идешь?

Я приняла протянутую мне ладонь, сильную, крепкую, теплую. Рей стоял в одних штанах, рубашка небрежно болталась на сгибе его локтя, измятая, в травяных пятнах, с прилипшими к рукаву высохшими еловыми иглами. Взгляд невольно зацепился за потускневшую серебряную цепочку, на которой покачивалась опустевшая оправа в виде драконьей лапы, – теперь это было всего лишь украшение, лишенное даже малой толики волшебства, подобное тому, что продается в ювелирных лавках. Побрякушка, созданная руками людей, утратившая изящество линий и тонкий узор на поверхности, вещь, которую совершенно не жаль потерять или выбросить за ненадобностью.

– Расскажи мне о короле Самайна, – вдруг неожиданно попросил фаэриэ, увлекая меня за собой к вершине холма. – Расскажи обо всем, о чем не заставляет тебя молчать данное когда-то слово.

– Только если в ответ я услышу твою историю. Не ту, которая превратилась в жутковатую и прекрасную легенду в устах человеческих менестрелей и сказочников, – она слишком надуманна, слишком переполнена человеческими понятиями о добре и зле. Ты наверняка слышал ее не раз. – Я улыбнулась, наблюдая за тем, как солнечный луч скользит по темно-серым переливчатым волосам фаэриэ, преломляется, вспыхивая на кончиках разноцветными звездочками. – Мне хочется поверить тому, что ты сам о себе расскажешь.

– Хорошо. Скрасим дорогу страшноватыми баечками из собственной жизни, – невесело усмехнулся Рей, вытаскивая из сумки, которую нес на плече, тонкую зеленую ленточку и кое-как стягивая ею волосы в хвост, разбивая крохотную радугу, что чудилась мне в отблеске прядей.

– Страшноватыми? – Я задумчиво сорвала душистый травяной стебелек, растерла меж ладоней в терпко пахнущую землей и летом зеленоватую кашицу. – Да, наверное, такими они и будут.

Что такое король Самайна?

У меня дома говорили, что это плод странного, непонятного союза зимнего ветра и осенней непогоды. Результат того, что встретились когда-то на перепутье дорог осенняя шидани из малого волшебного Холма и фаэриэ из тех, что не были рождены в мире людей, а просто возникли из воздуха или воды, отделились от лунной тени или солнечного света. Дитя родилось в ночь Самайна, в ночь, когда никем и ничем не сдерживаемая Дикая Охота неслась над миром людей, а Сумерки приоткрывались, выпуская своих жителей на волю до самого рассвета, до момента, пока первый солнечный луч не упадет на землю.

Говорили, что Габриэль сам предпочел судьбу короля Самайна, того, кто сдерживает Сумерки, кто стоит на границе двух миров, по-настоящему не принадлежа ни одному из них, но мне кажется, что у него просто не было выбора.

Мы встретились с ним у дерева королей во времени, которое было общим для всех жителей Холма. Уже тогда он был искалечен, его голос можно было услышать лишь в порывах ветра, а может, сам ветер говорил вместо него, не знаю. Он задумчиво вертел в руках перстень с кровавым янтарем, склонив седую голову и прижимаясь спиной к темной коре великого дерева. Я помню, что поляна была усыпана пожухлыми листьями, по форме напоминающими тот нож, который я ношу с собой, и ветер играл этими багряными лезвиями, разносил по всей прогалине, ронял на поверхность озера.

Габриэль тогда взглянул на меня глазами, подобными темно-зеленой воде в глубоких речных омутах, поднялся и протянул мне ладонь, которую я приняла так просто и естественно, словно мы были знакомы не год и не два – почти вечность. Он представился настоящим именем, даже не упоминая о прозвище, а потом очень долго смотрел мне в лицо, словно выискивая в нем нечто, известное только ему.

Он редко зовет меня по имени, впрочем, как и ты. Только для него я не «маленькая ши-дани», а «зеркало». Я не раз спрашивала – почему именно «зеркало»? Ведь я не повторяю его поступков, не копирую его эмоций, не разделяю с ним мысли и биение сердца... Но он ни разу так и не ответил – только прятал улыбку на дне зеленых глаз и менял тему разговора, а то и вовсе уходил от нее, рассыпаясь ворохом колкой снежной пыли, уносимой северным ветром.

Король Самайна – это раненая в самое сердце ночь, одинокая зимняя вьюга, хрупкое снежное крошево. Это клинок из холодного металла, которого ши-дани боятся, как нежить огня, потому что не ведают, что за рука его направляет, и не обернется ли смертоносное лезвие против них самих.

А еще это – невыносимая тоска, волчий вой, летящий над заснеженным полем, осенняя листва, выбеленная первой зимней сединой, ночными заморозками, быстро тающим поутру инеем. Глубинный страх, который на самом деле лишь полная неизвестность, обросшая слухами и домыслами, как подводный камень ракушками и водорослями. Сила, которая своенравна и хаотична и для которой, как мне кажется, не существует жестких Условий, как для нас с тобой. Или же Габриэль просто очень хорошо умеет обходить не устраивающие его законы.

Совершенное одиночество, которое нельзя разделить с кем-то еще, как не делится пополам лунный диск в холодном зимнем небе. У него было множество слуг – и тех, кто почитал его, как темного бога, и тех, кто любил как мужчину и ненавидел за равнодушие. Наверное, любить короля Самайна – все равно что любить небо, которое всегда будет смотреть на тебя свысока, и неважно, проклинаешь ты его или благословляешь, пытаешься прогнать прочь или зовешь к себе, оно всегда будет прежним и изменяться будет лишь по собственному желанию, оставаясь глухим к тем, кто остался на земле...

– Но на твой зов это холодное и равнодушное небо откликнулось, – тихо произнес фазриэ, крепче сжимая мою ладонь. – Тебе не пришлось срывать голос, стараясь до него докричаться, оно услышало даже шепот перепуганного насмерть существа. Более того – явилось, чтобы исполнить твою просьбу. В обмен на что, кстати? Я не верю, что ты ничем не оплатила кровь короля Самайна, пролитую на твой нож.

– На обещание.

– И какое? – Рейалл остановился, вглядываясь мне в лицо. Тяжелый взгляд, давящий. Подавляющий. Красивое лицо неуволимо изменилось, стало пугающим, чужеродным, словно из-под маски, призванной соблазнять и успокаивать, показалась усмешка Сумерек. – Прошу тебя, не заставляй меня вытягивать из тебя правду насильно, я знаю, что он не хотел, чтобы ты держала это обещание от меня в секрете.

– Он поделился своей силой в обмен на слово, что я явлюсь к нему в день, когда на людские земли придет Самайн, и буду принадлежать ему до рассвета.

– Будешь принадлежать ему?! – Голос Рея упал до свистящего шепота. – Попытки взяться за ум не красят владыку зимней бури и осенней непогоды. И жаль, что я не могу остановить время или повернуть его вспять, как это могут делать ши-дани.

– Ты не оставил мне выбора, потребовав дождь, когда у меня не было сил, чтобы его вызвать. Мне пришлось обратиться за помощью. – Я горько усмехнулась, покачала головой. – Габриэль прекрасно знал, что в сложившейся ситуации я соглашусь практически на все что угодно. И затребовал наибольшее из того, что я могла ему дать в тот момент.

– Единственной альтернативой была моя смерть, маленькая ши-дани. Вот только будет ли ночь, проведенная с твоим королем, меньшим злом?

Фаэриэ замолчал, но ветер, легким, невесомым плащом окутавший мои плечи, тихо шепнул мне на ухо фразу, которую Рей не решился произнести вслух:

«Смогу ли я тебя защитить?»

Вопрос, повисший в воздухе и оставшийся без ответа.

Я лишь качнула головой, отводя взгляд. Ты же сам прекрасно знаешь, что в Самайн единственно надежную защиту может даровать только Габриэль, и никто другой.

– Он не причинит мне вреда.

– Причиняет ли тебе вред нож из холодного железа, вонзившийся на расстоянии ширины ладони от твоего лица, Фиорэ? Нет, но он тебя испугает, вызовет дрожь от затылка до кончиков пальцев на ногах. – Фаэриэ скользнул ладонью вдоль моей спины, наклонился, приблизив свое лицо к моему. – И знаешь... я не хочу, чтобы тебе это понравилось, ведь ты можешь пожелать остаться в царстве холодного короля надолго, если не навсегда.

Он отодвинулся и потянул меня следом за собой, к городу, раскинувшемуся в маленькой долине, пересеченной широкой лентой реки, которую люди усмирили, перекрыв плотиной и зажав в каменные берега водоканала.

– Я расскажу тебе свою байку чуть позже, когда смогу переварить поведенную тобой. Идем. Я помню этот город менее мрачным, но, как показал опыт, мир людей слишком изменчив, чтобы искать в нем постоянство.

Вот уж точно. Даже приятная, упругая луговая трава при спуске в долину стала ощущаться иначе – как не успевшие высохнуть водоросли на илистой отмели. Да и жаркое летнее солнце к тому моменту, как мы добрались до дороги, ровным полотном стелющееся до городских ворот, спряталось за пепельно-серой пеленой туч, неведь откуда пригнанных своенравным ветром. Сразу стало холодно и неудобно, будто плечи окутало отсыревшим за ночь драным стеганым одеялом.

Я зябко поежилась и принялась торопливо одеваться, настороженно оглядываясь по сторонам. Тихо, безлюдно, словно город, на стене которого тускло поблескивали бронзовые декоративные щиты, давным-давно перестал быть живым и сейчас являлся призраком самого себя.

– Рей, а может, пройдем мимо? – тихо попросила я, заправляя штаны в сапоги и затягивая пояс с ножнами поверх свободной рубашки. – Не нравится мне этот город, он словно мертвое отражение на воде, от которого веет холодом.

– Альгаст тебя тоже не восхитил, но город оказался вполне живым, – возразил фаэриэ, затягивая горловину плаща и беря меня за руку. – Если честно, то меня почему-то тянет к этим стенам, к этим домам, словно когда я был здесь в последний раз, я оставил нечто большее, чем просто утраченные воспоминания. Я все силюсь вспомнить, что случилось после того, как я стал ветром над этой рекой, – и не могу. Все как в тумане, где изредка появляются яркие вспышки молний... или отблески фонарей на клинках, – Он потер лоб, словно разглаживая невидимые морщинки, и взглянул на меня:

– Если хочешь, подожди меня на холме, но я должен туда пойти. Мне надоело бродить на ощупь в собственных воспоминаниях.

– А если ты вспомнишь нечто такое, что лучше было бы забыть навсегда?

– Моя маленькая ши-дани... – Рей улыбнулся, провел кончиком пальца по моей щеке. – Я был оружием в руках Королевы Мечей, я просыпался в ее объятиях, измазанный кровью, и

был счастлив, когда она высвободила меня из тисков плоти, обращала в послушную ее воле грозу, которая утрачивала даже намек на сознание. У меня нет иллюзий по поводу того, что я мог позабыть, но в данном случае незнание куда хуже. К тому же я не могу вечно бежать от самого себя, рано или поздно пора остановиться и взглянуть на свое отражение в зеркале правды, каким бы уродливым оно ни было.

– Значит, я пойду с тобой. – Я поправила сумку, висющую на плече, и первой сделала шаг к городским воротам, от которых веяло стылым холодом и туманом, поднимающимся по осени над рекой.

Ведь я обещала, что ты не будешь один...

Небольшая калитка, войти в которую можно было лишь по одному, бесшумно открылась от попытки постучать в нее колотушкой, висевшей на проржавевшей цепочке у самых ворот, впуская нас в молчаливый город. Люди в неярких, словно выцветших на солнце, одеждах неторопливо бродили по широкой и прямой как стрела улице, соединяющей ворота с площадью, на которой был выстроен высокий храм, похожий на вычурную белую свечу. Тихо журчала вода в небольшом фонтанчике рядом с воротами, разговоры горожан сливались в неясный, приглушенный гул, где-то взახлеб лаяла собака.

– Вот видишь, нормальный город. – Фаэриэ приобнял меня за плечи, шагнул вперед по булыжной мостовой, и в этот момент нас окутала глухая, звенящая тишина, словно огромный невидимый клинок, упавший откуда-то сверху, разом обрубил все звуки.

Сердце испуганно сжалось, пропуская удар, фигуры людей поплыли, растворяясь в воздухе как мираж, искусно наведенная иллюзия, а городские ворота оказались наглухо запертыми, более того – железные засовы покрылись налетом ржавчины, намертво соединившись с коваными петлями.

– Нормальный, говоришь? – прошептала я, прижимаясь к плечу Рея и наблюдая за тем, как дома меняют очертания.

Уродливые дыры расползлись по черепичным крышам, резные ставни на окнах превратились словно в изрубленные топором, потемневшие от времени и непогоды гнилые доски, где-то здания просели, обнажив обгоревшие балки и огрызки каменных стен, разрушенные пожаром. Город стал выглядеть так, словно пережил нашествие вражеского войска, которое огнем и мечом разрушало все на своем пути. Бессмысленное, беспощадное уничтожение, лавиной прокатившееся по жилищам людей и обратившее их в развалины.

– Надо уходить. – Рей окинул взглядом ржавые ворота. – Я думаю, что смогу прорубить нам выход, железо тут достаточно разрушено, чтобы не быть слишком прочным.

– Не сможешь, малыш.

Я вздрогнула, оборачиваясь на незнакомый, насмешливый голос, который принадлежал высокому, рослому человеку, сидящему на другой стороне улицы на перевернутой вверх дном бочке и держащему в руках дымящуюся трубку. Длинный, потертый деревянный посох был прислонен к покрытой застарелой черной копотью стене, рядом с ней валялась раскрытая кожаная сумка, столь часто латаемая, что казалось, будто бы она вся состоит из разных лоскуточков, аккуратно сшитых друг с другом. Человек выпустил изо рта короткую струйку табачного дыма, пригладил густую короткую бороду с частыми нитками седины и широко улыбнулся:

– Добро пожаловать в проклятый город, уже лет двести как похороненный на дне реки! – Он отсалютовал трубкой и скользнул ладонью по волосам, привычно убирая от лица коротко стриженные, уже седеющие буйные кудри, которые делали мужчину похожим на матерого лесного зверя, взлохмаченного после долгого сна. – Вот уж не думал, что сюда завернет кто-нибудь кроме меня.

– А сам-то ты кто будешь? – поинтересовался фаэриэ, машинально кладя ладонь на рукоять сабли.

– Не торопись за оружие хвататься, добрый человек... ну, не человек, но это значения не имеет; Не ровен час, потеряешь сабельку-то, и хорошо, если не вместе с рукой. – Мужчина отвел руку с трубкой в сторону, склонил голову в подобии насмешливого поклона.

– Раферти меня зовут. И я просто тот, кто Идет по Дороге.

Идущие по Дороге...

Странные люди со странной, непостижимой, судьбой.

Те, кого пообещали богу странствий, Хранителю Дорог, еще до рождения, а так же те, кто сам избрал для себя подобный путь, однажды переступив порог родного дома для того, чтобы никогда больше не возвращаться. Их жизнь проходит в странствиях, зачастую кажущихся бессмысленными. Они приходят и уходят неожиданно и бесшумно, как внезапная смерть, не оставляя после себя явных следов – но изменяя что-то в сердцах случайных попутчиков и в окружающем мире.

Там, где пройдет Идущий, трава станет зеленее или увянет совсем, чтобы в дальнейшем люди перебрались на другое место, освободив город, деревню или отдельно стоящий дом для того, чтобы там когда-нибудь возникло что-то новое, лучшее и даже волшебное. Дорога вильнет – и приведет к чьему-то порогу судьбу в лице странника, который не останется надолго, но заберет с собой камень, давящий на сердце, вычистит из души пятна злонравия, отчаяния или безысходности.

Идущие по Дороге – это те, кто поддерживает равновесие в мире людей. Они ничем не отличаются от простого бродяги, странствующего менестреля или «контрабандиста мечты», «продавца счастья» – так люди называют предсказателей прошлого и будущего, – но несут с собой перемены к лучшему или худшему, это как повезет.

Они очень медленно стареют, и им не страшны ни Сумерки, ни колдовство, ни людской гнев – Дорога защищает своих посланников, только ей дано право определить, где и когда закончится путь каждого из Идущих, где оборвется туго скрученная струна их жизни. Но и у этих странников есть правило, которое они не могут переступить.

Нигде и никогда они не могут принести смерть своими руками.

Пусть даже иногда возникает необходимость в том, чтобы защитить кого-то, – но Идущие не имеют право отнять ни одну жизнь, какой бы никчемной или разрушительной она ни казалась, ведь сами Идущие живут взаимно. Но никто не мешает так расставить случайности, чтобы их череда привела к гибели, – ведь тут не странники решают, жить или умереть, решает Судьба. Можно так уклониться от удара, чтобы противник споткнулся и напоролся на собственный меч, неловко повернувшийся в руках, и в этом не будет вины того, кто идет по Дороге...

– Впервые встречаю кого-то из вас, – тихо произнесла я, рассматривая идущего рядом человека, беззаботно помахивающего лоскутной дорожной сумой. Раферти лишь пожал плечами, переступая через прогнивший, обугленный на конце обломок потолочной балки, валяющийся поперек разгромленной улицы.

– Нам нечего делать у ваших Холмов, госпожа. Свое *равновесие* вы успешно поддерживаете сами. И хорошего у вас достаточно, и плохого. Всего в меру.

– А говорят, что вы даже в Сумерках хозяйничаете, – усмехнулся Рей, помогая мне перебраться через гору битых кирпичей, загромоздивших две трети улицы, – раньше это была стена дома, которая почему-то рухнула, похоронив под собой раскидистые кусты сирени. Тонкие веточки, не засыпанные до конца темно-красным крошечным, – как хрупкие почерневшие косточки.

– Говорят, свиньи летают, – в тон отозвался Раферти, делая шаг в сторону и даже не вздрагивая, когда на то место, где Идущий находился секунду назад, рухнул кусок стены размером с бычью голову. – Хотя в нашей жизни всяким чудесам есть место. Вот я не думал, что кто-то кроме меня сумеет пробраться в этот город, специально путь крючком от греха подальше для всех нормальных людей завернул – а поди ж ты, нашлись искатели приключений на свое неутомимое седалище.

– Мы и не люди, – вздохнула я, поднимая голову к небу и вглядываясь в серые облака, плотной пеленой затянувшие небо над городом от края до края. Даже свет кажется серым, а на корне языка прочно поселился привкус пепла и речной воды,

– Скажите еще, что и приключений не искали в городе, который на всех картах теперь

изображен жирной чернильной кляксой.

Вытертые, сглаженные временем и тысячей шагов ступеньки церкви, единственного здания в городе, не тронутые разрушением и войной, последний оплот надежды горожан, каким-то чудом выстоявший и сохранивший искусную резьбу на прочных дубовых ставнях. Пожар оставил черный след копоти только на дверях храма, оплавил бронзовые ручки – словно кто-то плюнул ядовитой слюной в бессильной ярости, пытаясь добраться до людей, укрывшихся в церкви, да так и ушел ни с чем.

Внутри было тихо, темно и пустынно. Свет тоненьким сероватым потоком лился только через небольшое отверстие в потолке зала для молений, падал на покрытый запыленной простыней алтарь. Звуки шагов эхом отражались от высоких стен, металась где-то в вышине, под куполом. Под ногами хрустело какое-то мелкое крошево, похожее на строительную штукатурку, осколки витражей покрывали пол разноцветной россыпью.

– Здесь было убежище для тех, кто сохранил остатки веры даже перед лицом страшной смерти. – Раферти шел бесшумно, словно его потертые сапоги вовсе не касались замусоренного мраморного пола с причудливым узором. Шел медленно и торжественно, как по кладбищу, светлому и тихому, где покоились лишь те, кого оплакали от сердца, чьи грехи отмолили и простили. – Сюда долетал звон битвы, крики умирающих и голос читающей заклинание сквозь шум небывалой в этих местах бури...

– Ты знаешь, что здесь случилось? – негромко спросила я, стискивая внезапно похолодевшую ладонь Рейалла. Тонкие сильные пальцы фаэриэ безвольно разжались, он резко остановился, глядя себе под ноги глазами, в которых искрились аметистовые огоньки. Страшный, пробирающий до костей, неживой взгляд.

– Знаю, к сожалению. – Идущий откинул мыском сапога какой-то полусгнивший коврик, опустил на одно колено, осторожно скользя кончиками пальцев по темному пятну на мраморном полу. – И твой спутник знает. Только позабыть мог. Я и сам не прочь бы, если честно, но нам забвение положено только в конце пути.

Я присмотрелась к пятну – и ахнула. Темно-серой копотью на белых плитах пола был нарисован контур распростертого человеческого тела. Словно тот, кто лежал здесь, после смерти погрузился в камень, оставив в напоминание о себе тонкий рисунок на мраморе, едва заметные линии, нарисованные гарью и пеплом, намертво въевшимся в гладкий мрамор. Если бы не Раферти – вряд ли я сумела бы отличить трещины в плитах от контуров тела.

Взгляд зацепился за рисунок, скользнул по линии руки – и сразу же натолкнулся еще на один контур, полускрытый под слоем белесой пыли. И еще один. И еще. Контуров тел сплетались в странный, непостижимый узор, покрывший пол и создавший нечто новое, цельное.

– Сколько их здесь? – упавшим голосом спросила я, с усилием отрывая взгляд от пола и переводя его на поднявшегося с колен странника, который даже не удосужился отряхнуть серое пятно со штанины.

– Много. Весь пол покрыт таким вот художеством – это те, кого проклятая баба не сумела принести в жертву. Те, кто предпочел дожидаться освобождения со своими близкими, погибшими за стенами храма. Добровольные узники проклятого города, название которого уже стерто из людской памяти, – они не дают проклятию разрушить это здание и даже умудрились превратить его в убежище, которое может помочь вам дожить до утра. – Раферти тяжело оперся о посох, обвел взглядом зал. – Человеческая вера – очень странная и непостижимая вещь. Эти люди так не хотели умирать, так верили в свое спасение, что стали нерушимым оберегом, самым мощным из всех, что мне встречался. Храм, у порога которого даже Дикая Охота остановится в страхе и смятении, крепость против Сумерек, равных которой еще не было, да и вряд ли будет построено – находится в проклятом городе, который поднимается из воды ровно на сутки, в день своей гибели. То, что до сих пор не могут сделать лучшие маги, сделала горстка горожан, насмерть перепуганная, отчаявшаяся – но не утратившая глубокую веру в спасение. Глядя на такое, я лишний раз понимаю, что людей есть за что уважать. Идемте наверх, на колокольню. Там воздух посвежее и почище будет.

До темноты еще далеко, а раньше из города все равно не выбраться.

– Это почему же? – Рейалл осторожно скользнул ладонью по моему плечу, легонько сжал пальцы – и последовал за Раферти по узкой каменной лесенке, винтом поднимающейся вверх, к башенке с потускневшим немой колоколом.

– Потому что печати Сумерек, что лежит на городе, нужны новые жертвы взамен тех, что похоронены в этой церкви. А забрать их жизни можно только с приходом темноты, а до того зачарованные ворота впускают всех и каждого, но выйти уже не получится. Даже если разбить ржавые петли и разломать створки – вас ждет только серый густой туман, блуждание в котором приведет вас все к тем же воротам, от которых вы уходили.

Ветер, что гулял на верхушке колокольной башни, был по-осеннему сырым и холодным, нес с собой запах недавно остывшего пожарища и речного ила. Немой бронзовый колокол, лишившийся языка, потускнел, покрылся зелеными разводами и едва заметно покачивался сам по себе, словно невидимый звонарь пытался заставить его снова петь, пронизывая окрестности гулким мелодичным звоном.

Сверху город казался еще более разрушенным, унылым и пугающим. Река, что с холмов казалась нам ярко-синей блестящей лентой, здесь превратилась в темно-серый ленивый поток, по поверхности которого плыли подгнившие веточки деревьев и мелкий строительный мусор. Тишина властвовала над домами – лишь скрипела где-то на ветру оконная створка да изредка срывались глиняные осколки с черепичных крыш.

– Раферти, а что здесь все-таки произошло? – тихо спросила я, кутаясь в плащ и пугливо цепляясь за локоть фээриэ, стараясь не приближаться к высокому стрельчатому окну колокольни.

– Все и сразу. Резня, затем пожар, который охватил западную часть города, а потом плотина рухнула, и река затопила город. Если бы вы пришли сюда в другой день, то увидели бы только озеро меж холмов, из середины которого поднимается маковка этой самой колокольни, и больше ничего.

Раферти уселся на краешек стрельчатого окна, закурил трубку и посмотрел на меня.

– Сказание долгое, но и время нам как-то скоротать надо. Госпожа хорошая, поройся в моей сумке, там с утра печеный цыпленок был. Накрой нам на стол, а я пока расскажу, куда мы с вами по разным причинам влезли. Думается на сытый желудок много лучше, чем на голодный...

История, которую рассказывал посвященный Дороге человек, захватила меня с первых же слов. Странник говорил так складно да умело, словно сам когда-то давно был в городе, который двести с лишним лет назад прозывался не иначе как благословенным, радостным, величественным.

Город Баллард, где ковались самые лучшие мечи, а про кузнецов сказывали, будто бы все мастера получили свой дар, свое призвание после того, как отслужили положенный срок в холмах у фей. Кованые железные кубки казались тонким паутинным кружевом, куда помещалась выдутая из цветного стекла хрупкая причудливая посуда, а уж какие узоры делались на нагрудные доспехи знати – не медью или серебром, волшебной драконьей чешуей, побегами фейского цветка казались.

Но однажды поздним вечером, перед самым закрытием ворот, прошли в город двое – мужчина и женщина, закутанные в темные одежды. Они встали напротив церкви, на самой широкой улице, что вела от северных ворот, и ждали, покуда по крышам домов не застучали первые капли летнего дождя. И под шум воды по глиняным желобам женщина воздела руки к небу, запела песню, равной которой никогда не слышали люди, а мужчина, преданно стоявший у нее за плечом, вдруг рассыпался дождевой каплей, развеялся порывом ледяного ветра...

Тугие плети смерча, что танцевали в ту ночь над Баллардом, запечатали все выходы из города, завалили, заклинили все большие ворота упавшими балками и кусками каменной кладки, отколовшимися от стен. А вокруг той, что прозывали Королевой Мечей, кружилась совсем иная буря.

Женщина медленно шла по улицам Балларда, и все мечи, все ножи, выкованные в горнилах человеческими руками, подчинялись ей, взмывали в воздух, покорные ее воле, и обращались против своих хозяев. Смерть следовала по пятам за той, чье платье из белого шелка стало вначале красным, а потом черным, и собирала большую жатву, великую жатву. Город был обречен, ведь каждая гибель от руки Королевы Мечей становилась еще одной кровавой жертвой, принесенной в дар Сумеркам, каждый последний вздох расширял туннель наизнанку тени, что строила черная королева. И звенела ее песня-заклятие, опутывая каждый дом и каждый камень мостовой страшным приказом – отдать жизнь и душу на прокорм твари, что нетерпеливо ворочалась наизнанку тени, разбуженная фаэриэ...

– Раферти, хватит, – негромко простонала я, хватаясь за голову и пытаясь заглушить колокольный звон, тревожный набат, что звенел в ушах.

Похоронный звон, пугающий, пробирающий до самого нутра. Так звонят, отпевая колдунов или разбойников, так звонит последний оставшийся в живых человек в храме, чтобы возвестить округу о том, что жив еще монастырь, а значит, жива еще вера, которую следует беречь и приумножать, чтобы отчаяние не накрыло черной тенью-крылом, не лишило души людские человечности.

Я вскинула голову – и увидела, как позеленевший от времени и непогоды колокол раскачивается на ветру, словно невидимый звонарь дергает за веревку. Рейалл шагнул ко мне, протянул руку, но я отшатнулась назад в испуге, закрыла лицо руками – но все равно продолжала видеть...

Бурю, с треском раздирающую небеса на куски ослепительными стрелами молний. Черный бархат неба, плачущий крупными ледяными слезами. Бурлящие воды реки, катящей свои волны в рукотворном русле, выложенном гладко обтесанным серым камнем. Я почти слышала звон цепей, которыми был когда-то давно скован Грозовой Сумрак, и ощутила момент просветления, когда Рей нашел в себе силы пойти против воли Мэбвэн. Не разорвать узы договора – но ослабить их.

В момент, когда рука огромного существа толщиной со столетний дуб нетерпеливо просунулась через портал, заботливо выстроенный Королевой Мечей, ослепительно-яркая ветвистая молния с силой ударила в плотину, перегородившую реку! Высвобожденная вода с ревом ринулась в долину, сметая все на своем пути – распростертые тела людей, обломки ставень, гася вспыхнувшие от ударов молний пожары...

И уничтожая заклинание-призыв Мэбвэн, ради завершения которого Королева Мечей принесла в жертву целый город.

Схлопнулся портал, отсекая протянутую в мир людей лапу сумеречного существа, заросшую красновато-коричневой чешуей, заклинание пошатнулось – а потом разлетелось вдребезги, покрывая невидимым крошечным проклятием дома, уничтожаемые наводнением, и привязывая погибших людей к местам их смерти...

До тех пор, пока не придет тот, кто погубил город, и своей смертью не откроет им путь к свободе – Баллард будет похоронен под водой вместе со всеми жителями, лишь раз в год поднимаясь со дна реки, чтобы принять спасение. Или же новые жертвы, которые могут достроить сломанное, но все еще не утратившее силы заклиние Королевы Мечей...

– Фиорэ!

Хлесткая пощечина обожгла щеку. От следующей онемела челюсть, но тревожный набат постепенно утихал, отдалялся, превращаясь в едва различимый гул. Я открыла глаза и увидела нахмуренное, обеспокоенное лицо Раферти, ощутила, что руки фаэриэ сжимают меня в объятиях, как в стальных тисках.

– Скажи, что видишь, госпожа? Скажи, или я снова тебя ударю. Город имеет привычку затягивать в свои воспоминания тех, кто не готов им противостоять. Так что видишь?

– Сейчас – только тебя, Раферти. На верхушке полуразрушенной колокольни, – выдавила я, пытаясь ослабить кольцо рук Рейалла. – Пусти, мне дышать нечем.

– Я боюсь разжать руки – ведь ты можешь снова попытаться броситься вниз, – холодно ответил фаэриэ, но хватку ослабил. Самую малость. Ровно настолько, чтобы я могла

вздохнуть полной грудью.

– Попытаюсь... броситься вниз? – переспросила я, выворачивая шею и пытаюсь заглянуть в лицо Рея, но тот лишь отвернулся. – Раферти?

– Все правда, госпожа. Ши-дани слишком тонко чувствуют окружающий мир, и потому городу легче всего захлестнуть воспоминаниями именно вас – Идущий по Дороге улыбнулся и принялся набивать длинную потрескавшуюся трубку душистым табаком. – Что увидеть смогли?

– Только то, что Грозовой Сумрак на самом деле спас город, позволив ему захлебнуться в наводнении. Это лучшая судьба, нежели становление основой заклинания с размахом на тысячи жертв.

– Вот и я так думаю. Вопрос в том, согласны ли с тобой люди, что отныне привязаны к своим домам, улицам и площадям водой, кровью и сталью. Их спасет покаяние убийцы, а от черной королевы я не стал бы ждать подобного благородства.

– Если не согласны, – Рей выпрямился, огладил меня по щеке и взглянул на Раферти, – то я, кажется, нашел себе превосходное место для смерти. Не сейчас, много позже. Но, когда придет мое время, проводишь ли ты меня сюда снова?

– Разумеется. – Странник едва заметно улыбнулся и выпустил изо рта небольшое дымное кольцо. – Когда сочтешь, что готов, – просто отправляйся в путь. А я уж к тебе присоединюсь гораздо раньше, чем успеешь проклясть свою затею или добраться до места назначения.

Меня трясло, и фазриэ, обхватив меня за талию, помог мне спуститься вниз по узенькой винтовой лестнице в молельный зал. Видеть контуры человеческих тел мне было не так страшно, как наблюдать за раскачивающимся на холодном ветру немым колоколом и слышать низкий вибрирующий гул тревожного набата.

Если такое тут творится днем... то что ждет нас ночью, когда с заходом солнца проснутся Сумерки, затаившиеся в каждом доме?

– Не бойся, маленькая ши-дани. – Тонкие сильные пальцы фазриэ погладили мои волосы, чуть сжали плечо. – Мы выберемся. Только не отходи далеко от Раферти, и все будет хорошо. А за меня не беспокойся – ветер нельзя убить.

Я кивнула и взглянула на странника, спокойно раскладывающего свои пожитки на резной крышке алтаря. Говорят, что Идущие по Дороге могут выйти откуда угодно и вывести с собой одного человека, одного попутчика, – хоть из Сумерек, хоть из Холмов. Любой путь ляжет под их шаги ровно и легко, ни одна тропинка не вильнет в сторону, не уведет невесть куда. И ни один замок не удержит Идущего, ни одна дверь не окажется слишком прочной.

Одиноким удар колокола, слишком реальный, слишком громкий, чтобы быть всего лишь «воспоминанием города». Раферти поднял голову к потолку и вздохнул:

– Кажется, Сумерки появятся здесь гораздо раньше, чем я думал.

Пепельно-серый свет в окошке стремительно тускнел, уступая место красноватой мгле, словно быстро наступающая ночь была окрашена заревом пожаров...

ГЛАВА 12

Чернеющая мгла в узкой прорези потолочного окошка – как угольная яма, роняющая в молельный зал невесомые хлопья непроглядного мрака. Огонек оплившей свечи, прилепленной Раферти на краешек алтаря, пугливо дрожал и пригибался под малейшим порывом ветра, отбрасывая на мрачные, облупленные стены причудливые тени. Зыбкий золотисто-рыжий свет вырисовывал контуры человеческих тел на мраморном полу, обращал серый пепел и черную гарь в алмазную пыль и агатовые узоры – словно цветное стекло, когда-то бывшее искусными витражами под потолком, было смолото в мелкую крошку и стало частью страшноватого оберега, превратившего церковь в волшебную крепость.

Сидя на крышке алтаря, я чувствую себя маленьким ребенком, который впервые

остался один в темной комнате. В каждом шорохе, каждом звуке чудится притаившееся под кроватью или в шкафу чудовище, которое только и ждет удобного момента, чтобы наброситься. И робкий лепесток свечного пламени не столько разгоняет пугающую тьму, сколько помогает ожить причудливым теням на стенах, делает лужицы мрака на полу еще чернее и непроглядней.

Страшно мне.

Потому что если ребенок в любой момент может позвать маму, которая одним своим присутствием, как по волшебству, обратит скрывающихся за шкафом призрачных чудищ в скомканную одежду или в позабытые после дневных забав игрушки и куклы, то мне позвать некого. Остается только сидеть на жестком алтаре за запертыми дверями старой церкви, пугливо жаться к крепкому плечу фаэриэ и ждать, пока Раферти не скажет, что нам пора.

Пора подниматься и идти туда, где набирает силу незавершенное проклятие, где тени свиваются в крепкие жгуты, в щупальца мрака, а Сумерки сильны, как нигде в мире людей. Потому что выбора у нас в общем-то и нет никакого – либо сидеть тут до рассвета и с первым лучом солнца стать частью узора, покрывающего пол, либо попытаться выбраться за городские стены, невзирая на расплодившихся донельзя сумеречных тварей, которыми стали принесенные в жертву жители Балларда.

Тишину раскалывает мерное постукивание – Раферти отбивает концом своего посоха какой-то странный ритм, похожий на стук сердца. От ударов пыль вздымается маленьким невесомым облачком, оседает на потемневшем от времени и непогоды резном дереве, подчеркивая выбоины и прожилочки. Я бы попросила его перестать – но слушать зловещую тишину, постепенно наполняющуюся звуками той, *иной* жизни, еще страшнее.

Это как огромная приливная волна, которая поначалу негромко шуршит гребешками пены где-то далеко-далеко, у самого горизонта, белой ниткой протягивается над ярко-синей поверхностью, оттягивает линию прибоя в море, обнажая покрытую ракушками и водорослями песчаную отмель. Ее сложно заметить, пока она далеко, но постепенно нарастающий гул заставляет сердце пугливо сжиматься, а в момент, когда ты осознаешь неизбежность происходящего, волна уже горой нависает над обмелевшей бухтой, изгибается белопенным горбом проснувшегося чудовища, сыплет мелкими капельками, срывающимися с гребня...

Иная, пробудившаяся в навалившейся на город мгле, жизнь принесла в ночной воздух приглушенные, искаженные крики, эхом раздающиеся со всех сторон, лязг металла и протяжный скрип ржавых петель. Глухой удар, от которого вздрогнула запертая дверь храма, частая рябь, пробежавшая по рисунку на полу, – как круги на каменной воде. Колдовство, от которого страх хватает за горло жесткой ледяной ладонью. И сразу вслед за рябью – надрывный крик на десятки голосов, горестный плач, взвившийся к потолку молельного зала и сразу же раздробленный эхом на разрозненные обрывки.

Я сжалась, как от удара невидимой плетью, вцепилась побелевшими от напряжения пальцами в одревеневшую руку фаэриэ. Рей даже не вздрогнул – только обнял меня крепче.

– Не бойся, маленькая ши-дани.

– Он совершенно прав. – Раферти поднялся, покрепче затянул завязки потрепанного плаща, поудобнее перехватил резной деревянный посох. – Бояться надо не плакальщиков, что заточены в камнях церкви, а тех, кто остался за ее пределами. В любом случае нам пора. На дорожку мы уже посидели, долгих проводов нам устраивать некому, посему – спасибо этому дому, а мы пойдем к другому.

С этими словами странник ударил концом посоха по мраморному полу, и мне почудилось, будто бы по каменным плитам ровной широкой лентой развернулась едва заметная серебристая тропинка, исчезающая в щели под плотно закрытыми дверями.

Дорога, которая выведет куда надо, пусть даже не всегда самым коротким путем. Она может быть прямой и извилистой, нырять в глубокие каверны и подниматься в горы, сворачивать к коварным болотным топям и пересекать каменные ладони площадей, но всегда приводит к поставленной цели.

– Ну, с Хранителем, – пробормотал Раферти, первым ступая на призрачную ленту.

С еле слышным скрежетом покинула ножны столь дорогая сердцу фаэриэ железная дева, тяжелая сабля с искусным узором на темной рукояти, поймала на отполированное до зеркального блеска лезвие отражение огонька почти потухшей свечи.

– Странник, что ж ты свечу оставил? – негромко поинтересовался Рей, беря меня за руку и увлекая по еле заметной на пыльном полу призрачной тропке. – Или ты видишь в темноте, словно кошка?

– Огня там и без нас хватает, вот увидишь. – С этими словами Раферти отодвинул тяжелую кованую задвижку и широко распахнул дверь, переступая через потрескавшийся, покрытый густым слоем жирной черной копоти порог церкви. – Да и негоже забирать свечу из церкви, пускай здесь догорит.

Злые языки рыжего пламени, объявшие полдюжины домов через дорогу от храма – как длинные кинжальные лезвия, безжалостно вспарывающие ночь, разрезающие черный бархат на куски и разливающие над городом кровавое зарево. Дым застилал всю площадь густым душным облаком, дышать в котором удавалось только через плотно прижатый к лицу рукав рубашки.

– Западные ворота, через которые вы прошли, завалены горящими балками, там проберется разве что фаэриэ, да и то если прикинется летним ветерком, – усмехнулся Раферти, резко взмахивая посохом и отбрасывая в сторону нечто темное, скрюченное, что выскользнуло из дымной завесы и пыталось дотянуться чересчур длинными для человека пальцами до краешка моего плаща. – Бегом за мной, мальчики и девочки, если не хотите составить компанию местным погорельцам в их персональном аду.

Второго приглашения не потребовалось – удержать нас тут могли разве что насильно.

Коротко, зло свистнул разрезаемый саблей воздух, густая тень с золотисто-рыжими прожилками надтреснуто взвизгнула, шарахнулась назад, роняя на грязную мостовую отсеченную по локоть руку. Тонкую, хрупкую, с осыпающейся хлопьями пепла сморщенной посеревшей кожей, с плотью, подобной остывающим в очаге угольям. Длинные четырехсуставные пальцы раскрошились в пыль, когда фаэриэ случайно или намеренно наступил на них, увлекая меня следом за собой в сгустившийся над улицей туман, пахнувший гарью и железной окалиной.

Слишком маленькой была почерневшая, словно выгоревшая изнутри, ладонь. Слишком маленькой для взрослого человека – но не для ребенка или подростка...

– Ой, люди добрые, а мы тут, оказывается, гости желанные, – неожиданно весело хохотнул Раферти, уворачиваясь от пригоршни раскаленных докрасна углей, летящих прямо в лицо, и ныряя в низенькую арку меж двух домов, так тесно соседствующих друг с другом, что соседи запросто могли бы здороваться за руку через выходящие на узенький проулок окна. – А раз так – самое время сыграть плясовую для хозяев!

Странник отступил в глубь переулка, с негромким бормотанием обшаривая бесчисленные карманы латаной-перелатаной куртки, лет которой было явно побольше, чем мне, и с потрясающей стойкостью игнорируя сумеречных тварей, которые лезли в переулок через арку, цепляясь тонкими паучьими лапами за трещины в кладке.

Блеснула в тусклом зареве пожара острая железная лента, повеяло ледяным северным ветром и жаром кузнечного горна, когда фаэриэ качнулся вперед, одновременно отталкивая меня к стене, когда Раферти наконец-то выудил из кармана крохотную свистульку-птичку, с легкостью прячущуюся в мозолистом кулаке Идущего.

Тоненький, высокий свист-щебет, похожий на соловьиный трель, неожиданно легко перекрыл хрипящие крики сумеречных, приливной волной заполнил переулок, превратив его в гулкую каменную чашу, где каждый звук многократно отражался от стен, усиливаясь и преобразаясь в нечто более мощное, более глубокое...

... С тремительно проносящиеся под копытами чер ного коня макушки деревьев, порывы ветра, треплющие косы, перезвон украшений, нашитых на узорчатый пояс короля Самайна. Сильная холодная рука, поддерживающая меня за талию, кажется выточенной

из железного дерева, плащ из волчьей шкуры согревает плечи, белый мех серебрится в лунном свете, ярким пятном выделяется на фоне ярко-красного платья. Габриэль не смотрит на меня – его взгляд направлен вдаль, а глаза кажутся черными омутами, в которых утонула полная луна. Протяжный волчий вой сопровождает несущуюся следом за Черным Всадником вереницу сумеречных существ, мертвую, пугающую свиту, что готова загнать насмерть любого, кто случайно или намеренно встанет на пути Дикой Охоты.

Гимн умирающей осени, зарождающейся зимы. Песня вольного северного ветра среди косматых дождевых облаков. Вдалеке пляшут зеленые зарницы, и их от блески тонут в бездонных зрачках Габриэля, запутываются в седых, будто присыпанных пеплом, волосах, зажигают крохотные огоньки на белоснежной волчьей шкуре.

Свобода, равной которой нет ни на земле, ни в Холмах.

Яростная радость, пробирающая до глубины души, распахнутый полог небес, приоткрывающий дверь в бесконечность.

Момент, когда пронзительно-горькая птичья трель крошечного свистка, зажатого в кулаке Габриэля, ветвистой стрелой молнии раскалывает мир пополам, приоткрывая путь наизнанку тени ...

– Где ты только откопал такой свисточек, а? – поинтересовался Рей, опуская саблю и с интересом глядя на хитро улыбающегося Раферти, небрежно подбрасывающего на ладони глиняную птичку с отколотым клювом.

– Где откопал, там уже нету. – Странник пожал плечами, сунул свистульку в карман и подмигнул мне: – Шел-шел, да и нашел. Один добрый человек выронил его, а я подобрал.

Я уставилась на Идущего как на привидение.

– Ты украл его у Габриэля?!

– Не украл, а нашел на дороге. – Раферти с важным видом поднял кверху указательный палец. – К тому же вовремя подобранное уроненное не считается украденным. А королю Самайна надо лучше следить за своими игрушками и не разбрасывать их где попало, пусть даже это «где попало» находится на пути Дикой Охоты.

– Впервые встречаю существо, которое может безнаказанно спереть что-то у Габриэля и совершенно не переживать по этому поводу, – покачала головой я, опасливо поглядывая в сторону затянутой туманным облаком арки, где скрылись сумеречные.

– Кому-то все равно надо это иногда делать, так почему бы не мне? – улыбнулся Идущий, оглядываясь по сторонам и подходя к низкой, почти незаметной в густой тени дверце, одним рывком распахивая ее настежь. – Сюда. Поверху мы не проберемся, сумеречные там едва ли не в каждый камень мостовой были запечатаны, а здесь, в подвале, должен быть подземный ход, ведущий в соседний квартал.

– А ты-то откуда знаешь? – поинтересовалась я, пригибая голову и опасливо переступая через высокий порожек, но Раферти так и не ответил.

Блеснула золотая искорка, затеплился на кособокой восковой свече зыбкий язычок пламени. Свет выхватил из мрака беспорядочно разбросанные по полу вещи, покрытые густым слоем не то пыли, не то пепла, выцветшие от времени и сырости гобелены свисали с каменных стен полусгнившими тряпками, кишевшими какими-то мелкими насекомыми.

– Не одни мы здесь. – Рей вытянул саблю из ножен и указал на каменный пол, вернее, на отпечатки в пыли.

Следы маленькие, словно у задней двери дома какое-то время топтался малыш, одна ножка которого была обута в старомодный узконосый башмачок, а вторая почему-то оказалась босой. Легкий сквозняк, выскользнувший из-за угла, поднял пыльную поземку, отчего в носу неимоверно засвербело, а глаза заслезились. Я не удержалась, громко чихнула, пряча лицо в ладонях, а в ответ где-то на втором этаже раздался радостный заливистый детский смех, звонкий, как серебряный колокольчик. Он эхом отразился от каменных стен, но почему-то не затих, а становился все громче и громче, пока не оборвался на самой высокой ноте, резко и неожиданно, словно смеющемуся ребенку заткнули рот.

Или перерезали горло.

Осенней рыжиной вдруг заблестел янтарь в оголовье даренного Холмом ножа, засиял крошечной золотой звездочкой, пойманным в хрустальный флакон светлячком, отгоняя мрак помещения и освещая предметы в двух шагах от меня так, что они не отбрасывали тени. Я качнулась вперед, сделала шаг следом за Раферти, когда чья-то холодная ладошка ухватила меня за запястье, крепко сжала – и вдруг дернула прямо на каменную стену, больно приложив виском о выщербленную временем кладку.

Я даже вскрикнуть не успела, как камень пошел рябью, посыпался мне под одежду речным песком, противно защекотал кожу копошащимися мелкими насекомыми, расступился, выталкивая меня в соседнюю комнату, – и вновь застыл прочной стеной, стоило мне только упасть на пол, покрытый вытертым заплеснелым ковром.

– Рей! Рейалл! – Я вскочила, в отчаянии ударила раскрытыми ладонями о холодный камень.

Тишина. Только малопонятная возня по ту сторону стены.

Дрогнула, как от мощного удара, добротная кладка, ручейком посыпалась мелкая пыль. Еще один глухой удар, затем противный скрежет металла, а потом все моментально стихло.

Сквозняк холодными пальцами оплел ногу, качнул странную подвеску над дверным косяком – колокольчики, лишенные звонких язычков, цветные камушки и крохотная подковка-оберег, висающие на чем-то вроде частой сетки из тоненьких шнурков. Глухо скрипнула половица, когда я отошла от стены, оглядывая комнату, которая когда-то была детской.

Пустая колыбель со свисающей через край ветхой кружевной простыней. Маленькое одеяльце из цветных лоскутков, скомканное на дне кровати. Золотисто-рыжий свет, льющийся из янтаря в оголовье моего ножа, осветил грубоватую резьбу на гладких крохотных перильцах – среди людей было принято, чтобы отец сам мастерил первую колыбельку для сына, которому суждено стать наследником рода, неважно, богатого или бедного. Любой человек, даже далекий от столярного мастерства, почитает за честь приложить руки к созданию первой колыбели, пусть даже все ограничится несколькими мазками краски для узора...

Мэбвэн не щадила никого – ни детей, ни взрослых, клинки, направляемые ее волей, убивали всех без разбору.

Я скользнула кончиками пальцев по глубоким зарубкам, оставшимся на потемневшей от времени деревянной спинке от удара топором или охотничьим ножом с широким, тяжелым лезвием. Колыбель качнулась, тихо заскрипела – и сразу же скомканное одеяльце на дне кровати зашевелилось, и из-под него показалась тонкая, хрупкая, детская ручонка, измазанная сажей и бурой ржавчиной.

Чаячьим криком взлетел к потолку искаженный детский плач, зазубренным ножом полоснул по сердцу, заледеневшим колючим шариком прокатился по затылку.

Это уже не ребенок, не человек. Люди не кричат с такой тоской, наполненной злобой, не изливают из себя раздражающую легкие холодную черноту, полуночную тень, сумеречное покрывало, что оплетает сверкающий солнечным золотом янтарь в оголовье моего ножа, словно стремится задушить это чуждое в проклятом городе сияние.

Дитя, выбравшееся из-под одеяльца, покрытого пятнами белесой плесени, подняло крохотное сморщенное личико, глаза на котором казались черными дырами, залепленными не то грязью, не то засохшей кровью. Уцепилось хрупкими пальчиками за деревянные перильца, поднимаясь на слабые ножки и окончательно утрачивая сходство с человеческим ребенком.

Теплая рукоять даренного ножа уютно легла в дрожащую ладонь, кольнув запястье остреньким кончиком янтарной капли, а сумеречное существо, стоящее в детской кровати, тоненько завыло и вдруг выплонуло в мою сторону нечто острое, тускло блеснувшее в волшебном свете. Ржавый обломок больших овечьих ножниц, пролетевший рядом с моей головой и со звоном отскочивший от каменной стены у меня за спиной.

Перед глазами все поплыло, я покачнулась, неловко взмахнула ножом перед лицом,

очерчивая сияющую осенней медью, рыжим пламенем, дугу – и только тогда заметила тонкий полупрозрачный жгут, привязывающий сумеречную тварь с лицом годовалого ребенка к потолку проклятого дома колдовской пуповиной. Словно из прожилок камня выступил ранее скрытый рисунок, паутина заклинания, центром которой служила пронзительно-алая не то бабочка, не то птичка с длинными узкими крыльями, угнездившаяся в хрупком, на первый взгляд безглазом тельце.

Проклятое дитя неуклюже перевалилось через высокий бортик колыбели, зависло на мгновение, цепляясь удлинившимися пальчиками за протестующе скрипнувшее дерево, и вдруг удивительно ловко упало на четвереньки, ощеривая мелкие треугольные зубы. В мгновение ока вдоль позвоночника существа вымахал острый железный гребень из обломков испачканных бурыми пятнами ржавчины ножниц, сложился со звонким щелканьем – и сразу же развернулся блестящим веером.

Бросок сумеречной твари был настолько стремительным, что я даже не увидела его – только ощутила порыв ледяного ветра, дернувшего меня в сторону, убирая с пути щелкающих лезвий.

– Фиорэ!

Треск выламываемой двери, брызги прогнивших щепок, дождем просыпавшиеся на пол.

Не так ... Иначе ...

Истошно вопящая тварь, летящая мне в лицо.

Алая молния с золотой искрой, перерезающая колдовскую пуповину.

И мелкий черный пепел, которым осыпалась мертвая плоть годовалого ребенка, высвобождая крохотную сверкающую бабочку-птицу с длинными стрижиными крыльями, доверчиво севшую мне на протянутую ладонь.

Невесомая, согревающая озябшие пальцы искорка. Хрупкая и невероятно сильная душа, которую боязно держать в руках – так страшно загасить этот удивительно яркий огонек, щекочущий кожу теплом, изливающимся из человеческого сердца, не знающего, что такое ненависть. Я невольно улыбнулась, глядя на крохотное чудо с трепещущими алыми крыльями, пригревшееся у меня на ладони, совершенно забывая обо всем вокруг.

С грохотом ввалилась внутрь высаженная дверь, и на пороге возник фаэриэ с обнаженной саблей в руке. Бегло осмотрелся вокруг, шагнул вперед, ко мне – и замер, вглядываясь в алое сияние человеческой души, что прильнуло к моим пальцам волшебным крылатым светлячком.

– Рей... – Я подняла на него взгляд, затуманенный слезами. – Есть другой выход. Им не нужна добровольная смерть, чтобы освободиться.

– Выход есть всегда и отовсюду. – Раферти, зашедший в комнату следом за фаэриэ, подпрыгнул, выдергивая мой нож из потолочной балки. Без особого интереса покрутил в руках и протянул мне: – Просто этот выход может не устраивать. Я всего лишь рассказал об одном из вариантов.

Птица-душа вдруг вспорхнула с моей ладони, закружилась под потолком, роняя с острых длинных крыльев рубиновую пыльцу, а потом стрелой взмыла вверх, сквозь потолок и крышу, легко и непринужденно разрезая колдовскую паутину, облепившую потолок. И нет больше силы, способной удержать ее или помешать этому полету.

– Я всегда хотела знать, куда они направляются, – тихо шепнула я, наблюдая за тем, как расползается обрывками истлевшего савана проклятие Мэбвэн, как отдача от нарушенного узора разбегается едва ощутимой рябью, очищая потолок от серого пепельного налета. – Но спросить не у кого, а выяснить самой не получится.

– Говорят, что туда, где невозможно быть несчастным. – Раферти осторожно тронул меня за плечо, смахивая с плаща колкие кусочки подтаявшего льда. – Тебя ведь берегли до нашего прихода, светлая госпожа?

– Берегли. Без просьбы, просто потому, что хотели сберечь.

– А я не сумел... – Голос Рейалла, глухой, низкий, с рокоющими нотками раздался у

меня над ухом. Окровавленная ладонь со сбитыми костяшками пальцев потянулась к моему лицу – и бессильно упала, так и не дотронувшись. – Он оберегает тебя из волшебного Холма, а меня задержала простая каменная кладка!

Я лишь покачала головой, обеими руками беря фазриэ за запястье, не решаясь коснуться подживающих ссадин. Можно было бы сказать многое – и то, что дело вовсе не в прилагаемых усилиях, и о том, что фазриэ не виноват в случившемся, что он не обязан, в конце концов, охранять меня постоянно, но все возможные слова показались мне пустыми, ненужными, лишними.

Бывают моменты, когда для искреннего разговора не нужны слова.

Долгий взгляд глаза в глаза в полутемной комнате, мрак в которой разгонялся лишь узким лепестком свечного пламени в руках у Раферти. Ощущение теплого весеннего ветра, невидимым плащом обнявшего плечи, пряный запах колосящейся под жарким летним солнцем травы и земли, умытой дождем.

– В твоих глазах прячется осеннее небо, – тихо шепнул фазриэ, прижимая меня к груди и пряча лицо в моих растрепавшихся волосах. – Я тебя не отдам. Ни холодному Самайну, ни чуждым Сумеркам.

Мне почудилось, будто бы еще одна сверкающая птица прильнула к моему сердцу. Не такая хрупкая, как человеческая душа, но гораздо менее долговечная. Не крылатый светлячок – скорее шаровая молния, жаркая, нетерпеливая, порывистая. Прохлада летней ночи, тепло крылатого ветра, ласка дождя.

У фазриэ, как и у ши-дани, нет души.

Но есть искра, которая может и должна рано или поздно обратиться в рубиновую бабочку-птицу с острыми стрижиными крыльями. Ведь волшебные существа тоже имеют шанс на подлинное бессмертие, дарованное людям...

– Прошу прощения, что прерываю вашу идиллию. – Раферти осторожно постучал по плечу фазриэ наверху осинового посоха. – Но времени у нас осталось слишком мало, конечно, если вы не хотите встретить рассвет в Балларде и разделить судьбу их жителей.

– В другой раз. Когда мы оба будем готовы, – отозвалась я, крепко держась за ладонь Грозового Сумрака.

Он только улыбнулся – и потянул меня следом за странником к узкой скрипучей лесенке, ведущей в тихий подвал, затхлый воздух которого пах болотной осокой, сыростью и прокисшим вином. Где-то там выход на поверхность, к северным воротам, через которые можно покинуть проклятый город и вновь очутиться в зеленых холмах, пересеченных извилистой блескучей лентой реки.

А еще дальше – Вортигерн, где живет огненный маг с истекающим солнечным золотом сердцем, с волшебной перламутровой раковиной из Алгорских холмов, с кусочком нашего волшебства, нашей силы. Маг, с трепетом хранящий то, что принесет ему смерть.

Я могу лишь надеяться, что приду к Кармайклу не слишком поздно...

Лиловые сумерки, окутавшие город плотной пеленой, обступили нас со всех сторон, стоило нам только выбраться на улицу, и только на западе небо было окрашено алым – пожар в той части города и не думал утихать, напротив, становился все яростней и жарче. Все ярче разливалось страшное зарево, все сильнее горячий ветер пах дымом и гарью, все громче раздавался над проклятыми домами неровный хор дребезжащих воплей. Тугая плоть нарушенного ритуала сворачивалась над Баллардом невидимой, но хорошо ощутимой воронкой, вытягивала из запертых душ остатки человечности, все сильнее привязывая их к местам смерти.

Рей крепко сжал мое запястье, потянул за собой вниз по улице, к воротам, затянутым чем-то вроде белесой паутины, присыпанной пеплом и увешанной грязными обрывками ткани, оставшихся от ярких, блистающих на солнце знамен с золотым шитьем. Звук шагов становился все тише и глуше, пока не пропал совсем, и только тогда я уловила низкий гул, идущий, как мне показалось, откуда-то из-под земли.

– Подождите!

Я остановилась, торопливо высвободила руку из ладони фаэриэ и опустилась на колени, положив кончики пальцев на едва заметно дрожащую мостовую.

Сплошной поток магии, замкнутый в кольцо, стержень не доведенного до конца ритуала, сила, поддерживающая проклятие, висящее над городом. Центр паутины, в которой запутались постепенно тускнеющие души-птицы. Не закрытая до конца лазейка в Сумерки, путь на изнанку тени. Здесь, под городом...

– Раферти, – я подняла взгляд на нависшего надо мной странника, тяжело опирающегося на дорожный посох, – ты знал, что здесь прячется существо, рожденное в Сумерках? Что оно поддерживает зачатие, не законченное Королевой Мечей, не дает распуститься петлям, которые держат людей привязанными к местам гибели?

Молчание. Едва заметное, почти виноватое пожатие плечами.

Знал. Совершенно точно, знал.

– Ты за ним пришел?

– Не совсем. – Странник выпрямился, протянул мне руку, помогая подняться с колен. – Это *вы* пришли за ним. Я только указал дорогу.

От стоящего у меня за спиной фаэриэ плеснуло жарким яростным ветром, который поднял с мелко подрагивающей мостовой пыль и каменную крошку, завертелся миниатюрным смерчем и вдруг наотмашь хлестнул Раферти по лицу призрачной, но хорошо ощутимой ладонью.

– Если она страдает...

Договорить Рей не успел, потому что серая туманная дымка у самых ворот стремительно сгустилась, обрисовывая темный, ни на что не похожий контур неведомого существа, от близости которого сердце пугливо сжалось в тугой болезненный комок. Вот тебе и «основа заклинания», существо, рожденное в Сумерках.

Странное, чуждое, не похожее ни на что из виденного мною ранее создание.

Нет, не создание.

Часть чего-то большего, каким-то образом живущее само по себе.

За миг до того, как странник ухватил меня в охапку, оттаскивая с пути сумеречной твари, я сумела осознать, что именно стало стержнем для проклятия города Балларда.

Отсеченная по плечо рука огромной сумеречной твари, до сих пор невероятно живучая и даже умудрившаяся отрастить себе что-то вроде асимметричного, смехотворно маленького и тщедушного по сравнению с собой тела, покрытого серой, бесцветной кожей. Плечевой сустав, когда-то торчавший из отсеченной лапы, превратился в неровный заостренный рог, кровавая рана затянулась бурой чешуей, в которой образовалось нечто вроде сощуренного века, прикрывающего мутный глаз с вертикальной щелью зрачка. Кажется, у второго – маленького – тела конечностей было пять, причем выглядело это, будто бы от коренастого туловища с грубым подобием лица посреди грудины росли две длинные мощные лапы, тяжело опирающиеся на мостовую костяшками вывернутых в разные стороны пальцев и помогающие удерживать равновесие огромной руке, а ноги были обращены коленями назад. Кажется, именно из коленки левой ноги и росла пятая конечность, гибкая, длинная, с тонкими когтистыми пальцами...

– Вот только в обморок не падай, госпожа хорошая! – Раферти подхватил меня под мышки, когда голова у меня закружилась, а мир накренился, затуманился, заволакивая зрение черной непроглядной мглой.

Не могу я это видеть, не хочу!

Щеку обожгла хлесткая пощечина, в голове прояснилось, но ненадолго.

– Не теряй сознание, а то фаэриэ твоего по стене размажут и по ветру развеют! Гляди, что вытворяет!

Рей? Вытворяет?

Я посмотрела туда, где в клубах поднятой с мостовой каменной пыли и пепла безмолвно кружилась когда-то давно отсеченная рука сумеречного существа. Фаэриэ с саблей в одной руке и ножом – в другой казался полупрозрачным призраком, ночной бурей,

с трудом удерживающей человеческий облик, он скользил рядом с тварью, которой не должно было быть в мире людей, каждый раз умудряясь оказываться на волосок дальше, чем могла дотянуться любая из причудливых конечностей, вооруженных когтями.

Звон остро заточенной ленты из холодного металла, полоснувшей покрытую грязно-бурую чешуей огромную лапу, с шипением разошедшаяся плоть, черный песок вместо крови, тонким ручейком льющийся из глубокого пореза, сомкнувшегося без следа так быстро, что я не могла поверить своим глазам. Будто бы сабля фаэриэ была из обычной закаленной стали, не имеющей никакой власти над Сумерками.

– Понимаешь, о чем я, светлая госпожа? – Раферти сжал мое плечо. – На это существо не действует ни холодное железо, ни солнечный свет, потому что оно живет за счет заклинания Королевы Мечей, повелевавшей любым мечом, рожденным в кузнечном горне. Но у тебя на поясе нож, который не был откован.

– Мой нож – смехотворное оружие против этого... создания! – Я привстала, опираясь на вывороченный обломок стены, до боли в глазах всматриваясь в кружащийся вокруг «основы» проклятия вихрь, вооруженный саблей. Что я могу сделать с ножом длиной с локоть, если сабля бесполезна? Да я и шкуру-то пробить не сумею, что говорить о том, чтобы нанести серьезную рану или убить?!

– Ты не туда смотришь, госпожа. Взгляни на это существо как на часть заклинания, а не как на пугающую нечисть, которая во много раз сильнее. Насколько я помню, ши-дани, даже не в свое время, обладают способностью замечать то, что обычно скрыто.

Как на часть заклинания?

Если оно и есть основа, то что-то обязано его поддерживать, как балки, поддерживающие столб, вокруг которого строится башня. Нечто такое, что прячется где-то далеко, но при этом в любой момент можешь оказаться рядом.

Нечто на изнанке тени.

Я перевела взгляд на густо-черную тень на мостовой, отбрасываемую сумеречной тварью. Она не двигалась, несмотря на то, что огромная лапа металась во все стороны, пытаясь поймать больно царапающийся ветер, била кулаком по мостовой, выворачивая камни. Неподвижная лужица мрака, куда уходила едва заметная белесая «пуповина», соединяющая превратившийся в Рог плечевой сустав лапы и нечто оставшееся по ту сторону черноты, где-то в Сумерках.

Что же это получается, то существо, которому Мэбвэн приносила жертвы и пыталась вызвать в мир людей, до сих пор как-то связано с утраченной конечностью?

– Ты поняла, Фиорэ? – тихо спросил странник, берясь за посох и выпрямляясь во весь свой немаленький рост. – Эта рука очень хочет воссоединиться со своим хозяином, который до сих пор не дает ей превратиться в разложившееся мясо и высохшие кости, а для этого надо завершить заклинание, начатое Королевой Мечей.

– Я не смогу к ней подобраться.

– У тебя есть фаэриэ, который сможет. Только вот для того, чтобы увидеть, ему потребуются твои глаза.

– Или мне – его ветер...

Как Рей когда-то сказал мне? Для того чтобы остановить бурю, просто позови ее по имени. Он слышал мой зов, даже когда находился очень и очень далеко, услышит и сейчас. Только вот захочет ли фаэриэ вновь стать чьим-то оружием, вручить себя, свою силу в чужие руки, как когда-то давно он доверился Мэбвэн, а Королева Мечей обратила его в безгласное и безумное орудие своей непонятной мести всему миру людей, который, как она считала, отдалил от нее Габриэля.

Чудовищная рука ударила по полуобвалившейся стене дома, за которой прятались мы с Раферти, брызнули осколки, и кладка начала стремительно проседать и заваливаться назад, проливаясь каменным дождем на наши головы. Если бы не странник, выдернувший меня на улицу, я осталась бы похороненной под завалом.

Рейалл!

Имя, которое громовым раскатом прокатилось над городом, дрожью отозвалось в груди и на миг разорвало густую серую пелену тумана, заволакивающую городские ворота. Холодный ветер, наполненный ночной свежестью и запахом ливня, обнял меня за плечи, свернулся тугим кольцом, оттаскивая меня в сторону, прочь от сумеречной твари, которая теперь впустую гонялась за Раферти, играючи ускользящим от стремительных ударов когтистых лап, полосующих воздух.

Вихрь потемнел, вновь обретая почти утраченные человеческие черты. Плечо до боли стиснули похолодевшие пальцы фаэриэ, двумя аметистовыми огоньками блеснули глаза на побелевшем, застывшем от напряжения лице.

– Маленькая ши-дани готовится вступить в битву следующей? – спросил он без тени улыбки на лице, нависая надо мной и, как мне показалось, едва сдерживаясь, чтобы не сказать мне «брысь».

– Да. И для этого мне нужно, чтобы ты вручил мне свой ветер.

Право слово, я боялась, что он меня ударит или оттолкнет куда-нибудь в сторону, а сам вернется к драке, которая заранее будет им проиграна.

– Ты требуешь невозможного, Фиорэ, – тихо и как-то обреченно проговорил он, опуская саблю и убирая заледеневшую ладонь с моего плеча. Подул ветер, холодный, сырой, несущий с собой капельки дождя и клочья седого тумана. Рей повернулся, словно собираясь уйти, но я ухватила его за руку, крепко сжимая пальцы на его запястье.

– Ты столько раз требовал от меня невозможного! Столько раз мне приходилось чем-то жертвовать, чтобы выполнить твоё требование, а сейчас, когда мне понадобилась твоя помощь, ты отказываешься! – Он не двинулся с места, застыв подобно статуе. – Рей? Если ты мне сейчас не поможешь, из города нам живыми не выбраться.

– Фиорэ, ты мне доверяешь? – Рейалл обернулся, заглядывая в мои глаза с какой-то обреченностью и, как мне почудилось, страхом.

– А ты мне? Я не Мэбвэн, которая обращалась с тобой как с безвольным оружием, еще с одним источником силы. Но раз ты боишься...

Я разжала пальцы, вытянула красноватый нож из ножен, задрала левый рукав и приложила лезвие к коже, и без того изрезанной частой сетью белесых и розоватых ниточек-шрамов. Может быть, получится и так. Раферти превосходно отвлекает сумеречную тварь, уводя ее в сторону от ворот, от тени, что смоляной кляксой расплескалась на серой мостовой. Если я только успею дотянуться, если мне хватит времени...

Нож выскользнул из пальцев будто сам по себе, завис в воздухе перед моим лицом, обвитый тугой петлей ветра.

– Я верю тебе, моя маленькая ши-дани. И я не боюсь... – Фаэриэ ласково обнял меня за плечи, свинцово-серые волосы защекотали мою шею, дыхание теплым облачком коснулось щеки. – Распоряжайся мной, как считаешь нужным.

Мне почудилось, будто бы с мелодичным перезвоном осыпалась хрустальная стена, до того не дававшая мне дотронуться до фаэриэ так, как мне этого хотелось.

Молодой, наполненный юношеской прелестью мир вновь развернулся под моим прикосновением, как бутон цветка. Ему тесно было в том аметистовом семечке, что пряталось в сердцевине багряно-красного осеннего георгина, и потому высвобождение его сопровождалось долгим протяжным криком, на крыльях ветра взлетевшим в поднебесье и расколовшим его громовым раскатом. Стрелы молний – как хвостатые плети ослепительно-белого огня, они рассекли город на части, разбили хрупкую скорлупу темных черепичных крыш и ударили в неподвижную тень-кляксу, под которой медленно ворочалась основа проклятия Королевы Мечей...

Сердце залило жаркой волной бессильной ярости, стянуло железной цепью безысходности и тоски. Одно упоминание о мятежной фаэриэ ранило ветер, что окружал мое крошечное, оставшееся где-то далеко внизу на развороченной мостовой тело непробиваемой броней, живым подвижным щитом, заставило его испытать неуверенность и страх.

Страх снова стать бессловесным оружием в руках той, которой доверился. Страх снова

потерять себя и быть лишь безвольной игрушкой, бездушной плетью смерча, безумной бурей, неспособной к сопротивлению. Тонкая ледяная игла, засевшая в глубине искристой шаровой молнии, того, что могло бы быть названо «душой фаэриэ», заноза, которая не тает со временем, а врастает все крепче.

Не бойся ...

Темный город, опутанный гнилостно-зеленой паутиной проклятия, лежал внизу, подобный логовищу огромного уродливого паука среди высохших древесных корней, а отсеченная рука существа из Сумерек чудилась странным насекомым, что держит в когтистых лапках туго затянутый узел, центр шелковой паутиной сети, где запутались сотни крошечных алых птиц, бессильно трепещущих острыми стрижиными крыльями. Легкой пушинкой кружится вокруг этого жутковатого «насекомого» изящная белая чайка, человек из Идущих по Дороге, охраняемый кем-то, кто выше и сильнее любого из волшебных или сумеречных существ. Когтистые лапки пытаются изловить снежную чайку, раскидывают паутинную сеть, надеясь, что запутаются в частых ячейках острые крылья, но птица каждый раз ускользает, играючи обрезаая шелковые крученые нити.

Алый лист с капелькой золотой смолы на преломленном черенке-рукояти. Дождевые капли со звоном разбиваются об острую кромку дареного ножа, скатываются по темным прожилкам на ярком лезвии, срываются с острия вниз, падая на город отяжелевшими водяными жемчужинами. Вихрь подхватывает этот сияющий листик, уносит вниз, к площади, багряным веретеном, на который наматывается зеленая паутинная нить, стягивая за краешек сетчатое покрывало заклęcia с города Балларда.

Глухой хлопок, словно лопнуло туго натянутое сухожилие.

Меня сбросило вниз, безжалостно втолкнуло в кажущееся крохотным и неудобным женское тело с растрепанными косами, грязное, запачканное каменной пылью и пеплом, с влажными дорожками от слез на бледных щеках. Как же тут неудобно, как тяжело – земля словно тянет к себе, воздух невидимой ладонью давит на плечи, кости и мышцы неповоротливы, негибки, кажутся тугим корсетом, не дающим вздохнуть, проржавевшими латами, поскрипывающими при каждом движении. Горький ветер забивает легкие пылью и гарью, но и он же несет с собой прохладу и свежесть только что отгремевшей грозы.

Я упала на колени – и сразу на мои плечи легли теплые, чуть дрожащие ладони моего вихря, моей грозы, моего неба над юным миром, окрашенным в яркие осенние краски. Я не сразу вспомнила имя этого вихря – изнутри оно слышалось совсем иначе. Не подобрать нужных звуков в языке, который может произнести человеческое горло, да и как можно произнести имя ночной грозы, тугой штормовой плети над соленой океанской водой? Истинное имя фаэриэ – то, что звучит изнутри, его нельзя услышать, но можно почувствовать в момент обмена магией, силой – неважно, как назвать ту искру, что делает волшебные существа живыми, чувствующими и думающими. Его нельзя произнести вслух – но можно сплести из чуткого колдовства.

Пылающие аметистовым огнем глаза на узком лице, которое, как мне почудилось, было вылеплено из дождевой воды и стремительного ветра, оказались напротив моих, сильная ладонь скользнула по щеке.

Рейалл...

Имя, которое лишь отдаленное эхо того, настоящего, что я слышала в момент, когда искристый светлячок сущности фаэриэ доверчиво пригрелся у меня под сердцем как долгожданное дитя...

Я кашлянула, устало прижалась лбом к обнаженному плечу Грозового Сумрака.

– Так вот как трудно быть в человеческой оболочке... Теперь я... понимаю.

Он не ответил, только обнял меня крепче.

Шорох шагов, прохладная рукоять ножа, скользнувшая мне в безвольно опущенную руку. Раферти, склонившийся над нами, выглядел усталым, постаревшим и измотанным, но это совершенно не мешало ему широко улыбаться:

– Справились все-таки. Только лучше бы нам сваливать отсюда, пока эта чудная лапка

не начала вонять похуже трехнедельного утопленника, выброшенного на берег реки во время наводнения. Да и рассвет уже близко. Город нас теперь не задержит, но с первым лучом солнца тут будет все затоплено по маковку колокольни, а я не настолько хорошо плаваю.

– Справились? – Я подняла голову и заглянула через плечо Рея на безжизненную лапу, распростертую на мостовой. Огромный глаз на месте страшной раны помутнел, чешуя века отслоилась, и из-под нее на камни стекала тягучая темная жидкость. Мертвое. Даже если не применять магию, понятно, что оно мертво, и уже давно. – Как?!

– А вот. – Раферти загадочно улыбнулся и развел руками...

Северные ворота Балларда раскрылись перед нами легко и практически бесшумно. Серые клочья тумана, застилавшие дорогу, медленно таяли, а на востоке появилась яркая золотисто-розовая полоска рассвета.

Упругая трава, покрытая прохладной утренней росой, приятно приминалась при каждом шаге, светлые прозрачные капельки, похожие на пролитые слезы, моментально вымочили штаны почти до колена. Раферти велел нам поторапливаться и ни в коем случае не оглядываться назад – смотреть только перед собой или под ноги, где расстилалась едва заметная серебристая дорожка, тропинка, выющаяся посреди луговой травы. И только когда мы поднялись на холм, к тому времени уже позолоченный первыми лучами солнца, странник позволил нам обернуться.

В чаше долины, где вчера еще был сумрачный город, теперь плескалось озеро, над ровной гладью которого одиноко возвышался шпиль затопленной колокольни. Баллард, с которого было сброшено покрывало проклятия, уснул под водой, как больной, перенесший тяжелую лихорадку и наконец-то почувствовавший облегчение и скорое выздоровление.

– Эй, люди добрые, вам куда надо-то было? – весело окликнул нас Раферти, беззаботно покачивая посохом, как стрелкой компаса, указывающей верное направление.

– В Вортигерн. Поможешь, дорожный человек? – негромко спросил фаэриэ, поправляющий наспех надетую одежду.

– Как не помочь! До него ведь рукой подать, и полдня не пройдет, как доберемся. Только отдохнем немного – да и в путь отправимся. Поведу вас самой короткой дорогой, какой только возможно.

Раферти говорил что-то еще, но я его уже не слушала.

Потому что впервые с момента, когда я покинула западный Алгорский холм, я почувствовала Зов Рога Изобилия. Пока еще как далекое эхо, разносящееся над землей, как отзвуки гимна жизни и волшебству, но уже явный и четкий. Теперь я могу просто идти на эту песнь, и не собьют меня с пути ни чужое колдовство, ни запутанные тропинки.

– Рей, – тихо шепнула я, поднимая лицо к светлеющему небу и прикрывая глаза, – я его слышу, слышу Рог из волшебного Холма. Кармайкл еще не воспользовался им, он еще в мире людей, в Вортигерне.

– Получается, что король Самайна еще не получил обратно свою игрушку? – хмыкнул фаэриэ, кладя ладонь мне на плечо. – Тем лучше. Не зря хотя бы такой долгий путь проделали.

– Игрушку, говорите? – Раферти хитро улыбнулся, огладил испачканной сажей ладонью встопорщенную бороду. – Знаете, я, наверное, с вами прогуляюсь. Не стоит разбрасываться такими артефактами, а уж тем более всучивать их с непонятной целью кому попало, так никакого порядка в этом мире не будет. До полудня у нас отдых, а потом ноги в руки – и бегом, прямо-таки бегом по нужной дорожке.

Бегом, говоришь?

Я кое-как устроилась на прохладной, сырой еще земле, кутаясь в плащ, одолженный мне Реем, но даже сквозь сон слышала призрачную, неумолкающую песню Рога, ту самую, которую он играл в ночь Самайна в руках Габриэля.

Но снился мне все равно только свободный ветер в аметистово-сиреневых небесах, затянутых грозowymi тучами, и разноцветное лиственное покрывало, укутавшее далекую землю. Снились яблочные сады, где ветки гнулись до самой земли, обремененные золотыми,

алыми и зелеными плодами, пурпурные георгины и красные ягоды барбариса. Уютный дом с окнами из цветного стекла, за которыми жарко горел огонь в очаге.

Только вот на высоком пороге меня встречал не рыжеволосый маг с глазами, подобными лесному роднику, а буря, принявшая на время человеческий облик...

ГЛАВА 13

Иссохшее, когда-то наполненное прозрачной звенящей водой, глиняное русло ручья, мертвой змеей протянувшееся через заросли пожухлой, тронутой белесой гнилью травы. Желтовато-бурый ковер из сосновых игл еле слышно хрустел под ногами, с громким треском ломались тонкие, покрытые серым налетом мха веточки.

Мертвая тишина над мертвым лесом. Ни звука, ни шороха.

Душно, легкий ветерок, скользивший по полю, окончательно затерялся между потемневших древесных стволов, черными столбами тянущихся к затянутому плотной пеленой низких облаков небу.

Не верится, что сейчас разгар лета, что еще весной этот край был цветущим и жизнерадостным – все выглядело так, будто бы земля отравлена неизвестным ядом, длительной засухой, погубившей все живое и оставившей после себя мертвый край.

– А это точно окрестности Вортигерна? – с сомнением в голосе произнес фазриэ, обламывая тонкую веточку с ближайшего кустарника и наблюдая за тем, как она рассыпается в прах у него на ладони, – Есть у меня нехорошие подозрения, что зашли мы куда-то не туда.

– К сожалению, место правильное, – вздохнул Раферти. – Только покинутое.

– Покинутое?

– Отсюда ушли все ши-дани, – тихо сказала я, оглаживая ладонью ближайшее дерево и чувствуя, как ломкая кора осыпается под моими прикосновениями, обнажая гладкий угольно-черный, словно сгоревший изнутри, ствол. – И их место долго не пустовало. Кармайл говорил, что сумеречные существа собираются вокруг Вортигерна, словно выжидая чего-то, и что с каждым днем их все больше. Вот и результат.

Страшно идти по такому лесу. Ощущение, будто бы ступаешь по кладбищу, полному неупокоенных душ. Днем еще ничего, но вот с наступлением темноты на такое никакими уговорами не заманишь, да и силой не сразу затащить удастся.

Честно говоря, я пожалела, что Раферти повел нас именно этой дорогой, не дал добраться до стен Вортигерна путем Идущих, что пролегает через затянутую туманной мглой вересковую пустошь. Пепельно-серая тропка, замеченная крошечными белыми лепестками цветущего вереска, будто нетающими снежными хлопьями, дорога, созданная только для Раферти и для тех, кого он захочет провести следом за собой. Тихий стук прочного осинового посоха об утопанную землю – как звон капель в водяных часах, отмеряющих утекающие мгновения, удручающе равномерный, постоянно напоминающий о том, что времени у меня остается все меньше и меньше.

Сам Раферти на этой тропе разом перестал напоминать хитрого балагура, бродягу без рода и племени, единственное богатство которого состояло лишь в драной куртке, латаной суме на плече и простом деревянном посохе в руках. То и дело мне чудилось, будто передо мной идет не странник, не человек, посвященный Дороге, а незнакомое, непонятное существо, с головы до ног укутанное в глухой черный плащ с капюшоном, единственное, что выглядело четким и настоящим посреди вересковой пустоши.

Глухо стучало об утопанную землю окованное же лезом основание костяного посоха, со временем ставшие го из белого янтарно-желтым, а сильная рука, уверенно лежащая на нем, никак не могла принадлежать человеку. Бледно-серая, словно присыпанная вековой пылью кожа, узкая шестипалая длань, увенчанная словно от литыми из сверкающего серебром когтями, которые я, поначалу приняла за причудливые перстни, тяжелая поступь, от которой едва ощутимо содрогалась земля.

Будто сам Хранитель Дорог шел в десятке шагов впереди, указывая путь сверкающим наверху костью ного посоха.

Иллюзию смахнул неведь откуда налетевший ветер, который сорвал с Раферти черное покрывало, рассыпавшееся вороньими перьями. Бурой ржавчиной сполз с деревянного посоха образ янтарной кости, пеплом развеялось сверкающее мягким жемчужным сиянием оголовье. Клубы седого тумана сгустились – а потом расползлись, как мыльная пена в кадке с водой, унося с собой образ вересковой пустоши и оставляя нас посреди мертвого леса, вплотную подступающего к каменным стенам города Вортигерна.

Песня Рога зазвучала неожиданно близко, жарким солнечным лучом скользнула по щеке, моментально опьянила хмельным медом, вливая в жилы обжигающее золотое пламя, напомнившее о ярко горящем, подобно факелу в непроглядной ночи, сердце человека, ныне тронутым червоточинной тоски и беспокойства.

– Кармайл...

Невольный возглас, сорвавшийся с моих губ, заставил фаэриэ резко обернуться. Неровным веером взвихрились свинцово-серые волосы, тонкими острыми лезвиями разметались по темному плащу, небрежно наброшенному на плечи. Рей потянулся ко мне, но я оттолкнула его руку, словно боялась этого прикосновения, будто бы оно могло быть мне противно и неприятно.

Напряжение, разлитое в воздухе, зазвенело перетянутой струной.

Еще немного – и будет поздно. Я не смогу остановить человеческого мага после того, как он поднесет к губам проклятый дар волшебного Холма, не смогу сделать его жертву никчемной, превратить благородное стремление в фарс.

– Кармайл!

Я сорвалась с места, как выпущенная из лука стрела.

Затрещал зацепившийся за ветки кустарника плащ, и я нетерпеливо сорвала узорчатую фибулу, сбросила ненужную вещь и побежала туда, где все громче и громче звенела сила, скрытая внутри свернутого спиралью лунного луча, окованного серебром, где пела магия ши-дани, рвущаяся на волю.

Быстрее, быстрее!

– Кармайл!!!

Обширный луг перед городскими стенами, покрытый пятнами выжженной травы, рывтинами и глубокими оврагами. Вывороченные пласты земли громоздились горами желтовато-бурой глины, каменная стена в одном месте была проломлена, блоки раскрошились и просели, но отремонтировать ее почему-то никто не торопился. Горящие посреди дня факелы, полукругом воткнутые чуть в стороне от стоящего у стены человека.

Человеческого мага я увидела почти сразу, но узнать смогла лишь после того, как он повернул голову на мой голос. Узнала по зеленым, прозрачным, как вода ручья, глазам, которые смотрели с совершенно чужого, постаревшего и осунувшегося лица. В рыжих волосах Кармайкла, отросших и свободно полоскавшихся на ветру, блестели седые пряди, острый подбородок зарос короткой, аккуратно подстриженной бородой, делавшей мага лет на десять старше. А может, дело было в отчаянной безысходности, поселившейся на дне зрачков.

– Светлая моя госпожа...

Он улыбнулся мне грустно и как-то потерянно, а потом отвернулся, оглаживая кончиками длинных холеных пальцев до боли знакомую сумку с Рогом, висящую на поясе. Неужели я кажусь ему лишь призраком, видением из далекого прошедшего времени, которое оставило после себя лишь счастливые воспоминания?

– Ты... не узнал меня, Кармайл? – Я шла через исковерканный боем и магией луг навстречу магу, огибая овраги и переступая через пятна выжженной травы. – Как когда-то давно на вершине одного из Алгорских холмов – ты не узнал меня?

– Как я мог... – Он неловко пошатнулся, сделал шаг ко мне, и лишь тогда я увидела, что левый рукав его куртки пуст, что плотная ткань с вышивкой на узком манжете свободно

развевается на ветру. – Как я мог забыть ту, которую вижу во сне каждую ночь, которая чудится мне среди дня? Ты и сейчас мне снишься, светлая моя госпожа, моя прекрасная осень...

– Это не сон. – Я подошла к нему вплотную, робко, трепетно скользнула кончиками пальцев по заросшей жесткой бородой щеке. – Я пришла сюда. Пришла за тобой.

– Ты пришла слишком поздно, моя любимая госпожа, моя прекрасная леди. – Он покачал головой, осторожно перехватил мою ладонь уцелевшей рукой, почти коснулся губами тонкого запястья – но удержался, разжал пальцы и отвернулся, стараясь не смотреть мне в глаза. – У меня нет будущего. Я калека, в котором отпадет необходимость сразу же, как только Сумерки отступят от Вортигерна окончательно, да и тебе я не нужен, я знаю, что ши-дани не выносят уродства в своем жилище.

– Кармайкл... – Я осторожно коснулась пальцами его подбородка, развернула лицом к себе так, чтобы вновь поймать взгляд зеленых кошачьих глаз, в которых поселилась глухая тоска и уверенность в собственной незначительности. – Люди слишком мало знают о «добрых феях».

С этими словами я коснулась его губ поцелуем, нежным и бережным.

Мне все равно, как ты выглядишь, человеческое дитя. Холм поможет тебе обрести утраченное, если ты позволишь ему совершить это небольшое чудо, если по доброй воле захочешь вновь пересечь Алую реку, держась за мою руку.

Плеснуло обжигающе-горячим солнечным золотом, алой кровью, истекающей из пораненного странной, непонятной любовью человеческого сердца, которую я никогда не смогу понять или постичь. Жидкое пламя, огненная вода в русле лесного ручья...

Кармайкл обнял меня за талию, крепко прижал к груди, не разрывая поцелуя.

Жаром полыхнули ярко горящие факелы, в воздухе запахло нагретой на солнце сосновой смолой и душистым дымом, огненные лепестки скользнули по моей одежде, тысячами пальцев провели по телу, невольно напоминая о совсем иных прикосновениях воды и ветра посреди бушующего урагана...

Холодная ладонь неслышно легла на мое плечо и ощутимо сжала, а над головой раздался чуть насмешливый голос фаэриэ:

– Так это и есть твой Кармайкл из Вортигерна?

Маг вздрогнул, разрывая поцелуй, и повернулся к Рею, на лице которого можно было прочитать исключительно спокойствие и доброжелательность, живо напомнившее мне об опасном и обманчивом затишье перед жестокой бурей.

– Ты привела с собой кого-то из Холмов, госпожа моя?

Солнечное золото словно остыло, покрылось темными пятнами не то злости, не то ревности и разочарования. Я торопливо сжала ладонь Кармайкла, посмотрела в серо-сиреневые глаза Рейалла, превратившиеся в простое отражение бегущих по небу седых облаков.

– Он не из ши-дани, он фаэриэ. Защищает меня в людских землях.

– Фиорэ столь невинна, что с ней могут происходить совершенно страшные вещи... – Рей пожал плечами. – Святая наивность, которую охранял дьявол. Вот только кто может с ним справиться?

– Искренняя вера и очищающее пламя – если будет в том необходимость, – отрезал маг, осторожно прижимая меня к себе. Неровные лепестки пламени, мечущиеся на ветру, вдруг вытянулись, обратившись в колючие золотисто-рыжие пики. – Светлая моя госпожа, ты выбрала не лучшее время, чтобы прийти наяву. У Вортигерна не осталось ни сил, ни времени, а у меня – выбора. Мне уже не суждено вернуться в твой прекрасный дом посреди разноцветной осени, как бы мне этого ни хотелось.

– Не говори глупостей. – Я взяла его лицо в чашу ладоней, заглянула в потускневшие зеленые глаза. – Я без тебя все равно не уйду.

К сожалению, земля людей – не то место, которое выполняет малейшее желание ши-дани...

– Трогательные речи, – вздохнул фаэриэ, – но они не имеют ни смысла, ни места. Кармайкл твердо намерен подуть в Рог, Фиорэ – твердо намерена ему помешать... Что вы хотите делать друг с другом?

– Тебя это не касается, тебе не понять. – Маг покачал головой – и вдруг мягко толкнул меня к Рею: – Уводи свою госпожу, уводи как можно дальше. Скоро настанет черный полдень, и дневной свет перестанет сдерживать Сумерки. Ты чувствуешь, как дрожит земля у нас под ногами? Это рвется грань, отделяющая изнанку тени. Ее некому остановить, кроме меня.

Бурым горбом вспучилась земля в двух десятках шагов от нас, у самой стены, пожухлая трава расступилась, позволяя вырасти небольшому глиняному кургану, с вершины которого комками ссыпались земляные катышки, перевитые травяными корнями. Казалось, что нежить лезла из давно позабытой людьми могилы, прокапывала себе путь наверх, к воздуху и свету, позабыв об извечном страхе перед дневным светилом.

Белые как снег руки, перемазанные влажной глиной, с длинными ногтями, забитыми грязью. Волосы чернее ночи слиплись так, будто их вымочили в крови. Нечеловечески прекрасное лицо с гладкой, будто выточенной из мрамора, кожей, на котором тонкие брови вразлет казались двумя росчерками пера. Обнаженное тело лишь до пояса осталось человеческим – дальше шли серо-стальные пластины, покрывающие насекомоподобный торс. Слово женщину разрубили надвое, а потом шутки ради вместо ног прирастили безголового паука, лапы которого заканчивались длинными железными лезвиями.

Бывшая Королева Мечей запрокинула голову к серому, затянутому плотной пеленой облаков небу, и над лугом разлился долгий, протяжный вой-клекот, хлестнувший по сердцу хвостатой костяной плетью, накрепко зацепившейся за душу ледяными коготками ужаса, принесенного с *той стороны*, откуда не должно быть возврата.

– Уноси ее!

Крик Кармайкла словно выдернул фаэриэ из глубокого сна-яви. Рейалл одним движением забросил меня на плечо и припустил через луг по направлению к лесу, перепрыгивая через вывороченные пласты земли. Заревело пламя, взметнувшееся к небу яркой рыжей дугой, оплело Мэбвэн тугой петлей, зачерняя копотью стальные пластины панциря, покрывающего ее тело. Жаркий ветер развеивал свободные одежды Кармайкла, глаза которого горели золотым пламенем, полноводной рекой изливалась из него магия, сырая, не успевшая оформиться в стройное, четко выверенное и хорошо управляемое заклинание, и потому не такая сильная, как могла бы быть.

Сумеречная тварь верещала, крутясь на месте, как собака, пытающаяся ухватить себя за хвост, а потом вдруг выскочила из огненного кокона, серо-стальной молнией метнулась к однорукому магу, сбивая его с ног и опрокидывая навзничь.

Тонкая паучья лапа, заканчивающаяся острым сабельным лезвием, стремительно опустилась, пригвоздив Кармайкла к земле, и кровь, потоком хлынувшая из сквозной раны чуть пониже грудины, на белоснежной коже Королевы Мечей показалась пронзительно-алой...

В сердце будто вонзили тонкую ледяную иглу, горло стянуло спазмом как удавкой.

Не позволю! Не допущу! Я обещала, что он ко мне вернется!

– Стой, Мэбвэн!

Имя мятежной фаэриэ глухо прогремело над лугом, породило эхо, подобное тому, что рождается после удара тяжелой, окованной железом дубины по прочному щиту, и оплело готовое вонзиться в лицо Кармайкла острое лезвие невидимой петлей приказа, не давая ему сдвинуться и пробить податливую и непрочную человеческую плоть.

– Дура, – тихо, беззлобно и как-то обреченно вздохнул Рейалл, небрежно стряхивая меня на землю и выхватывая саблю из ножен. Улыбнулся мне неожиданно тепло и ласково – и неторопливо пошел навстречу бывшей госпоже и возлюбленной, словно разом забыв о моем присутствии.

Сумеречная медленно, очень медленно убрала одно из своих лезвий и посмотрела на

меня глазами вроде тех, что я видела на лице волшебницы Гвендолин, ставшей проводником для насквозь прогнивших, больных ненавистью и беспокойной завистью к живущим душ.

Почерневшие белки, слепые бельма, затянувшие зрачки и радужки.

Взгляд, оставляющий в душе невидимый, выжженный дотла, след пережитого страха перед темнотой, наполненной чем-то непонятным, пугающим и голодным, перед бездной, которая рано или поздно начинает всматриваться в каждого.

А потом сабля вывернулась из руки Рея, круто развернулась и с размаху пробила ему грудь так, что окрашенное темной кровью лезвие на локоть вышло из спины фаэриэ. Железная лента провернулась, расширяя сквозную рану, и дернулась вперед, сквозь тело Рейалла, словно стремясь дотянуться и до меня, но он успел схватить обеими руками рукоять сабли и упасть на бок, сжимаясь в комок и невероятным усилием удерживая смертоносное для ши-дани лезвие внутри своего тела.

– Беги... – Хриплый, булькающий голос, словно кровь, толчками льющаяся из проделанной саблей дыры в груди, уже заполнила его горло.

Беги, маленькая моя ши-дани!

Слабый отзвук в порыве ветра, отталкивающего меня в сторону спасительного леса.

Усмешка, горизонтальной линией разделившая лицо Мэбвэн практически надвое и открывшая острые игольчатые зубы.

Выскользнувший из ножен на поясе хрипящего, задыхающегося от надрывного булькающего кашля фаэриэ тяжелый охотничий нож на миг завис в воздухе перед лицом Рейалла, качнулся туда-сюда, подобно маятнику, – и вдруг стремительно сорвался в мою сторону.

Я не успела даже испугаться или зажмуриться...

Мгновенный порыв ледяного вихря, бережно огладивший кожу легкими снежными пушинками.

Черная тень, заслонившая меня от ножа из холодного железа, седые волосы, в беспорядке рассыпавшиеся по плечам склонившегося ко мне Габриэля, защекотали мое лицо влажными прохладными кончиками.

– Здравствуй, зеркало мое.

Он улыбнулся, и время остановилось.

Гулкая тишина осеннего леса затопила прогалину, затянутую сверкающим серебристым туманом, сквозь который пробивались косые лучи солнечного света. Высокие березы, белыми свечами тянущиеся к невидимому за туманным шлейфом небу, роняли на пожухлую траву округлые желтые листья с золотыми прожилками, делая разноцветный лиственный ковер еще пышнее и ярче. Где-то вдалеке жгли костры, и запах горьковатого дыма плыл в прохладном осеннем воздухе.

Легко и спокойно, словно я в одночасье вернулась домой, в безопасные и прекрасные Холмы, встретившие меня как дорогую гостью или хозяйку. Кусочек Осенней рощи, невесть как оказавшийся рядом с городом Вортигерном.

Единственное, что выбивалось из общей картины мирного спокойствия, – это сидящий на стволе поваленного дерева Габриэль, задумчиво рассматривающий нож из холодного железа, по рукоять вымазанный темной, уже запекшейся кровью. Любой ши-дани на месте короля Самайна давно бы умер от подобной раны, а этот только едва заметно морщится, разглядывая остро отточенное лезвие.

– Как ты здесь оказался? – тихо спросила я, останавливаясь рядом с березой, листья на нижних ветках которой казались выкованными из червонного золота и меди.

– Это все, что ты хочешь у меня узнать? – Габриэль небрежно отбросил окровавленный нож в сторону и поднял на меня взгляд, травянистую зелень в котором сменила чернота глубокого озерного омута. – Я думал, что вопросов у тебя много больше, но ты, как всегда, задаешь самый бесполезный. Глупо, особенно с учетом того, что передышка у нас совсем коротенькая.

– Ты остановил время?

– Я просто перенес нас в уголок того Холма, который оказался ближе остальных.

Король Самайна с усилием поднялся, выпрямился и подошел ко мне.

Холодные пальцы осторожно сомкнулись на моем запястье, на котором поблескивал простой медный браслет с капельками огненно-рыжего янтаря, чуть сжали.

– Ты успела заключить договор с тем фазриэ, – еле слышно усмехнулся Габриэль, лаская проводя подушечкой моего пальца по одному из тонких шрамов на моей руке. – Недоглядел, и мое зеркало попало в руки к тому, который позволяет себе не беречь его должным образом... Впрочем, он уже наказан. Холодное железо не вредит живым стихиям так же, как ши-дани, но сквозная рана и большая потеря крови довольно быстро превратят Грозового Сумрака в обычный шторм.

– Пусти! – Я дернулась, пытаюсь высвободить руку, но пальцы короля Самайна оплели мое запястье подобно стальным оковам. Как он умудрился появиться у Вортигерна в летний Сезон? Как мог воспользоваться своей силой в полной мере, невзирая на совершенно неподходящее время и место? Или у него, как и у Мэбвэн, больше нет ограничений? – Ты же видел ее, видел, чем она стала! Она убьет их обоих и не остановится на достигнутом!

– Конечно, не остановится. – Габриэль зло, некрасиво улыбнулся, старый шрам побелел, косым росчерком исказил лицо. – Она будет продолжать убивать, и делать это будет уже не назло мне, а ради собственного удовольствия. Она вернулась в Сумерки, вернулась в родной дом, где ее больше не связывали Условия мира людей, и, поверь, вкус свободы для нее слаще вкуса горячей крови поверженного врага.

Король Самайна наклонился, приблизив лицо к моему, почти коснулся губ поцелуем.

– Мэбвэн не остановится, зеркало мое. Сама – не остановится. И тех, кто, как она считает, предал ее, она убьет с особым наслаждением и жестокостью, свойственной исключительно сумеречным. Ты знала, что первые фазриэ пришли из Сумерек? Что на самом деле они – жители с изнанки тени и мало чем отличаются от тех тварей, что обложили Вортигерн подобно горящему хворосту, которым малограмотные люди обкладывают дома своих общих врагов? Просто фазриэ приняли Условия мира людей и ограничения на свою силу, чтобы иметь возможность более-менее приемлемо существовать там, где разгул стихии приведет к непоправимым разрушениям. Ведь в гостях следует вести себя вежливо, а то хозяева могут вытолкнуть взашей, невзирая на снежную бурю за стенами теплого и уютного дома... Я расстроил тебя, зеркало мое?

– Нет...

– Ты совершенно не умеешь лгать. – Габриэль осторожно обнял меня, полы черного плаща запахнулись у меня за спиной, укутав тяжелым теплым коконом. – Только слезы здесь не помогут и ничего не изменят. Они не разжалобят Мэбвэн и не призовут низших сумеречных к миролюбию. И вряд ли ситуацию исправит Рог в руках смертного – сомневаюсь, что он сможет сыграть достойную песнь. Воли у него хватит, но вот жизненных сил...

... Алая кровь Кармайка, рубиновыми бусинами украсившая грудь и лицо Королевы Мечей. Тонкое саблевидное лезвие, пригвоздившее человека к земле. Даже если маг попытается сыграть что-то на Роге, ему не хватит дыхания. Тут и здоровому-то нелегко пришлось бы, а уж с такой раной... Люди ведь такие хрупкие...

– Что ты предлагаешь? – глухо спросила я, не поднимая взгляда, и тотчас почувствовала, как дрогнули руки Габриэля, осторожно оглаживающие мою спину сквозь испачканную пылью и травой льняную рубашку.

– Ты наконец-то задала правильный вопрос, зеркало мое. – Король Самайна отстранился, скользнул кончиками потеплевших пальцев по моему подбородку, приподнимая его и заставляя меня смотреть ему в глаза, лед в которых таял, а чернота омута сменялась изысканной травяной зеленью. – Я предлагаю тебе осень. Твою или мою – на выбор. Предлагаю привести Осеннюю рошу в мир людей в летний Сезон, или выпустить на волю злые ледяные бури холодного Самайна. Только скажи мне «да» – и ты снова станешь собой, мир людей будет отзываться на каждую твою мысль, окрасится золотом и багрянцем

листья, если ты захочешь, чтобы они стали ярче. Твоими слезами заплачет дождь, или солнце выглянет из-за туч только потому, что ты улыбнулась. Дай свое согласие – и на твоей стороне будут сражаться зимняя буря и сумеречные гончие, черный полдень принесет мрак среди дня и позволит выжить твоему фазриэ, раны которого исцелятся сразу же, как только он станет тем, кем был рожден, станет неистовой бурей.

– А цена? – еле слышно шепнула я, комкая в ладонях черную рубашку на груди Габриэля. – Ты ведь не окажешь такую неслыханную по щедрости услугу просто так.

– Разумеется. Моя цена – семь лет и один день твоего пребывания в моем времени с того момента, как мы вернемся в Алгорские холмы. Не как слуги – как гости, а если пожелаешь, то и королевы. Я обещаю не принуждать тебя ни в чем, и твое твердое «нет» остановит меня при любых условиях. Но я так же обещаю, что каждое твое сомнение я постараюсь обратить в согласие.

– А когда мой срок выйдет...

– Ты будешь вольна идти, куда тебе вздумается. – Габриэль наклонился и осторожно прижался щекой к моей щеке. – Но если ты примешь мое условие в обмен на силу здесь и сейчас, я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы ты по своей воле осталась в моем Самайне на гораздо более долгое время.

За спиной у меня раздалось громкое, отнюдь не деликатное покашливание, которое больше походило на едва сдерживаемый смех. Король Самайна поднял голову, а я обернулась, чтобы увидеть прислонившегося к березе Раферти. Идущий по Дороге, невесть как пробравшийся даже в местный Холм, отвесил мне шутливый поклон и широко, чуть издевательски улыбнулся:

– Так вот ты куда пропала, госпожа. А то я готов был начать беспокоиться – хорошие люди умирают, а тебя будто и след простыл. Габриэль, нехорошо так вмешиваться-то, да еще и ставить девушке такие нечестные условия. Сам ведь заварил всю эту кашу – и непонятно, ради чего. Скучно стало?

– Раферти, ты как всегда – заноза в самом неудобном месте. – Король Самайна выпрямился, разглядывая странника с нехорошим прищуром. – Свисток еще у тебя или успел кому-то передать?

– Не поверишь – потерял. Выпала игрушка где-то, а где – и сам не вспомню. – Идущий развел руками и нарочито горестно вздохнул. – Ничего, другой добрый человек подберет, а я еще себе раздобуду, может, лучше прежнего вещица окажется.

– Я эти «вещицы» мастерить не успеваю – так быстро ты их «добываешь», – беззлобно хмыкнул Габриэль, не убирая ладонь с моего плеча. – Зачем сюда-то пришел? Думал, без тебя не обойдется?

– Не обойдется. – Раферти разом посерьезнел. – Время в мире людей вот-вот потечет должным образом, и если светлой госпоже все еще хочется помочь тем, кто ей явно не безразличен, то лучше поторопиться.

– Я принимаю твое Условие, – негромко сказала я в тишине, мгновенно опустившейся на осеннюю поляну в окружении березовых свечей. – Я буду гостьей Самайна на семь лет и один день в обмен на право распоряжаться *своей* осенью.

– Мое зеркало в очередной раз отказывается брать чужое...

Тяжелый перстень из вороненой стали, с каплей кровавого янтаря, украсил указательный палец моей правой руки, и я услышала над головой хлопанье крыльев.

Птица, похожая на белоснежного голубя, перья которого отливали всеми цветами радуги, опустилась на мое плечо, доверчиво потерлась головой о мою шею – и сразу же вспорхнула к небу, рассыпаясь разноцветной искрящейся пылью. Теплой, пахнущей медвяным клевером и сосновой смолой в жаркий полдень, тающей на коже и скатывающейся по щекам крупными каплями летнего ливня.

Благословение южного Алгорского холма, дар сердца Летнего сада, магия летних шидани, что так любят подставлять ласковым солнечным лучам золотистые лица и танцевать посреди поля, приминая неспелые колосья ровным кругом.

Габриэль, Габриэль... Чем ты пожертвовал на этот раз, чтобы купить милость своенравной радужной птицы, и ради чего? Только чтобы в течение семи лет жить в моем обществе? Вряд ли. Тебе никогда не нужно было то, что лежит на поверхности, ты всегда старался отыскать то, что никто не видит или не может увидеть, и чем глубже и дальше спрятано это «нечто», тем интереснее тебе его заполучить. Пусть даже ненадолго, ровно до той поры, пока новая игрушка не перестанет развлекать и тобой вновь не овладеет скука.

Серебристый шлейф тумана начал таять и проседать, а вместе с ним исчезали очертания окрашенных яркой осенней кистью деревьев, лиственный ковер под ногами стремительно пропадал, обнажая иссушенную траву и растрескавшуюся, умирающую землю.

– Габриэль! Последний вопрос – почему все-таки «зеркало»?

– Потому что ты – дар сердца Осеннего холма в ответ на мою просьбу о зеркале, в котором правдиво отражаются все мои поступки...

Мир людей вокруг – как снежно-белое льняное полотно, на котором разноцветными шелковыми нитками вышиты деревья и травы, небо, затянутое тучами, и израненная Сумерками земля. Изнанка тени – прорехи на этой вышивке, уродливые дыры с неровными обугленными краями, которые необходимо крепко и аккуратно залатать, чтобы не испортилось прекрасное полотно, не истлел искусный узор.

Я шла по искалеченному лугу вдоль стены, и по пятам за мной шла *моя* осень, которая раздвинула тяжелые серые облака, как оконные занавески, выпустила сноп сияющих солнечных лучей сквозь образовавшуюся прореху, которые заставили отпрянуть паукообразную тварь в стальной броне, отогнали в густую тень, уже накрывшую умирающий лес.

Фаэриэ, лежащий у кромки леса в луже собственной крови, не успевшей еще впитаться в землю, шевельнулся и глянул на меня снизу вверх мутными, потемневшими от боли глазами. Я опустилась на колени, не обращая внимания на то, что пролитая кровь пятнает подол моего осеннего платья, оставляет багряные потеки на разноцветных листьях, и осторожно провела ладонью по бледной щеке Рейалла, покрытой холодной испариной.

– Сейчас пойдет дождь, а за ним наступит черный полдень, ночные сумерки посреди дня. Твои Условия будут выполнены.

Дареный нож со сверкающей каплей золотистого янтаря в оголовье мягко воткнулся в окровавленную землю рядом с фаэриэ.

– Этим оружием Мэбвэн не сможет управлять. Мне нужна твоя буря. Еще раз.

Он медленно кивнул, с усилием разжимая побелевшие от напряжения пальцы, сомкнувшиеся на рукояти сабли, и в этот момент по высушенной земле забарабанили первые капли осеннего ливня...

Солнечное затмение, которое люди называют «черным полднем», – зрелище великолепное, пугающее и притягивающее одновременно. Черный диск закрывает дневное светило, закрывает медленно и неторопливо, пока не наступит ночной мрак посреди дня, а на небе не будет сиять ослепительная корона, обрамляющий лик «бога смерти», который, согласно человеческим верованиям, пытается лишить живых солнца. Люди не могут безнаказанно увидеть это великолепие, разве что через закопченную над пламенем свечи хрустальную пластинку, а те, кто оказывались достаточно глупыми или рискованными, чтобы бесстрашно глянуть на лик «черного бога», в будущем расплачивались неминуемой слепотой.

Но то, что запрещено людям, разрешено фаэриэ.

Как и обещала маленькая ши-дани, появившаяся под стенами Вортигерна в том виде, В котором она обычно разгуливает в своем безопасном и благословенном Холме, отделенном от мира людей рекой пролитой крови и мостом, выстроенным из костей, после того, как хлынул дождь, стало ощутимо темнеть. Черная тень медленно напозала на золотой солнечный диск, превращая его в оранжевый, цвета полыхающего в ночи пламени, зажигая алый ореол, кровавую корону «бога смерти».

Последняя вспышка света – как золотая искра, своей яркостью на миг ослепившая даже

привычные ко всему глаза Рейалла, а затем на мир людей спустилась душная, безмолвная тьма, которую остро отточенным лезвием меча рассек слаженный хор голосов сумеречных тварей, до того скрывавшихся под землей и в камнях, прячущихся в мертвых, выгоревших изнутри древесных стволах и даже в вывороченных из городской стены каменных блоках. Будто каждая тень, до того безобидная и бессловесная, вдруг обрела плоть, голос и жгучее желание убивать.

Да сколько же их здесь собралось?!

С невыразимым облегчением сбросить тяжелое бремя телесной оболочки, позволить израненному телу растечься талой водой, осыпаться прозрачными каплями вместе с усилившимся ливнем, который больно хлестал жителей изнанки тени, но ласково касался тоненькой хрупкой фигурки рыжеволосой ши-дани в пышном венке из ярких осенних листьев. Она скользила по лугу, как призрак, увидеть который можно лишь краем глаза, хрупкие пальцы-веточки плели кружево из грозových облаков, украшая его сизыми взблесками молний, плели тонкую сетку магии над Вортигерном... И все только ради того, чтобы беспрепятственно подойти к неподвижно лежащему, но еще живому Кармайклу, судорожно сжимающему в дрожащей от напряжения руке переливающийся лунным светом перламутровый Рог, оправленный в серебро.

Что ты делаешь, Фиорэ?

Тепло улыбнувшись умирающему человеку, осенница поднесла к губам артефакт своего народа, подобный свернутой спиралью раковине со дна моря.

Первые же ноты, тягучие, протяжные, остановили сумеречных существ, которые с неистовой яростью пытались взобраться по высоким каменным стенам, невзирая на усилия защитников города. Остановили – потому что вызвали невыносимую тоску и горечь утраты, от которых хотелось выть и кататься по земле, силясь выдрать из груди сердце... или то, что заменяло его, только бы не ощущать этой безысходности.

А Рог все пел, поддерживаемый с одной стороны слабой и почти безвольной рукой человека, а с другой – хрупкими пальчиками осенней ши-дани. Песня заставляла вспоминать о доме, которого никогда не было, о прошлом, которое осталось далеко позади, о том, что когда-то существовало место, куда хотелось возвращаться снова и снова даже свободолюбивому фаэриэ. Место, где можно было быть свободным без оглядки на ненавистные Условия.

Тоска цвета аметиста, цвета грозových облаков, стремительно превращающаяся в злость, в ненависть к тому, что вызывало это глубоко ранящее ощущение.

Вспышка молнии, сизая плоть небесного огня, шарахнувшая в землю в двух шагах от крохотной женской фигурки, на коленях которой лежало окровавленное, бесчувственное человеческое тело. Хватит... Хватит!!!

Тугая плоть урагана сместилась, хобот смерча коснулся земли, вздымая в воздух мелкий сор, комья глины и захватывая внутрь бешено вращающихся потоков ветра сумеречных тварей, не успевших вовремя убраться с пути почти утратившей разум стихии.

Зов Рога загремел над лугом, на миг перекрывая даже громовые раскаты, и по обе стороны от фигурки осенницы будто бы из-под земли выросли две черные гончие, которые отгоняли от женщины всякого, кто осмеливался к ней приблизиться.

Смешно. Эти – мне не помеха. Все что угодно, только бы этот гимн безысходности наконец-то замолчал! Разбить, разорвать – только бы наступила тишина... Седовласый всадник на коне темнее мрака, появившийся следом за гончими, холодно улыбнулся, косой шрам на щеке исказил усмешку, превратив ее в презрительный оскал.

Защищают ... Фиорэ?

Что же ты творишь, печальная моя королева? Во что ты превращаешь нас?

Ради чего заставляешь... желать убить тебя?

Тугая петля ветра ослабла, бережно окружила хрупкую фигурку ши-дани непробиваемой броней, прочной воздушной крепостью. Теплые, почти неощутимые, невидимые пальцы Рейалла осторожно огладили ее бледные щеки, коснулись дрожащих

смеженных век, скользнули по разноцветным волосам, в которых все шире становились пряди цвета снежного серебра.

Острые саблевидные когти, полоснувшие по стене ветра, паучье тело, будто покрытое звенящими стальными латами, с безумной злобой ударились о выстроенную Грозным Сумраком защиту. Обломок его собственной сабли из холодного железа, управляемый волей Мэбвэн, в бессильной ярости пытался проникнуть между потоками вихря, пробиться сквозь тело смерча, чтобы достать до того, что скрывалось в «глазу бури», в тщательно охраняемом сердце живого шторма.

Отнять, растоптать бесценную осень, разрубить ее на куски, чтобы кровь ши-дани пропитала землю. Сломать хрупкую янтарную спицу, золотой мост, ведущий к Дому, к свободе, равной которой нет и не будет.

Туда, где Условия, гнетущие каждого из фазриэ, просто перестают иметь значение.

Алый нож с золотой янтарной капелькой в оголовье, брошенный потоком ветра, по самую рукоять вошел точнехонько в сочленение паучьего и человеческого тела, дернулся из стороны в сторону, расширяя рану, – а потом вдруг полностью скрылся внутри Мэбвэн.

Крик сумеречной взлетел к небесам, где черный диск, закрывающий солнце, уже медленно сдвигался, выпуская первые и потому кажущиеся особенно яркими после густого мрака золотые лучи... Долгий, протяжный, но оборванный так резко, словно Королеве Мечей с одного удара снесли голову.

Она так и застыла – с запрокинутым к небу лицом, по которому стекали капли стихающего дождя, с прижатыми к зияющей на животе ране узкими ладошками, с широко распахнутыми глазами и раскрытым в крике ртом, полным иглоподобных зубов.

Отзвучала последняя нота Зова, высокая и отчаянная, после которой наступила звенящая тишина.

Рука Фиорэ бессильно упала, треснувший пополам Рог выскользнул из ослабевших пальцев ши-дани и человека, мягко свалился на пожухлую траву, разом утратив сияние лунного луча и перламутровый блеск. Теперь это был обычный витой рог, старый, потемневший от времени, и только оправа из тусклого серебра с почти стертой чеканкой не давала ему развалиться надвое.

Воздушная крепость пропала, осыпалась захваченными смерчем каплями воды, сломанными ветками деревьев и оборванной листвой, ветер свился в кольцо, обрел форму и плотность человеческого тела, бережно придерживающего ши-дани за безвольно опущенные плечи.

А сумеречные уходили. По доброй воле покидали мир людей, скрываясь в стремительно тающих густых тенях.

Уходили домой, куда звал их волшебный Рог из благословенного Холма...

Я осторожно провела кончиками пальцев по сухой морщинистой щеке глубокого старика, в которого превратился Кармайкл, бережно убрала седые волосы от его лица. Он отдал все, что у него было, чтобы Рог как можно меньше отнял у меня, понимая, что ему не выжить после нанесенной раны, даже если я успела бы забрать его в Холмы...

– Малыш... Мой храбрый, очень храбрый малыш...

Истончившиеся до прозрачности старческие веки дрогнули и приподнялись – на меня смотрели зеленые глаза, не утратившие своей яркости и молодого блеска, улыбка тронула тонкие губы, выпачканные кровью.

– Госпожа... светлая... Я тебя обманул... я не смогу вернуться...

– Не говори глупостей! – Я наклонилась, легонько поцеловала соленые от человеческой крови и моих слез губы, которые еле ощутимо дрогнули, отзываясь. – Я заберу тебя с собой в Холмы, и там ты вновь будешь молод, здоров и полон сил. Я покажу тебе золотой рассвет над синим озером, сыграю на флейте, а ты будешь сидеть рядом... обнимать меня обеими руками и рассказывать о мире, в котором живут люди. Ты ведь столько еще должен мне рассказать... Ты еще не пробовал яблоки, которые растут в моем саду. Я выращу одно дерево специально для тебя, и на нем будут расти самые сладкие плоды. Ты будешь

встречать меня на пороге нашего дома, а я буду с радостью возвращаться, и так каждый день, который будет разным... Ты только не бойся... Все будет, как раньше... И георгины по-прежнему будут цвести у меня под окном, и пламя в очаге согреет тебя, если ты замерзнешь прохладным осенним вечером...

Просто поверь мне, человек с сердцем, в котором больше тепла и ласки, чем в солнце, согревающим ши-дани внутри Алгорских холмов. Улыбнись мне, не бойся того холода, что подступает к тебе со всех сторон, холода, от которого не спасут мои объятия и поцелуи. Я знаю, куда направляются пронзительно-алые души-птицы, там еще лучше, чем в Холмах или мире людей, ты сам все увидишь, то, что я не смогу объяснить, – ведь сама понимаю далеко не все. Но там нет ни боли, ни страха, нет сомнения и тоски. Там есть безмятежное спокойствие для каждого, кто хочет отдохнуть. Утешение, если застарелая боль так и осталась беспокоящей ледяной занозой, радость – если печаль сковывает острые стрижиные крылья невидимыми оковами, не давая взлететь как можно выше.

Не бойся уходить... Я провожу тебя...

Я обнимала Кармайкла, осторожно укачивала его в объятиях, как ребенка, чувствуя, как все реже, все труднее биться его сердцу, как все тише становится хриплое дыхание и стремительно тускнеет жизненная искра внутри человеческого мага. Обнимала до тех пор, пока искрящееся солнечное золото его сердца окончательно не погасло, а пепел не обратился в крошечную острокрылую бабочку-птицу, которая легко и беззаботно выпорхнула из мертвого тела, сделала круг над моей головой... и вдруг опустилась на мою протянутую руку.

Не уберегла... не успела...

– Прости, что не пришла раньше, – тихо шепнула я, боясь даже шевельнуться, чтобы не повредить прозрачные алые крылья, ласковым теплом щекочущие мне пальцы.

... Возьми на службу, светлая госпожа ...

Если бы я заранее знала – не выпустила бы Кармайкла из Осенней рощи.

Сверкающая бабочка-птица вдруг встрепенулась, легко и плавно взлетела с моей ладони – и прижалась к моей груди сгустком тепла и щемящей нежности, от которой у меня перехватило горло. словно человеческая душа все-таки сделала свой выбор, поселилась у меня под сердцем, как долгожданное дитя в чреве своей будущей матери, одним своим присутствием исцелила боль потери...

Ведь как можно потерять того, кто остался с тобой, пусть даже в несколько ином виде?

Я осторожно переложила тело Кармайкла со своих колен на траву, медленно поднялась, опираясь на вовремя подставленную руку фаэриэ, и неторопливо направилась к причудливому дереву, стройный ствол которого блестел на солнце полированной сталью.

Железная плакучая ива, глубоко вросшая корнями в развороченную землю, длинные ветви-плети, украшенные серебристо-серой листвой, тихо позванивающей при каждом порыве ветра. Я подошла ближе – и ветки шевельнулись как живые, потянулись к моим ладоням, осторожно царапая кожу узкими листочками, которые в любой момент могли обратиться в острейшие лезвия, охраняя путь в Сумерки. Безмолвный страж, еще одно «древо королей», только на этот раз его сердцем стала фаэриэ, по грудь вросшая в гладкий ствол, кора которого была покрыта причудливым рисунком-травлением.

Подаренный мне древом королей листочек нес в своем черенке не золотую каплю застывшей смолы, а крохотное семечко, проросшее сквозь тело Мэбвэн причудливыми корнями, железными побегами и обратившее фаэриэ в прочный мост, надежно соединивший Сумерки и мир людей, в ворота, увидеть которые может далеко не каждый.

Лицо бывшей Королевы Мечей изменилось, став более спокойным и мягким, глаза были плотно закрыты, а длинные ресницы-стрелочки черным кружевом ложились на порозовевшие щеки. Интересно, какие сны она видит, если на четко очерченных губах играет такая счастливая улыбка? Надеюсь, что самые лучшие и безмятежные.

– Она сейчас выглядит точно так же, как в тот день, когда мы с ней познакомились на мысе Иглы, – тихо произнес неслышно подошедший Габриэль, осторожно оглаживая

кончиками пальцев щеку спящей Мэбвэн. – Именно такой она встречала рассвет на самой высокой башне своего прекрасного замка и провожала солнце на закате. Так улыбалась, засыпая ночью...

Ластящаяся к моей ладони хрупкая веточка дрогнула, узкий серебристый лист порезал мне палец, и рубиновая капелька измазала блестящую железную кору ивы.

– Тебе жаль, что все так получилось?

– Нет. Я давно отучился сожалеть о том, что невозможно изменить.

– И потому навеки останешься старым пнем, который не учится на своих же ошибках.

Я обернулась на голос и увидела, как Раферти поднимает с земли треснувший пополам Рог, придирчиво осматривая его со всех сторон. Покачал головой, пряча отслуживший свое артефакт в залатанную сумку, небрежно висящую на плече, и глубоко вздохнул:

– Такую хорошую вещь сломали – и не стыдно же будет. Ладно, починю как-нибудь на досуге и верну кому следует, когда придет время.

– А ты бы вмешался – может, и не сломали бы, – усмехнулся Габриэль, убирая ладонь от железной ивы и приобнимая меня за плечи, чуть сдавливая пальцы, словно напоминая о данном обещании.

– Раферти! – Я подняла взгляд на хитро улыбающегося странника. – Ты знал, что оно все выйдет именно так?

– Догадывался, светлая госпожа. Миру людей необходимо равновесие, впрочем, как и Сумеркам, а для этого нужно было поставить на границе стража, который в равной степени принадлежал бы обоим мирам и не пропускал, кого попало. Та часть Мэбвэн, которая принадлежала Сумеркам, ушла в землю, обратившись в корни из холодного железа, которые не задержат только тех, кто согласится принять Условия. Ива, видимая только в мире людей, уже не допустит на изнанку тени желающих наворовать побольше могущества с *той* стороны.

Маленькая моя ши-дани ...

Я обернулась на шепот ветра, взглянула в густо-сиреневые глаза Рейалла, стоящего чуть поодаль. На светлой коже груди еще был виден ярко-розовый след, нанесенный саблей из холодного железа, ладони изрезаны десятками все еще кровоточащих царапин, правую бровь разделил надвое тонкий шрам, которого раньше не было.

Фаэриэ шагнул ко мне, взял за руку и осторожно провел подушечкой большого пальца по черному перстню с кроваво-красным янтарем.

– Надолго?

– Семь лет и один день с момента, как мы вернемся в Холмы.

Тогда не возвращайся!

Теплый вихрь взъерошил мои кудри, скользнул по лицу призрачным, почти неощутимым прикосновением.

Я печально улыбнулась, качнула головой:

– Рей, я найду тебя через семь лет, приду с первым днем осени. Только дождись.

– Да, ведь что такое семь человеческих лет для фаэриэ, не правда ли? – Черный тяжелый плащ с шелестом опустился на мои плечи, разом стирая ощущение теплого ветерка, ласкающего кожу. Габриэль обнял меня, потерся подбородком о мою макушку. – Если захочет – дождетя. Только если ты не пожелаешь остаться в моем Самайне или объединить наши дни.

– Я дождусь, маленькая ши-дани. – Рейалл улыбнулся, медленно разжимая пальцы и позволяя моей руке бессильно соскользнуть с его ладони. – Я верю тебе, и потому буду ждать там, где мы с тобой впервые встретились, чтобы тебе легче было меня найти.

Я кивнула и оглянулась, пытаюсь найти взглядом Идущего по Дороге, но того и след простыл.

– А где Раферти?

Король Самайна только тихо рассмеялся, зарываясь лицом в мои волосы.

– Ты лучше спроси, где мой конь. Раферти ворует его при каждом удобном случае, но

до сих пор всегда возвращал.

– Зачем?

– Ворует или возвращает?

– И то и другое.

– Понимаешь, – Габриэль скользнул губами по моему затылку, и я вздрогнула от этого неожиданно ласкового прикосновения, – кому-то все равно надо это делать...

Капли осеннего дождя, скользющие по лицу, подобно слезам.

Холодный туман, белесой пеленой отделивший меня от Рейалла.

Протяжный волчий вой, разливающийся над сжатым пшеничным полем, кое-где заметенным первым, быстро тающим под скупыми лучами холодного осеннего солнца, снегом.

Осенняя роща в день Самайна, встречающая своего короля...

Алая птица-бабочка, нежным теплом пригревшаяся под сердцем, выскользнула из моей груди, сделала круг над моей головой – и рассыпалась рубиновой пылью, став неотъемлемой частью одного из Алгорских холмов. Как и Там Лин, оберегающий меня невесомым теплым ветром, Кармайкл выбрал себе посмертие в волшебной стране, населенной ши-дани.

Я улыбнулась, плотнее кутаясь в черный плащ Габриэля.

И все-таки не бессмертие – самый великий дар человечеству, а возможность самому сделать последний и наиболее важный выбор...

ЭПИЛОГ

– Вот так и закончилась эта история. – Лохматый бродяга, сидевший у ярко горящего очага в окружении многочисленной ребятни, неторопливо выбил узорчатую трубку и бережно уложил ее в расшитый кожаный мешочек, висящий на поясе. – Фея вернулась в свой волшебный Холм вместе с душой благородного мага, пожелавшего сопровождать свою чудесную возлюбленную, чтобы провести там семь лет и один день, как и было уговорено с повелителем Дикой Охоты.

– И что же, она не сбежала к своему любимому? – с придыханием спросила рыжеволосая девочка лет десяти от роду, лицо которой было сплошь усыпано золотистыми веснушками. На протяжении всей сказки, которую рассказывал постучавшийся поздно вечером в дом странник, она сидела, приоткрыв от изумления рот и стараясь дышать тихо-тихо, чтобы не упустить ни слова, а вот сейчас вопросы посыпались из нее, как сухой горох из прохудившегося мешка.

За плотно закрытыми ставнями выла непогода, дождь вперемежку со снегом колотил в окна и стены, но даже сквозь этот шум то и дело чудился протяжный волчий вой, безошибочно выводивший песнь Дикой Охоты. Взрослые, уже давно обвешавшиеся украшениями из холодного железа, сидели чуть поодаль от очага за длинным столом, пили подогретое вино и негромко разговаривали на темы, которые казались неуместными, – о ценах на зерно и пиво, о том, кто сколько продал на последней ярмарке, сколько девок ушипнул на празднике Урожая. Бабы сидели обособленным кружком и делились последними сплетнями, но и они то и дело украдкой крестились, поглаживали железные крестики или обереги и настороженно косились на задвинутый дверной засов.

Ночь Самайна, ночь Дикой Охоты. Люди в эту ночь не спят до самого рассвета, собираются вместе у ярко горящего очага и стараются не думать о буре, разворачивающейся в поднебесье. Любого, кто постучится в дом поздним вечером, следует впустить и дать ему переждать страшную ночь, будь то простой бродяга или матерый разбойник – все равно никто не обидит хозяев в Самайн, опасаясь Дикой Охоты, которая на свежую кровь и недавнюю смерть прилетает, как ворон на падаль, и тогда не сдержат ее ни дубовые запоры, ни веточка омелы в дверном косяке, ни подковы из холодного железа, висящие над каждым окном.

Бродяга помолчал, а потом улыбнулся, глядя на девочку:

– Да кто ж ее знает-то? Года четыре назад в первый день осени у мыса Иглы, где должен был ждать фею из Холмов ее возлюбленный, разыгралась страшная буря. Океан едва не вышел из берегов, ветер выл, не то радуясь возвращению любимой, не то злясь на невыполненное обещание. Ураган принес с собой ливни, которые чуть не затопили рыбацкую деревеньку, что стояла на берегу, сносил крыши с домов, а напоследок обрушил старинный замок в воду. Так что поутру рыбаки, рискнувшие выйти из своих домов к берегу, увидели только разрушенный штормом мыс Иглы да обломки, которые прибило к берегу. Сказывают, что люди, которые все-таки отважились в тот день выйти в море, возвращались в лодках, наполненных богатством из разрушенного замка, и утверждали, что это ураган отдавал людям выкуп за волшебную невесту и возмещал ущерб, нанесенный во время свадебного пира над морем. А может, замок был обрушен по злости, и вещи уцелели случайно. Как проверишь-то? В том-то и дело, что никак.

Странник поболтал остатками подогретого вина в кружке, допил одним глотком, и со стуком поставил посудину на низенькую скамеечку у очага.

– Ну, отдохнул я у вас, люди добрые, – пора и честь знать.

– Дядька Раферти! – Паренек, которому на вид было лет пятнадцать, а то и все шестнадцать, вдруг ухватил бродягу за рукав истрепанной куртки. – А невесту ты украсть можешь?

– Невесту украсть? – переспросил странник, задумчиво пощипывая седеющую жесткую бороду и хитро улыбаясь. – А почему б не суметь. Особенно когда сама невеста не против, чтобы ее украли.

Раферти поднялся с колченогого табурета, прислушиваясь к вою ветра за добротными сложенными бревенчатыми стенами дома, и улыбнулся еще шире. Порылся в кармане, выуживая мелкую серебряную монетку, и бросил ее в сторону хозяев, попав точнехонько в опустевшую глиняную кружку.

– Задержался я у вас, пора мне в путь-дорогу.

– Да куда ж ты собрался, голова дурная, – всплеснула руками пышнотелая селянка, едва не смахнув со стола миску с гречневой кашей на меду. – Вон что за окном творится, как бы Дикая Охота над крышей не пронеслась! Сгинешь же!

– Не сгину, – усмехнулся странник, набрасывая на плечи широкий плащ и потуже завязывая кожаный шнурок у горла. Похлопал по сумке, висящей на поясе, подмигнул хозяйке дома: – Я тут кое-что вернуть обещался, сейчас самое время.

Дверь за его спиной захлопнулась почти сразу же, стоило Раферти переступить порог дома и выйти на продуваемое всеми ветрами скрипучее крыльцо. Дождь лил не переставая, дорога превратилась в болотце, наполненное ледяной водой и грязью, сизые плети молний то и дело прорезали бешено несущиеся по небу черные тучи, на миг выхватывая из мрака очертания скачущей над землей Дикой Охоты. Редко на изломе осени, когда близкое дыхание зимы ощущается каждое утро, а ночь разрисовывает белесым инеем ветки деревьев и узорчатые ставни домов, случается настолько сильная гроза, в которой, если прислушаться, можно уловить пронзительно-чистую мелодию, радостную, свободную и искреннюю, выводимую золоченой флейтой.

Раферти усмехнулся и, стукнув окованным железом основанием тяжелого осинового посоха по разбухшему от воды скрипучему крыльцу, сошел с высоких ступеней на едва заметно мерцающую в сумерках серебристую дорожку.

Как мало все-таки люди знают о добрых феях.

Равно как и о самих себе...

Октябрь 2008 – июнь 2009

Комментарии

Цеп – простейшее с.х. орудие для обмолота зерновых культур. Состоит из длинной деревянной ручки (держалень) и короткого била (цепинка), соединенных сыромятным ремнем (гуж). – Примеч. авт.